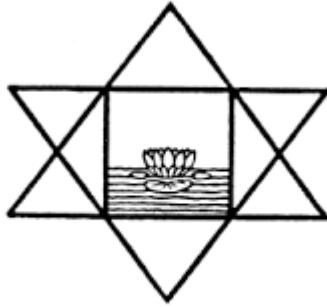

САВИТРИ

Легенда и Символ

Шри Ауробиндо

САВИТРИ

Легенда и Символ

© 2020 Перевод Леонида Ованесбекова

Оглавление

Книга Восьмая КНИГА СМЕРТИ 7

Песня III СМЕРТЬ В ЛЕСУ 7

Книга Девятая КНИГА ВЕЧНОЙ НОЧИ 17

Песня I К ЧЁРНОЙ ПУСТОТЕ 17

Песня II ПУТЕШЕСТВИЕ В ВЕЧНОЙ НОЧИ И ГОЛОС ТЬМЫ 37

Книга Десятая КНИГА ДВОЙСТВЕННЫХ СУМЕРЕК 61

Песня I МЕЧТА СУМРАКА ОБ ИДЕАЛЕ 61

Песня II ЕВАНГЕЛИЕ СМЕРТИ И ТЩЕТА ИДЕАЛА 75

Песня III СПОР ЛЮБВИ И СМЕРТИ 99

Песня IV ГРЁЗЫ СУМРАКА О ЗЕМНОЙ РЕАЛЬНОСТИ 135

Книга Одиннадцатая КНИГА ВЕЧНО ДЛЯЩЕГОСЯ ДНЯ 185

Песня I ВЕЧНЫЙ ДЕНЬ: ВЫБОР ДУШИ И ВЫСШЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ 185

Книга Двенадцатая ЭПИЛОГ 259

Эпилог ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ 259

Приложение. Неиспользованные фрагменты Савитри 277

[Книга II, Песня 6] Царства и Боги более Высокой Жизни 277

[Книга II, Песня 7] Спуск в Ночь 285

[Книга IV, Песня 2] Рост Пламени 289

[Книга V, Песня 3] Сатьяван и Савитри 293

[Книга VI, Песня 2] Путь Судьбы и Проблема Боли 295

Book Eight
THE BOOK OF DEATH

Книга Восьмая
КНИГА СМЕРТИ

Canto III
DEATH IN THE FOREST

Песня III
СМЕРТЬ В ЛЕСУ

Now it was here in this great golden
dawn.

By her still sleeping husband lain
she gazed

Into her past as one about to die

Looks back upon the sunlit fields of
life

Where he too ran and sported with
the rest,

Lifting his head above the huge
dark stream

Into whose depths he must for ever
plunge.

All she had been and done she lived
again.

The whole year in a swift and
eddy race

Of memories swept through her and
fled away

Into the irrecoverable past.

Then silently she rose and, service
done,

Bowed down to the great goddess
simply carved

By Satyavan upon a forest stone.

What prayer she breathed her soul
and Durga knew.

Perhaps she felt in the dim forest
huge

И вот Савитри снова здесь,
среди великой золотой зари.

Она лежала рядом
с тихо спящим мужем

И всматривалась в прошлое своё,
как человек,

приблизившийся к смерти,

Оглядывается на солнечные
яркие равнины жизни,

Где он когда-то тоже бегал,
веселился, отдыхая,

И поднимает голову над
чёрной необъятною рекою,

В чьи мрачные глубины
должен он нырнуть навеки.

Всё, чем она была, что сделала,
она прожила вновь.

Весь год в водовороте
быстрой гонки

Воспоминаньями пронёсся
сквозь неё

Прочь улетая
в безвозвратность прошлого.

Затем она тихонько поднялась,
и выполняя службу,

Склонилась низко
пред великою богиней,

Которую в лесу, на камне вырезал
простым рисунком Сатьяван.

О чём дышала та молитва
знали лишь её душа и Дурга.

Она, возможно, ощутила
в неотчётливой громаде леса

The infinite Mother watching over
her child,
Perhaps the shrouded Voice spoke
some still word.
At last she came to the pale mother
queen.
She spoke but with guarded lips and
tranquil face

Lest some stray word or some
betraying look
Should let pass into the mother's
unknowing breast,
Slaying all happiness and need to
live,
A dire foreknowledge of the grief to
come.
Only the needed utterance passage
found:
All else she pressed back into her
anguished heart
And forced upon her speech an
outward peace.
"One year that I have lived with
Satyavan
Here on the emerald edge of the
vast woods
In the iron ring of the enormous
peaks
Under the blue rifts of the forest
sky,
I have not gone into the silences
Of this great woodland that
enringed my thoughts
With mystery, nor in its green
miracles

Wandered, but this small clearing
was my world.
Now has a strong desire seized all
my heart
To go with Satyavan holding his hand
Into the life that he has loved and
touch

Всю бесконечность Матери,
оберегающей своё дитя,
А может, скрытый Голос,
прошептал её тихие слова.
Но, наконец, она пришла
к поблекшей матери-царице.
Во время разговора
она следила за губами
и спокойствием лица,
Чтобы нечаянное слово
иль предательское выраженье глаз
Не пронесли
в незнающую душу матери,
Убив всё счастье
и необходимость жить,
Ужасное предвидение
будущего горя.
И только нужные слова
она подобрала:
Всё остальное загнала назад,
в измученное сердце,
И наложила на беседу
показной покой.
"Весь год, что прожила я
с Сатъяваном
Здесь, на краю зелёных
растянувшихся лесов,
Среди железного кольца
высоких пиков,
Под синими просветами
лесного неба,
Я не ступала никогда в безмолвия
Большой лесной страны,
что окружала мысли у меня
Своими тайнами, ни разу
в этих изумрудных чудесах
я не гуляла,
Лишь эта узкая поляна
и была мой мир.
Сейчас же сильное желанье
завладело сердцем —
Пойти, держа за руку Сатъявана,
В ту жизнь, которую он любит,

Herbs he has trod and know the
forest flowers
And hear at ease the birds and the
scurrying life
That starts and ceases, rich far rustle
of boughs
And all the mystic whispering of
the woods.

Release me now and let my heart
have rest."

She answered: "Do as thy wise
mind desires,

O calm child-sovereign with the
eyes that rule.

I hold thee for a strong goddess who
has come

Pitying our barren days; so dost
thou serve

Even as a slave might, yet art thou
beyond

All that thou doest, all our minds
conceive,

Like the strong sun that serves earth
from above."

Then the doomed husband and the
woman who knew

Went with linked hands into that
solemn world

Where beauty and grandeur and
unspoken dream,

Where Nature's mystic silence
could be felt

Communing with the secrecy of
God.

Beside her Satyavan walked full of
joy

Because she moved with him
through his green haunts:

коснуться трав, где ходит он,
Взглянуть на россыпи
лесных цветов,
Услышать беззаботных птиц
и суетящуюся жизнь,
Которая то начинается,
то прекращается,
Богатый отдалённый шелест листьев,
и все мистические шёпоты лесов.

Прошу вас отпустить меня,
пусть сердце отдохнёт моё."

Царица отвечала:

"Делай так, как захотел
твой мудрый ум,

О тихое дитя-властитель
с взглядом, что повелевает.

Ты для меня могучая богиня,
что пришла

Из сострадания к нашим
бедным дням;

Ты служишь так же,
как могла трудиться бы рабыня,

Но ты, однако, превосходишь
всё, что делаешь,

и всё, что понимаем мы умом,

Как солнце, полное
могущества и силы,

служит с высоты земле."

Затем судьбою обречённый муж
и женщина, что знала,

Ушли, держа друг друга за руки,
в волнующий тот мир,

Где — красота, величье,
невыразимые мечты,

Где можно ощутить
мистическую тишину Природы,

Берущую причастие
от тайны Бога.

И Сатьяван шагал с ней,
радуясь тому,

Что вместе с ним она идёт,
зелёной чащей

по его излюбленным местам:

He showed her all the forest's riches, flowers	Он ей показывал богатства леса и цветы,
Innumerable of every odour and hue	Неисчислимы в своих оттенках красок, ароматов,
And soft thick clinging creepers red and green	И мягкий, льнущий и густой вьюнок, зелёный с красным,
And strange rich-plumaged birds, to every cry	И необычных птиц с богатым оперением;
That haunted sweetly distant boughs replied	Он отвечал на каждый крик, что сладко пробирался дальними ветвями,
With the shrill singer's name more sweetly called.	И нежно называл по имени пронзительных певцов.
He spoke of all the things he loved: they were	Он говорил о тех, кого любил: все были для него
His boyhood's comrades and his playfellows,	Друзьями детства и товарищами в играх,
Coevals and companions of his life	Ровесниками, спутниками жизни,
Here in this world whose every mood he knew:	И в этом мире он знал все их настроения:
Their thoughts which to the common mind are blank,	Он разделял их мысли, что обычному уму казались бы пустыми,
He shared, to every wild emotion felt	На каждую их дикую эмоцию он ощущал ответ.
An answer. Deeply she listened, but to hear	Она вбирала все его слова, но только чтобы слышать голос,
The voice that soon would cease from tender words	Который скоро отойдёт от нежных слов,
And treasure its sweet cadences beloved	И слушать сладкую и дорогую, интонацию любимого, Чтоб сохранить всё это в одинокой памяти,
For lonely memory when none by her walked	Когда никто не будет с ней прогуливаться рядом,
And the beloved voice could speak no more.	И тот любимый голос никогда уже не сможет говорить.
But little dwelt her mind upon their sense;	Однако ум её не сильно погружался в смысл его речей;
Of death, not life she thought or life's lone end.	О смерти думала она, а не о жизни, или одиночестве в конце.
Love in her bosom hurt with the jagged edges	Любовь в её груди болела, корчилась в страданиях,

Of anguish moaned at every step
with pain

Crying, "Now, now perhaps his
voice will cease

For ever." Even by some vague
touch oppressed

Sometimes her eyes looked round
as if their orbs

Might see the dim and dreadful
god's approach.

But Satyavan had paused. He meant
to finish

His labour here that happy, linked,
uncaring

They two might wander free in the
green deep

Primaeval mystery of the forest's
heart.

A tree that raised its tranquil head to
heaven

Luxuriating in verdure, summoning
The breeze with amorous wideness
of its boughs,

He chose and with his steel assailed
the arm

Brown, rough and strong hidden in
its emerald dress.

Wordless but near she watched, no
turn to lose

Of the bright face and body which
she loved.

Her life was now in seconds, not in
hours,

And every moment she economised

Like a pale merchant leaned above
his store,

The miser of his poor remaining
gold.

Как от зазубренных кинжалов муки,
плачущей при каждом шаге,

Крича: "Вот-вот сейчас
его прекрасный голос
замолчит навеки."

И, словно отвечая

на незримое касание,

Её глаза осматривали всё вокруг,
как будто бы они

Могли увидеть приближенье
страшного невидимого бога.

Тут Сатьяван остановился.

Он захотел закончить здесь
свой труд,

Чтоб взявшись за руки потом,
счастливые и беззаботные,

Они, свободные, вдвоём
могли пойти гулять

в зелёной глубине

Той первобытной тайны
сердца леса.

Он выбрал дерево,

тянувшее свою спокойную
вершину к небу,

Купаясь в роскоши листвы,

И призывая ветерок
любовной широтой ветвей,

Затем он сжал в ладонях
атакующую сталь,

Косматый, сильный, загорелый,
и скрылся в изумрудном одеянии.

Без слов, но рядом,

наблюдала всё она,

Не упуская ни малейшего движения

Живого, яркого лица и тела,
что она любила.

Сейчас её жизнь шла

не на часы, а на секунды,

И каждый миг она

лелеяла и берегла,

Как побледневший лавочник,

склонившись над своим товаром,

Как скряга — скудное своё

But Satyavan wielded a joyous axe.

He sang high snatches of a sage's
chant

That pealed of conquered death and
demons slain,

And sometimes paused to cry to her
sweet speech

Of love and mockery tenderer than
love:

She like a pantheress leaped upon
his words

And carried them into her cavern
heart.

But as he worked, his doom upon
him came.

The violent and hungry hounds of
pain

Travelled through his body biting as
they passed

Silently, and all his suffering breath
besieged

Strove to rend life's strong
heart-cords and be free.

Then helped, as if a beast had left
its prey,

A moment in a wave of rich relief

Reborn to strength and happy ease
he stood

Rejoicing and resumed his
confident toil

But with less seeing strokes. Now
the great woodsman

Hewed at him and his labour
ceased: lifting

His arm he flung away the poignant
axe

Far from him like an instrument of
pain.

оставшееся золото.

А Сатьяван, довольный, радостный,
работал топором.

Он распевал возвышенные строфы
песен мудрецов,

Что возвещали об убитых демонах
и покорённой смерти,

И временами останавливался,
крикнуть ласковое слово

Любви, иль шутки,
что нежней любви:

Она пантерою кидалась
на его слова

И уносила их
в свою пещеру сердца.

Пока он так трудился,
к нему пришла, повиснув облаком,
его судьба.

Голодные, неистовые псы
мучения и боли

Уже неслись по телу
кусая молча, на ходу,

Его страдающее, осаждённое дыхание
старалось разорвать

Опутавшие сердце нити,
стать свободным.

Затем немного полегчало,
словно зверь оставил

временно свою добычу,

На миг, на той волне
короткого и щедрого освобождения,

Как будто возрождаясь к силе
и счастливой лёгкости, он встал,

И радуясь, продолжил снова свой,
уверенный в успехе, труд,

Но с меньшей силою.

Сейчас великий лесоруб

Рубил по нём, и он уже
не смог работать:

Поднявшись, он швырнул прочь
острый свой топор,

Подальше от себя,
как инструмент мучения.

She came to him in silent anguish
and clasped,
And he cried to her, "Savitri, a pang
Cleaves through my head and breast
as if the axe
Were piercing it and not the living
branch.
Such agony rends me as the tree
must feel

When it is sundered and must lose
its life.
Awhile let me lay my head upon thy
lap
And guard me with thy hands from
evil fate:
Perhaps because thou touchest,
death may pass."
Then Savitri sat under branches
wide,
Cool, green against the sun, not the
hurt tree

Which his keen axe had cloven, —
that she shunned;

But leaned beneath a fortunate
kingly trunk
She guarded him in her bosom and
strove to soothe
His anguished brow and body with
her hands.
All grief and fear were dead within
her now
And a great calm had fallen. The
wish to lessen
His suffering, the impulse that
opposes pain
Were the one mortal feeling left. It
passed:
Griefless and strong she waited like
the gods.
But now his sweet familiar hue was
changed

Она в безмолвной муке
подошла к нему и обняла,
А он вскричал, "Савитри, боль
Идёт, раскалывая
голову мою и грудь,
Как если бы топор ударил их,
а не живую ветку.
Мучительная разрывающая боль
во мне, какую, видно,
ощущает дерево,
Когда его срубают и оно
должно закончить жизнь.
Позволь, я ненадолго головой
прилягу на твои колени
И ты ладонями своими
оградишь меня от злой судьбы:
Быть может, от твоих касаний
смерть уйдёт."
Тогда Савитри села
под широкими ветвями,
Дающими зелёное прохладное,
убежище от солнца,
но в стороне от раненого дерева,
Которое он разрубил
своим железным топором, —
его она остереглась;
Склонившись под удобным
царственным стволом,
Она его держала, охраняя на груди,
стараясь успокоить
Ладонями измученные
лоб и тело.
Весь страх и горе
умерли внутри неё сейчас
И снизошло великое безмолвие.
Желание уменьшить в этот миг
Его страдания, дать импульс
противостоящий этой боли —
Единственное чувство,
что осталось у неё от смертной.
Оно прошло: без горя, сильная,
она ждала, как ожидают боги.
И вот его знакомый

Into a tarnished greyness and his
eyes

Dimmed over, forsaken of the clear
light she loved.

Only the dull and physical mind
was left,

Vacant of the bright spirit's
luminous gaze.

But once before it faded wholly back,
He cried out in a clinging last
despair,

"Savitri, Savitri, O Savitri,
Lean down, my soul, and kiss me
while I die."

And even as her pallid lips pressed
his,

His failed, losing last sweetness of
response;

His cheek pressed down her golden
arm. She sought

His mouth still with her living
mouth, as if

She could persuade his soul back
with her kiss;

Then grew aware they were no
more alone.

Something had come there
conscious, vast and dire.

Near her she felt a silent shade
immense

Chilling the noon with darkness for
its back.

An awful hush had fallen upon the
place:

There was no cry of birds, no voice
of beasts.

A terror and an anguish filled the
world,

нежный цвет
Сменился тусклой серостью,
глаза подёрнулись
туманной пеленой,

Покинутые чистым светом,
что она любила.

Остался лишь безжизненный
телесный ум,

Лишённый яркости
и света взгляда духа.

Но прежде, чем угаснуть насовсем,
Он выкрикнул, в последнем,
льнущем к ней отчаяньи,

"Савитри, о Савитри, о Савитри,
Склонись, моя душа,
и поцелуй меня,
я умираю."

И только мертвенные губы у неё
к его губам прижались,

Его — ослабли, потеряв
последний отклик нежности;

Его щека легла, прижавшись
на её прекрасную ладонь.

Она его уста искала,
живыми тихими устами,

Как будто поцелуем
она могла уговорить
вернуться душу у него;

Затем ей стало ясно,
что они здесь не одни.

Сюда явилось нечто,
осознающее, широкое
и страшное.

Она почувствовала рядом
огромную, немую тень,

Что холодила полдень
темнотою за своей спиной.

На это место снизошло
зловещее молчание:

Не стало криков птиц
и голосов зверей.

Весь мир наполнился
мучением и ужасом,

As if annihilation's mystery
 Had taken a sensible form. A
 cosmic mind
 Looked out on all from formidable
 eyes
 Contemning all with its unbearable
 gaze
 And with immortal lids and a vast
 brow
 It saw in its immense destroying
 thought
 All things and beings as a pitiful
 dream,
 Rejecting with calm disdain
 Nature's delight,
 The wordless meaning of its deep
 regard
 Voicing the unreality of things

 And life that would be for ever but
 never was
 And its brief and vain recurrence
 without cease,
 As if from a Silence without form
 or name
 The Shadow of a remote uncaring
 god
 Doomed to his Nought the illusory
 universe,
 Cancelling its show of idea and act
 in Time
 And its imitation of eternity.
 She knew that visible Death was
 standing there

 And Satyavan had passed from her
 embrace.

End of Canto Three
End of Book Eight

Как если бы мистерия уничтожения
 Приобрела бы осязаемый вид.
 Космических масштабов ум
 Смотрел на всё
 своими грозными очами;
 Всё презирая в
 непереносимом взгляде,
 С широким лбом
 и веками бессмертного,
 Своей безмерной
 разрушавшей мыслью
 Он видел всех существ,
 все вещи — жалкими мечтами,
 И холодно, с пренебреженьем
 отвергая радости Природы,
 Беззвучный смысл его
 глубокого внимательного взгляда
 Показывал, насколько нереально
 это всё,
 И жизнь, которая могла быть вечной,
 но, однако, не была ей никогда,
 И все её короткие, пустые
 возвращения, без остановки,
 Как будто из Безмолвия,
 без имени и формы,
 Та Тень далёкого,
 безжалостного бога
 Неумолимо обрекала на своё Ничто
 всю иллюзорную вселенную,
 И отменяла представление её идеи,
 действия во Времени,
 И подражанье вечности.
 Савитри поняла, что это
 видимый бог Смерти
 появился здесь,
 А Сатьяван ушёл
 прочь из её объятий.

Конец третьей песни
Конец восьмой книги

Book Nine
THE BOOK OF ETERNAL
NIGHT

Canto I
TOWARDS THE BLACK VOID

So was she left alone in the huge
wood,
Surrounded by a dim unthinking
world,
Her husband's corpse on her
forsaken breast.
In her vast silent spirit motionless

She measured not her loss with
helpless thoughts,
Nor rent with tears the marble seals
of pain:
She rose not yet to face the dreadful
god.

Over the body she loved her soul
leaned out
In a great stillness without stir or
voice,
As if her mind had died with
Satyavan.
But still the human heart in her beat
on.
Aware still of his being near to hers,
Closely she clasped to her the mute
lifeless form

As though to guard the oneness they
had been
And keep the spirit still within its
frame.

Книга Девятая
КНИГА ВЕЧНОЙ НОЧИ

Песня I
К ЧЁРНОЙ ПУСТОТЕ

Итак, она осталась здесь одна,
среди огромной чащи леса,
Кругом стоял бездумный
тусклый мир,
На ставшей одинокою её груди
лежало тело мужа.
В широкой неподвижности,
молчаньи духа
Она беспомощными мыслями
не мерила утрату,
И не срывала со слезами
мраморные прочные печати боли:
Она ещё не поднялась,
чтоб встретиться
со страшным богом.

Её душа склонилась
над любимым телом
В великой тишине,
без звука, без движения,
Как будто ум в ней умер
вместе с Сатъяваном.
Но человеческое сердце
продолжало биться.
Осознавая до сих пор
его с собою рядом,
Она теснее прижимала,
ставшую немой,
безжизненную форму,
Как бы желая защитить единство,
чем они недавно были,
И удержать дух Сатъявана
в прежней оболочке.

Then suddenly there came on her
the change
Which in tremendous moments of
our lives
Can overtake sometimes the human
soul
And hold it up towards its luminous
source.
The veil is torn, the thinker is no
more:
Only the spirit sees and all is
known.
Then a calm Power seated above
our brows
Is seen, unshaken by our thoughts
and deeds,
Its stillness bears the voices of the
world:
Immobile, it moves Nature, looks
on life.
It shapes immutably its far-seen
ends;
Untouched and tranquil amid error
and tears
And measureless above our striving
wills,
Its gaze controls the turbulent whirl
of things.
To mate with the Glory it sees, the
spirit grows:
The voice of life is tuned to infinite
sounds,
The moments on great wings of
lightning come
And godlike thoughts surprise the
mind of earth.
Into the soul's splendour and intensity
A crescent of miraculous birth is
tossed,
Whose horn of mystery floats in a
bright void.

Затем внезапно в ней
случилась перемена,
Которая, порой,
в великие моменты наших жизней
Способна овладеть
душою человека
И вознести её к сияющему,
светлому истоку ввысь.
Срывается покров
и больше нет мыслителя:
Один лишь дух глядит
и познаётся всё.
Затем спокойное Могущество,
сидящее над нашими бровями,
Становится заметно, зримо,
не тревожимое нашей мыслью
и делами,
Его безмолвие поддерживает
голоса вселенной:
Не двигаясь, оно даёт
движение Природе,
смотрит на течение жизни.
Оно выстраивает непреложные
и далеко идущие задачи, цели;
Спокойный, незатронутый
среди ошибок и потоков слёз,
Неизмеримо выше
наших борющихся воль,
Его взгляд правит
бурным вихрем мира.
Наш дух растёт, чтоб сочетаться
с тем Великолепьем,
что он видит:
И голос жизни в нас настраивается
на звуки бесконечности,
Приходят к нам особые минуты
на великих крыльях озарений,
Богopodobные идеи, мысли
удивляют ум земли.
В богатство и насыщенность души
Спускается по волнам полумесяц
странного, чудесного рождения,
Чей рог мистерии

As into a heaven of strength and
silence thought
Is ravished, all this living mortal
clay
Is seized and in a swift and fiery
flood
Of touches shaped by a Harmonist
unseen.
A new sight comes, new voices in
us form
A body of the music of the Gods.

Immortal yearnings without name
leap down,
Large quiverings of godhead
seeking run
And weave upon a puissant field of
calm
A high and lonely ecstasy of will.

This in a moment's depths was born
in her.
Now to the limitless gaze disclosed
that sees
Things barred from human
thinking's earthly lids,
The Spirit who had hidden in Nature
soared
Out of his luminous nest within the
worlds:
Like a vast fire it climbed the skies
of night.
Thus were the cords of self-oblivion
torn:
Like one who looks up to far
heights she saw,
Ancient and strong as on a windless
summit
Above her where she had worked in
her lone mind
Labouring apart in a sole tower of
self,

плывёт по яркой пустоте.
И словно в небеса безмолвия и силы
уносит мысль,
Вся эта смертная живая плоть
захвачена,
И в быстром, пламенном
потоке соприкосновений
Меняется незримым
Музыкантом.
Приходит новый взгляд,
и голоса, звучащие по-новому,
В нас создают
основу музыки Богов.
Бессмертные стремленья,
безымянные, ныряют вниз,
Широкие вибрации божественного
в поиске несутся,
Переплетаясь на могучем
поле тишины
В каком-то одиноком и возвышенном
экстазе воли.
В одно мгновенье, в глубине
родилось это в ней.
И к безграничному,
открывшемуся взгляду,
Что видит недоступное
земным очам мышленья человека,
Дух, спрятанный в Природе,
вырвался и воспарил
Из светлого укрытья своего
внутри миров:
Широким пламенем
он поднимался до небес ночи.
Так были порваны все пути,
породившие забвение себя:
И, словно глядя вверх,
в далёкие высоты,
Она увидела могучий, древний,
словно на безветренной вершине,
Над местом, где она в своём уме
трудилась одиноко,
Отойдя от всех,
в высокой башне духа,

The source of all which she had
seemed or wrought,
A power projected into cosmic
space,
A slow embodiment of the aeonic
will,
A starry fragment of the eternal
Truth,
The passionate instrument of an
unmoved Power.
A Presence was there that filled the
listening world;
A central All assumed her
boundless life.
A sovereignty, a silence and a
swiftness,
One brooded over abysses who was
she.

As in a choric robe of unheard
sounds
A Force descended trailing endless
lights;
Linking Time's seconds to infinity,
Illimitably it girt the earth and her:
It sank into her soul and she was
changed.
Then like a thought fulfilled by
some great word
That mightiness assumed a symbol
form:
Her being's spaces quivered with its
touch,
It covered her as with immortal
wings;
On its lips the curve of the unuttered
Truth,
A halo of Wisdom's lightnings for
its crown,

Источник для всего,
чем виделась она себе
и чем старалась стать,
Неведомую силу,
что вошла в пространство космоса,
Неспешно наступающее воплощение
намеренья эпох,
Сверкающий фрагмент
небесной, вечной Истины,
И страстный инструмент
неколебимой Силы.
Пришло Присутствие,
наполнив слушающий мир
И главное и основное Всё
взяло её неограниченную жизнь.
Став полновластием,
безмолвием и быстротой,
Она нависла, размышляя,
над пучинами,
которыми теперь была.
И словно в мантии из хора
недоступных уху звуков,
Спустилась Сила, оставляя след
из нескончаемых огней;
Соединив секунды Времени
и бесконечность,
Она окутала свою беспредельностью
и землю и её:
Она нырнула в душу к ней
и изменила всю Савитри.
Затем, как мысль, наполненная
неким грандиозным словом,
Пришедшее могущество
оделось в символическую форму:
Пространства существа её¹
затрепетали от его касания,
Оно накрыло всю её
бессмертными крылами;
Изгиб невыразимой Истины
струился на его устах,
Гало из озарений Мудрости
служило для него короной,

¹ Савитри, прим. пер.

It entered the mystic lotus in her
 head,
 A thousand-petalled home of power
 and light.
 Immortal leader of her mortality,
 Doer of her works and fountain of
 her words,
 Invulnerable by Time, omnipotent,
 It stood above her calm, immobile,
 mute.

All in her mated with that mighty
 hour,
 As if the last remnant had been slain
 by Death
 Of the humanity that once was hers.
 Assuming a spiritual wide control,
 Making life's sea a mirror of
 heaven's sky,
 The young divinity in her earthly
 limbs
 Filled with celestial strength her
 mortal part.
 Over was the haunted pain, the
 rending fear:
 Her grief had passed away, her
 mind was still,
 Her heart beat quietly with a
 sovereign force.
 There came a freedom from the
 heart-strings' clutch,
 Now all her acts sprang from a
 godhead's calm.
 Calmly she laid upon the forest soil
 The dead who still reposed upon her
 breast

Оно проникло в
 тайный лотос в голове,
 Дом силы, света,
 сотканный из тысяч лепестков.
 Бессмертный лидер для её,
 подверженного смерти, бытия,
 Источник слов её
 и исполнитель всех её работ,
 Неуязвимое для Времени
 и всемогущее,
 Оно над ней стояло —
 неподвижное, спокойное, немое.

В ней всё объединилось
 в этот грандиозный час,
 Как будто Смертью
 были уничтожены
 Последние остатки
 человеческого в ней.
 Взяв на себя широкое
 духовное правление,
 И превращая море жизни
 в отражение небес,
 Вошедшая в её земное тело
 юная божественность
 Наполнила небесной силой
 части смертной.
 Она поднялась
 над преследующей болью
 и над разрывающим страхом:
 Ушло прочь горе,
 ум стал неподвижен,
 Но сердце билось ровно,
 с полной силой.
 Пришла свобода от
 натянутых струн сердца,
 Все действия её сейчас
 рождались из покоя божества.
 Она спокойно положила умершего
 на лесную землю,
 Что до сих пор лежал,
 покоясь, на её груди,

And bore to turn away from the
 dead form:
 Sole now she rose to meet the
 dreadful god.
 That mightier spirit turned its
 mastering gaze
 On life and things, inheritor of a
 work
 Left to it unfinished from her
 halting past,
 When yet the mind, a passionate
 learner, toiled
 And ill-shaped instruments were
 crudely moved.
 Transcended now was the poor
 human rule;
 A sovereign power was there, a
 godlike will.
 A moment yet she lingered
 motionless
 And looked down on the dead man
 at her feet;
 Then like a tree recovering from a
 wind
 She raised her noble head; fronting
 her gaze
 Something stood there, unearthly,
 sombre, grand,
 A limitless denial of all being
 That wore the terror and wonder of
 a shape.
 In its appalling eyes the tenebrous
 Form
 Bore the deep pity of destroying
 gods;
 A sorrowful irony curved the
 dreadful lips
 That speak the word of doom.
 Eternal Night
 In the dire beauty of an immortal
 face
 Pitying arose, receiving all that lives

С усилием отвернулась прочь
 от мёртвой оболочки:
 Она поднялась, одинокая,
 чтоб встретиться с ужасным богом.
 Могучий дух окинул
 властным взглядом
 И жизнь её и всё вокруг;
 он стал наследником работы
 Оставленной ему незавершённой
 из её хромающего прошлого,
 Когда её обычный ум,
 как страстный ученик, трудился,
 И плохо сформированные инструменты
 действовали неумело.
 Сейчас всё вышло за пределы
 скудных правил человека;
 В ней билась властная энергия,
 богоподобное намеренье.
 Мгновение она ещё помедлила,
 не двигаясь,
 Взглянула вниз,
 на мертвого у ног;
 Затем, как дерево,
 воспрянув после ветра,
 Встряхнула благородной головой;
 встречая взгляд её
 Стояло рядом нечто,
 неземное, мрачное, великое,
 Что безгранично отрицало
 всё существование,
 И поражало обликом,
 одевшись в ужас.
 В своих пугающих глазах
 та сумрачная Форма
 Несла глубины сожаленья
 разрушающих богов;
 Печальная ирония
 кривила страшные уста,
 Что произносят слово рока.
 В нём вечно существующая Ночь
 С ужасной красотой
 бессмертного лица
 Вставала, и жалея,

For ever into its fathomless heart,
 refuge
 Of creatures from their anguish and
 world-pain.
 His shape was nothingness made
 real, his limbs
 Were monuments of transience and
 beneath
 Brows of unwearied calm large
 godlike lids
 Silent beheld the writhing serpent,
 life.
 Unmoved their timeless wide
 unchanging gaze
 Had seen the unprofitable cycles
 pass,
 Survived the passing of unnumbered
 stars
 And sheltered still the same
 immutable orbs.
 The two opposed each other with
 their eyes,
 Woman and universal god: around
 her,
 Piling their void unbearable
 loneliness
 Upon her mighty unaccompanied
 soul,
 Many inhuman solitudes came
 close.
 Vacant eternities forbidding hope
 Laid upon her their huge and lifeless
 look,
 And to her ears, silencing earthly
 sounds,
 A sad and formidable voice arose
 Which seemed the whole adverse
 world's. "Unclasp", it cried,

принимала всё живое
 В бездонные глубины
 сердца своего,
 Навеки укрывая все создания
 от мук и боли мира.
 Его фигура ей предстала как ничто,
 но ставшее реальностью,
 Все части тела были монументами
 непрочной мимолётности,
 И под бровями неустанные, спокойные,
 богоподобные, большие очи
 В молчании разглядывали жизнь —
 терзаемую муками змею.
 Их неизменный, неподвижный,
 вечный и широкий взгляд
 Смотрел на бесполезность
 всех идущих циклов,
 И видел шествие
 неисчислимых звёзд,
 И накрывал все те же
 неизменные орбиты.
 Так эти двое противостояли
 взглядами друг другу,
 Вселенский бог и женщина:
 вокруг неё,
 Нагромождая непереносимое
 пустое одиночество
 На сильную её,
 покинутую другом,
 душу,
 Всё ближе подходило
 множество нечеловеческих
 пустых пространств.
 Пустые вечности,
 отказывая в праве на надежду,
 Смотрели на неё своими
 необъятными,
 безжизненными взглядами.
 И до её ушей,
 земные звуки заглушая,
 Донёлся грозный
 и печальный голос,
 Что представлял, казалось,

"Thy passionate influence and relax,
 O slave
 Of Nature, changing tool of
 changeless Law,
 Who vainly writh'st rebellion to my
 yoke,
 Thy elemental grasp; weep and
 forget.
 Entomb thy passion in its living
 grave.
 Leave now the once-loved spirit's
 abandoned robe:
 Pass lonely back to thy vain life on
 earth."
 It ceased, she moved not, and it
 spoke again,
 Lowering its mighty key to human
 chords,-
 Yet a dread cry behind the uttered
 sounds,
 Echoing all sadness and immortal
 scorn,
 Moaned like a hunger of far
 wandering waves.
 "Wilt thou for ever keep thy
 passionate hold,
 Thyself a creature doomed like him
 to pass,
 Denying his soul death's calm and
 silent rest?
 Relax thy grasp; this body is earth's
 and thine,
 His spirit now belongs to a greater
 power.
 Woman, thy husband suffers." Savitri
 Drew back her heart's force that
 clasped his body still
 Where from her lap renounced on
 the smooth grass

весь враждебный мир.
 "Сними", он закричал,
 "Своё горячее и страстное влияние,
 ослабь, о ты, раба Природы,
 Изменчивое средство
 неизменного Закона,
 Которое напрасно корчится,
 сопротивляясь под моим ярмом,
 Свои объятия стихий;
 оплачь и позабудь.
 Похорони ты страсть свою
 в её живой могиле.
 Оставь покинутую оболочку духа
 твоего любимого,
 И убирайся прочь, одна,
 к своей земной напрасной жизни."
 Он смолк, она не сдвинулась,
 он начал снова,
 Понизив свой могучий тон
 до человеческой октавы, —
 И страшный вой,
 что за границей слышимого звука,
 Разнёсся эхом всей его печали
 и бессмертного презрения,
 Стеная голодом
 блуждающих далёких волн.
 "Ты что, желаешь вечно сохранять
 власть этой страсти,
 Сама — создание, обречённое,
 как он — уйти,
 Его душе отказывая
 в молчаливом отдыхе,
 покое смерти?
 Ослабь свои объятия;
 ты можешь это тело взять себе,
 отдай его земле,
 Но дух его сейчас принадлежит
 гораздо более великой силе.
 О женщина, твой муж страдает."
 Тогда Савитри внутрь втянула
 силу сердца, обнимающую тело,
 Которое, с колен опущенное
 на спокойную траву,

Softly it lay, as often before in sleep	Лежало мягко,
When from their couch she rose in the white dawn	как во сне лежало часто прежде, Когда она вставала с ложа в белизне рассвета,
Called by her daily tasks: now too, as if called,	По зову повседневных дел: так и сейчас, как если бы её позвали,
She rose and stood gathered in lonely strength,	Она поднялась, встала, собранная в одинокое могущество,
Like one who drops his mantle for a race	Подобно человеку, сбросившему мантию свою для гонки,
And waits the signal, motionlessly swift.	И ждущему сигнала, неподвижно быстрым.
She knew not to what course: her spirit above	Она не ведала пути: её дух наверху,
On the crypt-summit of her secret form	На заповедном пике тайной формы,
Like one left sentinel on a mountain crest,	Похожий на оставленного часового, вставшего на горном гребне,
A fiery-footed splendour puissant-winged,	Великолепие, с пылавшими стопами и могучими крылами,
Watched flaming-silent, with her voiceless soul	С её беззвучною душою, в пламенном молчаньи наблюдал,
Like a still sail upon a windless sea.	Как тихий парус посреди безветренного моря.
White passionless it rode, an anchored might,	Она парила, чистая, бесстрастная, как ставшая на якорь сила,
Waiting what far-ridged impulse should arise	И ожидала, что поднимется в дали остроконечный импульс,
Out of the eternal depths and cast its surge.	Из вечной глубины и понесёт свою волну.
Then Death the king leaned boundless down, as leans	И Смерть, правитель, наклонился, безграничный, вниз,
Night over tired lands, when evening pales	Как нависает ночь, когда тускнеет вечер, над уставшею землёй
And fading gleams break down the horizon's walls,	И догорающий закат проваливается за стену горизонта,
Nor yet the dusk grows mystic with the moon.	Но не пришли ещё с луной мистические сумерки.
The dim and awful godhead rose erect	Неясное, внушающее ужас божество поднялось, распрямилось,

From his brief stooping to his touch
 on earth,
 And, like a dream that wakes out of
 a dream,
 Forsaking the poor mould of that
 dead clay,
 Another luminous Satyavan arose,

 Starting upright from the recumbent
 earth
 As if someone over viewless
 borders stepped
 Emerging on the edge of unseen
 worlds.
 In the earth's day the silent marvel
 stood
 Between the mortal woman and the
 god.
 Such seemed he as if one departed
 came
 Wearing the light of a celestial
 shape
 Splendidly alien to the mortal air.

 The mind sought things long loved
 and fell back foiled

 From unfamiliar hues, beheld yet
 longed,
 By the sweet radiant form
 unsatisfied,
 Incredulous of its too bright hints of
 heaven;
 Too strange the brilliant phantasm
 to life's clasp

 Desiring the warm creations of the
 earth
 Reared in the ardour of material
 suns,
 The senses seized in vain a glorious
 shade:
 Only the spirit knew the spirit still,

От краткого наклона
 до прикосновения к земле,
 И, словно новый сон,
 что пробуждается из предыдущего,
 Оставив жалкий слепок
 этой мёртвой глины,
 Другой, блестящий,
 яркий Сатьяван поднялся,
 Стартуя прямо
 с распростёршейся земли,
 Как будто кто-то перешёл
 незримые границы
 И появился на краю
 невидимых миров.
 Среди земного дня
 он встал безмолвным чудом
 Меж смертной женщиной
 и богом.
 Казалось, он вернулся
 после смерти,
 Одетый в свет
 небесного обличья,
 Великолепный и чужой
 для смертной атмосферы.
 Ум у неё искал
 приметы своего любимого,
 но сбитый с толку, отступал
 От незнакомых цветовых тонов,
 но продолжал смотреть,
 Не веря той светящейся
 слащавой форме,
 Не доверяя слишком явным
 признакам небес;
 Уж слишком странным был
 сверкающий фантом
 для жизненных объятий,
 Которые желали
 теплоты существ земли,
 Что выросли в лучах
 материальных солнц;
 Напрасно ощущения ловили
 эту красочную тень,
 И только дух её узнал

And the heart divined the old loved
heart, though changed.

Between two realms he stood, not
wavering,
But fixed in quiet strong
expectancy,
Like one who, sightless, listens for a
command.

So were they immobile on that
earthly field,
Powers not of earth, though one in
human clay.

On either side of one two spirits
strove;
Silence battled with silence, vast
with vast.
But now the impulse of the Path
was felt
Moving from the Silence that
supports the stars
To touch the confines of the visible
world.
Luminous he moved away; behind
him Death

Went slowly with his noiseless
tread, as seen
In dream-built fields a shadowy
herdsman glides

Behind some wanderer from his
voiceless herds,
And Savitri moved behind eternal
Death,
Her mortal pace was equalled with
the god's.
Wordless she travelled in her lover's
steps,
Planting her human feet where his
had trod,

его спокойный дух,
И сердце распознало
прежде обожаемое сердце,
пусть и изменённое.
Меж двух миров он встал,
не шелохнувшись,
Застыв в спокойном,
сильном ожидании,
Как тот, кто став слепым,
прислушиваясь, ждёт команды.
Так неподвижно замерли они
на той земной поляне,
Три неземные силы,
и одна из них
в обличье человека.

Два духа бились
с каждой из сторон;
Молчание с молчанием сражалось,
широта — с другою широтой.
Но вот стал ощущаться импульс,
зов Пути,
Идущий из Безмолвия,
которое поддерживает звёзды,
Чтобы коснуться рубежей,
пределов видимого мира.
Светясь, он¹ двинулся
отсюда прочь;
за ним — бог Смерти
Пошёл своею медленной
бесшумной поступью, похожий
На призрачного пастуха,
скользящего в полях
из сновидений,
За кем-то, кто отбил
от его беззвучного гурта;
За вечным богом Смерти
двинулась Савитри,
Её шаг смертной был такой же
как шаг у бога перед ней.
Без слов она шла
по пятам любимого,
И ставила свои,

¹ дух Сатьявана, прим. пер.

Into the perilous silences beyond.

At first in a blind stress of woods
 she moved
 With strange inhuman paces on the
 soil,
 Journeying as if upon an unseen
 road.
 Around her on the green and imaged
 earth
 The flickering screen of forests
 ringed her steps;
 Its thick luxurious obstacle of
 boughs
 Besieged her body pressing dimly
 through
 In a rich realm of whispers palpable,

 And all the murmurous beauty of
 the leaves
 Rippled around her like an emerald
 robe.
 But more and more this grew an
 alien sound,
 And her old intimate body seemed
 to her
 A burden which her being remotely
 bore.

 Herself lived far in some uplifted
 scene

 Where to the trance-claimed vision
 of pursuit,
 Sole presences in a high spaceless
 dream,
 The luminous spirit glided stilly on

 And the great shadow travelled
 vague behind.

земные человеческие ноги,
 где прошли его стопы,
 В опасные молчанья запредельного.

Сперва в слепом сопротивлении
 деревьев двигалась она
 Причудливой нечеловеческою поступью
 шагая по траве,
 Как будто путешествуя
 незримою дорогой.
 Вокруг неё на той зелёной
 и воображаемой земле
 Брала в кольцо её шаги
 мерцающая ширма леса;
 Его густая и роскошная
 завеса из ветвей
 Обкладывала тело
 и давило смутно на него
 В роскошном царстве
 осязаемых шептаний,
 А шелестящая кругом
 краса листвы
 Вокруг неё шуршала
 изумрудным платьем.
 Но постепенно это становилось
 чуждым звуком,
 И прежнее её родное тело
 стало представляться
 Какой-то ношею,
 что существо её несло
 немного отстранившись.
 Сама она жила вдали,
 на некой сцене
 поднятой над миром,
 Там, где из транса можно было
 наблюдать погоню,
 И одинокие присутствия
 в высокой грёзе вне пространства,
 И как скользил безмолвно
 светлый дух,
 А смутная большая тень
 за ним тянулась следом.

Still with an amorous crowd of
 seeking hands
 Softly entreated by their old desires

Her senses felt earth's close and
 gentle air
 Cling round them and in troubled
 branches knew

Uncertain treadings of a faint-foot
 wind:

She bore dim fragrances, far
 callings touched;

The wild bird's voice and its winged
 rustle came

As if a sigh from some forgotten
 world.

Earth stood aloof, yet near: round
 her it wove

Its sweetness and its greenness and
 delight,

Its brilliance suave of well-loved
 vivid hues,

Sunlight arriving to its golden noon,

And the blue heavens and the
 caressing soil.

The ancient mother offered to her
 child

Her simple world of kind familiar
 things.

But now, as if the body's sensuous
 hold

Curbing the godhead of her infinite
 walk

Had freed those spirits to their
 grander road

Across some boundary's intangible
 bar,

The silent god grew mighty and
 remote

In other spaces, and the soul she
 loved

Lost its consenting nearness to her
 life.

Но до сих пор, в любовном,
 ищущем объятья рук,
 Что мягко поддавались
 прежнему желанию,
 Она могла почувствовать
 земной знакомый нежный воздух,
 Который обвевал их,
 узнавала по волнению ветвей
 Изменчивую поступь
 слабых ног ветров:
 Расплывчатые ароматы плыли к ней,
 далёкие, зовущие касания;
 И голос дикой птицы,
 шелест крыльев приходил
 Как вздох какого-то
 забывшегося мира.
 Земля была поодаль, но недалеко:
 вокруг неё сплетали
 Свою особенную сладость,
 зелень и восторг,
 И мягкое сиянье ярких,
 хорошо знакомых ей оттенков
 Свет солнца, подходящий
 к золотому полдню,
 И голубые небеса,
 и ласковая, тихая земля.
 То древняя богиня-мать
 протягивала своему дитя
 Простой мир добрых
 и понятных всем вещей.
 Но ныне, словно
 чувственная власть над телом,
 Что сдерживала
 бесконечное движенье божества,
 Освободила этим духам
 их великий путь,
 Пройдя сквозь
 еле уловимую преграду,
 Безмолвный бог, став более могучим,
 отдалился
 В другие области,
 а та душа, которую она любила
 Лишилась своего согласия

Into a deep and unfamiliar air
 Enormous, windless, without stir or
 sound
 They seemed to enlarge away,
 drawn by some wide

 Pale distance, from the warm
 control of earth
 And her grown far: now, now they
 would escape.
 Then flaming from her body's nest
 alarmed

 Her violent spirit soared at
 Satyavan.
 Out mid the plunge of
 heaven-surrounded rocks
 So in a terror and a wrath divine

 From her eyrie streams against the
 ascending death,
 Indignant at its crouching point of
 steel,
 A fierce she-eagle threatened in her
 brood,
 Borne on a rush of puissance and a cry,
 Outwinging like a mass of golden
 fire.
 So on a spirit's flaming outrush
 borne
 She crossed the borders of dividing
 sense;
 Like pale discarded sheaths dropped
 dully down
 Her mortal members fell back from
 her soul.
 A moment of a secret body's sleep,

 Her trance knew not of sun or earth
 or world;

на близость к ней.
 В таинственной и
 незнакомой атмосфере,
 Безветренной, огромной,
 без движения, без звуков,
 Они, казалось, потянулись прочь,
 влекомые обширной
 бледной далью
 Всё больше выходя
 из тёплого правления земли,
 Всё дальше отдаляясь:
 и кажется — вот-вот они уйдут.
 Затем, воспламенившись,
 поднятый из тела,
 словно из укрытия,
 Её неистовый, горячий дух
 вознёсся вслед за Сатьяваном.
 Так вынырнув средь
 окружённых небом скал,
 В божественном негодовании
 и страхе
 Из своего гнезда летит
 навстречу приближающейся смерти
 Вся в ярости,
 с изогнутым железным клювом,
 Свирепая орлица
 при угрозе для птенцов,
 И натиском могущества и крика
 Обрушивается как масса
 золотистого огня.
 Так и она,
 на пламенном напоре духа
 Прорвалась сквозь границы
 разделяющего чувства;
 Как бледные отброшенные оболочки,
 вяло вниз упавшие,
 С её души слетели
 смертные, земные члены.
 Во время сна её сокрытого,
 особенного тела,
 В каком-то трансе,
 где не знаешь ни земли,
 ни солнца, ни вселенной,

Thought, time and death were
absent from her grasp:
She knew not self, forgotten was
Savitri.
All was the violent ocean of a will
Where lived captive to an immense
caress,
Possessed in a supreme identity,
Her aim, joy, origin, Satyavan
alone.
Her sovereign prisoned in her
being's core,
He beat there like a rhythmic heart,-
herself
But different still, one loved,
enveloped, clasped,
A treasure saved from the collapse
of space.
Around him nameless, infinite she
surged,
Her spirit fulfilled in his spirit, rich
with all Time,
As if Love's deathless moment had
been found,
A pearl within eternity's white shell.
Then out of the engulfing sea of
trance
Her mind rose drenched to light
streaming with hues
Of vision and, awake once more to
Time,
Returned to shape the lineaments of
things
And live in borders of the seen and
known.
Onward the three still moved in her
soul-scene.

И мысль, и время, даже смерть —
ушли из понимания:
Она уже не знала о самой себе,
она забыла о Савитри.
Всё стало страстным океаном воли,
Где жил как пленник
необъятной нежности,
Захваченный в
высокое отождествление,
Её источник, радость, цель,
единственный на свете Сатъяван.
Её властитель заключён был
в сердцевине существа её,
Он там пульсировал
ритмичным сердцем,
и он был там — она,
Но всё же и отличный от неё,
любимый, обнятый, окутанный,
Сокровище, которое она спасла
от разрушения пространства.
Неописуемая, бесконечная,
вокруг него она вздымалась,
как волна,
И дух её, себя нашедший
в духе у него,
наполнен был всем Временем,
Как будто было найдено
бессмертное мгновение Любви,
Жемчужина внутри чистойшей
белой раковины вечности.
Затем, из моря транс,
завлекающего внутрь,
Её ум, пропитавшись,
начал подниматься к свету,
Струившемуся разными
цветами виденья,
И пробудившись вновь во Времени,
Вернулся к прежним
очертаниям вещей,
И вновь стал жить в границах
видимого и известного.
А эти трое продолжали
двигаться по сцене,

As if pacing through fragments of a dream, She seemed to travel on, a visioned shape Imagining other musers like herself, By them imagined in their lonely sleep. Ungrasped, unreal, yet familiar, old, Like clefts of unsubstantial memory, Scenes often traversed, never lived in, fled Past her unheeding to forgotten goals. In voiceless regions they were travellers Alone in a new world where souls were not, But only living moods: a strange hushed weird Country was round them, strange far skies above, A doubting space where dreaming objects lived Within themselves their one unchanged idea. Weird were the grasses, weird the treeless plains; Weird ran the road which like fear hastening Towards that of which it has most terror, passed Phantasmal between pillared conscious rocks Sombre and high, gates brooding, whose stone thoughts	что внутри её души, И словно перешагивая разные отрывки сна, Она, казалась, продолжала путь придуманной фигурой, Которую увидели другие, грезящие так же, Как грезила она сама, воображённая в их одиноком сне. Неуловимые, ненастоящие, но старые и хорошо знакомые, Как некие просветы в нематериальной памяти, Пейзажи, часто посещаемые прежде, но которых в жизни не бывало никогда, Летели мимо, к позабытым целям, и не обращали на неё внимания. Они шли странниками по беззвучным областям, Единственные в этом новом мире, где не встретишь ни одной души, Но лишь живые настроения: магическая, странная, затихшая страна Их окружала, и далёкое, неведомое небо высилось над ними, Неясное пространство, где плоды воображенья жили Внутри самих себя, в своей одной неизменяемой идее. Магическими были травы, и равнины без деревьев; Магически вилась дорога, что подобно страху торопилась К тому, что вызывало наибольший ужас, пролетая Меж призрачных, стоящими колоннами, осознающих скал, Угрюмых и высоких, мимо размышляющих ворот,
---	---

Lost their huge sense beyond in
 giant night.
 Enigma of the Inconscient's
 sculptural sleep,
 Symbols of the approach to
 darkness old
 And monuments of her titanic reign,

 Opening to depths like dumb
 appalling jaws
 That wait a traveller down a haunted
 path
 Attracted to a mystery that slays,

 They watched across her road, cruel
 and still;
 Sentinels they stood of dumb
 Necessity,
 Mute heads of vigilant and sullen
 gloom,
 Carved muzzle of a dim enormous
 world.

 Then, to that chill sere heavy line
 arrived
 Where his feet touched the shadowy
 marches' brink,
 Turning arrested luminous Satyavan

 Looked back with his wonderful
 eyes at Savitri.
 But Death pealed forth his vast
 abysmal cry:
 "O mortal, turn back to thy transient
 kind;
 Aspire not to accompany Death to
 his home,

 As if thy breath could live where
 Time must die.

 Think not thy mind-born passion
 strength from heaven

чьи каменные мысли
 Своё огромное значение теряли
 за пределами гигантской ночи.
 Загадка Несознания,
 создающего во сне скульптуры,
 Намёки, знаки приближенья
 к древней тьме,
 И к монументам титанического царства
 этой тьмы,
 Открывшиеся в глубине
 как молчаливые пугающие пасти,
 Что ожидают путника внизу
 протоптанной тропинки,
 Притягивая к тайне,
 приносящей смерть,
 Смотрели вдоль её пути,
 спокойно и безжалостно;
 Они стояли стражами
 немой Необходимости,
 Безмолвные властители
 угрюмого и бдительного мрака,
 Как жерло этого огромного
 расплывчатого мира
 высеченное в скале.
 Затем, добравшись до холодного,
 поблекшего, тяжёлого предела,
 Где он ногой коснулся
 края призрачной границы,
 Немного обернувшись,
 арестованный, сиявший Сатьяван
 Взглянул чудесным взглядом
 на Савитри.
 Но тут бог Смерти загремел
 широким и бездонным воем:
 "О смертная, вернись обратно
 к своему живущему недолго роду;
 И не пытайся привязаться
 к богу Смерти
 и идти с ним до его жилища,
 Как если бы твоё дыхание
 смогло бы выжить там,
 где умирает Время.
 Не помышляй своей

To uplift thy spirit from its earthly
base
And, breaking out from the material
cage,
To upbuoy thy feet of dream in
groundless Nought
And bear thee through the pathless
infinite.
Only in human limits man lives
safe.
Trust not in the unreal Lords of
Time,
Immortal deeming this image of
thyself
Which they have built on a Dream's
floating ground.
Let not the dreadful goddess move
thy soul
To enlarge thy vehement trespass
into worlds
Where it shall perish like a helpless
thought.
Know the cold term-stones of thy
hopes in life.
Armed vainly with the Ideal's
borrowed might,
Dare not to outstep man's bound and
measured force:
Ignorant and stumbling, in brief
boundaries pent,
He crowns himself the world's mock
suzerain,
Tormenting Nature with the works
of Mind.
O sleeper, dreaming of divinity,

Wake trembling mid the indifferent
silences
In which thy few weak chords of
being die.
Impermanent creatures, sorrowful
foam of Time,

умом рождённой
страстной силою небес
Дух приподнять свой
над его земной основой,
И вырываясь из тюрьмы
материального,
Стопу из грёз поставить на Ничто,
где не бывает почвы
И пронести себя
по бездорожью бесконечности.
Лишь в человеческих пределах
могут люди безопасно жить.
Не верь в придуманных
Хозяев Времени,
Считающих бессмертным
тот свой образ,
Который возвели они
на зыбком основании Мечты.
Не позволяй, чтоб страшная богиня
заставляла душу у тебя
Расшириться в неистовом движеньи
до миров,
В которых та исчезнет
как беспомощная мысль.
Узнай холодные гранитные пределы
жизненных надежд.
Напрасно укреплённая
заимствованной мощью Идеала,
Не смей переступить границы человека
и отпущенной для человека силы:
Невежественный, спотыкающийся,
сжатый узкими границами,
Он коронует самого себя
как мнимого властителя вселенной,
Терзая всю Природу
множеством трудов Ума.
О спящий, видящий во сне
божественность,
Проснись и трепещи
среди безразличия безмолвий,
В которых слабые твои
аккорды бытия умрут.
О мимолётные создания,

Your transient loves bind not the
eternal gods."

The dread voice ebbed in the
consenting hush
Which seemed to close upon it,
wide, intense,

A wordless sanction from the jaws
of Night.

The Woman answered not. Her high
nude soul,

Stripped of the girdle of mortality,

Against fixed destiny and the
grooves of law

Stood up in its sheer will a primal
force.

Still like a statue on its pedestal,

Lone in the silence and to vastness
bared,

Against midnight's dumb abysses
piled in front

A columned shaft of fire and light
she rose.

End of Canto One

о полная невзгод и горя
пена Времени,
Вся ваша мимолётная любовь
не повлияет на богов,
живущих в вечности."

Ужасный голос отступил
в согласную с ним тишину,

Которая, казалось,
схлопнется над ней,

широкая и напряжённая,
С беззвучным разрешением
от челюстей Ночи.

Ей Женщина не отвечала.

Её высокая и обнажённая душа,
Отбросив пояс,

что надет на смертных,
Той непреложности судьбы
и колеи закона

Поставила своё намеренье
наперекор первоначальной силе.

Безмолвно, словно
статуя на пьедестале,

Одна, в молчании,
открытая простору,

Напротив громоздящихся
немых ночных пучин,

Колонною огня и света
высилась она.

Конец первой песни

Book Nine
THE BOOK OF ETERNAL
NIGHT

Canto II
THE JOURNEY
IN ETERNAL NIGHT
AND THE VOICE OF THE
DARKNESS

Awhile on the chill dreadful edge of
Night
All stood as if a world were doomed
to die
And waited on the eternal silence'
brink.
Heaven leaned towards them like a
cloudy brow
Of menace through the dim and
voiceless hush.
As thoughts stand mute on a
despairing verge
Where the last depths plunge into
nothingness
And the last dreams must end, they
paused; in their front

Were glooms like shadowy wings,
behind them, pale,
The lifeless evening was a dead
man's gaze.

Hungry beyond, the night desired
her soul.
But still in its lone niche of templed
strength
Motionless, her flame-bright spirit,
mute, erect,

Книга Девятая
КНИГА ВЕЧНОЙ НОЧИ

Песня II
ПУТЕШЕСТВИЕ
В ВЕЧНОЙ НОЧИ
И ГОЛОС ТЬМЫ

Какие-то минуты
на краю холодной страшной Ночи
Они стояли, словно мир
был обречён на смерть,
И ждали на границе
вечного молчания.
Через неясную
беззвучность тишины
К ним наклонялись небеса,
похожие на хмурое лицо угрозы.
Подобно мыслям,
онемевшим на краю отчаянья,
Там, где последние глубины
погружаются в ничто,
И где должны закончиться
последние мечты,
Они остановились;
прямо перед ними
Крылами призрака
сгущался мрак,
А позади стояли сумерки,
безжизненные, бледные,
как взгляд у мертвеца.
Потусторонняя, изголодавшаяся ночь
ждала её души.
Но тихий, в полной силы
одинокой нише храма,
Её горящий дух, безмолвный,
неподвижный и прямой,

Burned like a torch-fire from a
 windowed room
 Pointing against the darkness'
 sombre breast.
 The Woman first affronted the
 Abyss
 Daring to journey through the
 eternal Night.
 Armoured with light she advanced
 her foot to plunge
 Into the dread and hueless vacancy;

 Immortal, unappalled, her spirit
 faced
 The danger of the ruthless eyeless
 waste.
 Against night's inky ground they
 stirred, moulding
 Mysterious motion on her human
 tread,
 A swimming action and a drifting
 march
 Like figures moving before eyelids
 closed:
 All as in dreams went slipping,
 gliding on.
 The rock-gate's heavy walls were
 left behind;
 As if through passages of receding
 time
 Present and past into the Timeless
 lapsed;
 Arrested upon dim adventure's
 brink,
 The future ended drowned in
 nothingness.
 Amid collapsing shapes they wound
 obscure;
 The fading vestibules of a tenebrous
 world
 Received them, where they seemed
 to move and yet

Пылал как факел
 в комнате с распахнутыми окнами,
 Нацеленный
 на мрачную грудь тьмы.
 Впервые Женщина
 свой вызов бросила Пучине,
 Осмелившись пройти
 по вечной Ночи.
 Окутанная светом, как бронёй,
 она шагнула, погружаясь,
 В бесцветную, внушающую ужас,
 пустоту;
 Неустрашимый и бессмертный дух её
 встречал лицом к лицу
 Опасную безжалостность
 слепой пустыни.
 Они ступали
 по чернильной почве ночи,
 И оставляя за собой следы,
 непостижимо продвигались,
 Плывущим действием
 и гонимым ветром маршем,
 Похожие на образы, летящие
 под сомкнутыми веками:
 Все двигались, скользили,
 плавно, как во сне.
 Тяжёлые врата средь скал
 остались позади;
 Казалось, через переходы
 отступающего времени
 И настоящее, и прошлое терялись,
 падая, в Безвременье;
 Остановившись на краю
 неясных испытаний,
 Заканчивалось будущее,
 утонув в ничто.
 Они кружили в темноте,
 средь рушащихся форм;
 Их принимали уходящие куда-то
 вестибюли сумрачного мира,
 Там, где казалось, что они идут,
 они всё так же
 оставались неподвижны,

Be still, nowhere advancing yet to pass,
 A dumb procession a dim picture bounds,
 Not conscious forms threading a real scene.
 A mystery of terror's boundlessness,
 Gathering its hungry strength the huge pitiless void
 Surrounded slowly with its soundless depths,
 And monstrous, cavernous, a shapeless throat
 Devoured her into its shadowy strangling mass,
 The fierce spiritual agony of a dream.
 A curtain of impenetrable dread,
 The darkness hung around her cage of sense
 As, when the trees have turned to blotted shades
 And the last friendly glimmer fades away,
 Around a bullock in the forest tied
 By hunters closes in no empty night.
 The thought that strives in the world was here unmade;
 Its effort it renounced to live and know,
 Convinced at last that it had never been;
 It perished, all its dream of action done:
 This clotted cypher was its dark result.

Там, где они не двигались,
 им удавалось проходить,
 Немое шествие,
 неясная картина в рамке,
 Несознающие фигуры,
 что ступали по реальной сцене.
 Мистерия неограниченного ужаса,
 огромная безжалостная пустота,
 Собрав свою
 изголодавшуюся силу,
 Неторопливо окружила их
 беззвучными глубинами,
 Чудовищная, в рытвинах,
 бесформенная глотка
 Её¹ заглатывала в призрачную,
 удушающую массу,
 Жестокую духовную агонию
 всей этой грёзы.
 Завеса из непроницаемого страха,
 темнота,
 Нависла над её
 тюремной клетью чувств,
 Как если бы деревья обернулись
 тусклыми пятнистыми тенями,
 И угасал последний отблеск
 дружеского света,
 Вокруг вола,
 привязанного к дереву в лесу,
 Что чувствует,
 как в непустой ночи
 всё ближе хищные шаги.
 Та мысль, что трудится
 в обычном мире,
 здесь была отменена;
 Та тьма отказывала
 всем её² усильям жить и знать,
 В конце концов, поверив, что она
 не существовала никогда;
 Мысль умерла,
 и все её мечты о действии пропали:
 Запутанный, неясный шифр
 стал тёмным результатом мысли.

¹ Савитри, прим. пер.² мысли, прим. пер.

In the smothering stress of this
 stupendous Nought
 Mind could not think, breath could
 not breathe, the soul
 Could not remember or feel itself; it
 seemed
 A hollow gulf of sterile emptiness,
 A zero oblivious of the sum it
 closed,
 An abnegation of the Maker's joy
 Saved by no wide repose, no depth
 of peace.

On all that claims here to be Truth
 and God
 And conscious self and the
 revealing Word
 And the creative rapture of the
 Mind
 And Love and Knowledge and
 heart's delight, there fell
 The immense refusal of the eternal
 No.

As disappears a golden lamp in
 gloom
 Borne into distance from the eyes'
 desire,
 Into the shadows vanished Savitri.
 There was no course, no path, no
 end or goal:
 Visionless she moved amid
 insensible gulfs,
 Or drove through some great black
 unknowing waste,
 Or whirled in a dumb eddy of
 meeting winds
 Assembled by the titan hands of
 Chance.
 There was none with her in the
 dreadful Vast:
 She saw no more the vague
 tremendous god,

В том удушающем давлении
 громадного Ничто
 Ум не способен был подумать,
 а дыхание не могло дышать,
 Душе не удавалось вспомнить
 или ощутить себя;
 Всё виделось пустою бездною
 стерильной пустоты,
 Нулём, забывшем о той сумме,
 что он замыкал,
 Забвением радости Создателя,
 Где не бывает
 ни широкого отдохновенья,
 ни глубокого покоя.
 На всё, что здесь претендовало быть
 высокой Истиной и Богом,
 Осознающим "я",
 и раскрывающим суть Словом,
 И созидательною творческою
 радостью Ума,
 Любовью, Знанием,
 восторгом сердца,
 Здесь приходил отказ,
 огромный, необъятный,
 от вечно существующего Нет.
 Как пропадает золотая лампа
 в темноте,
 Прочь унесённая
 от жаждущего взгляда,
 Так затерялась в тех тенях Савитри.
 Здесь не было ни направленья,
 ни пути, ни цели, ни конца:
 Вслепую двигалась она
 среди бесчувственных пучин,
 Или неслась сквозь некую большую
 чёрную неведомую ей пустыню,
 Или кружилась в молчаливом вихре
 столкновения ветров,
 Которых собирали
 титанические руки Случая.
 И не было с ней рядом никого
 в той страшной Широте:
 Она не видела уже

Her eyes had lost their luminous
 Satyavan.
 Yet not for this her spirit failed, but
 held
 More deeply than the bounded
 senses can
 Which grasp externally and find to
 lose,
 Its object loved. So when on earth
 they lived
 She had felt him straying through
 the glades, the glades
 A scene in her, its clefts her being's
 vistas
 Opening their secrets to his search
 and joy,
 Because to jealous sweetness in her
 heart
 Whatever happy space his cherished
 feet
 Preferred, must be at once her soul
 embracing
 His body, passioning dumbly to his
 tread.
 But now a silent gulf between them
 came
 And to abysmal loneliness she fell,
 Even from herself cast out, from
 love remote.
 Long hours, since long it seems
 when sluggish time
 Is measured by the throbs of the
 soul's pain,
 In an unreal darkness empty and
 drear
 She travelled treading on the corpse
 of life,
 Lost in a blindness of extinguished
 souls.

неясного и ужасающего бога,
 Её взгляд потерял
 и светлую фигуру Сатьявана.
 Но, несмотря на это,
 дух её не ослабел,
 а продолжал держать,
 Гораздо глубже, чем способно
 ограниченное чувство,
 Которое хватает внешнее,
 и ищет, чтобы потерять
 Предмет своей любви.
 Когда ещё они ходили по земле
 Она могла всё время ощущать его,
 идущим по полянам,
 Поляны эти были сценой в ней,
 а их просторы — перспективой
 внутреннего существа её,
 Что открывалось их секретам
 в поиске его и радости,
 Ведь для ревнивой нежности,
 живущей в сердце,
 Какое бы счастливое пространство
 эти обожаемые ноги
 Не предпочли, тотчас её душа
 должна была
 Обнять его, безмолвно,
 страстная к его шагам.
 Но ныне молчаливая, зияющая бездна
 пролегла меж ними,
 Она всё время падала
 в пучину одиночества,
 Отброшенная даже от самой себя
 и от своей любви.
 И долгие часы, что стали долгими
 когда медлительное время
 Отсчитываться стало
 пульсом боли и мучения души,
 В какой-то нереальной тьме,
 тоскливой и пустой,
 Она всё шла и шла, ступая
 по замученному трупю жизни,
 Затерянная в слепоте
 погасших душ.

Solitary in the anguish of the void
 She lived in spite of death, she
 conquered still;
 In vain her puissant being was
 oppressed:
 Her heavy long monotony of pain

Tardily of its fierce self-torture
 tired.
 At first a faint inextinguishable
 gleam,
 Pale but immortal, flickered in the
 gloom
 As if a memory came to spirits
 dead,
 A memory that wished to live again,
 Dissolved from mind in Nature's
 natal sleep.
 It wandered like a lost ray of the
 moon
 Revealing to the night her soul of
 dread;
 Serpentine in the gleam the
 darkness lolled,
 Its black hoods jewelled with the
 mystic glow;

Its dull sleek folds shrank back and
 coiled and slid,

As though they felt all light a cruel
 pain
 And suffered from the pale
 approach of hope.
 Night felt assailed her heavy sombre
 reign;
 The splendour of some bright
 eternity
 Threatened with this faint beam of
 wandering Truth
 Her empire of the everlasting
 Nought.
 Implacable in her intolerant strength

Одна в той муке пустоты,
 Она всё ж продолжала жить,
 бороться, несмотря на смерть;
 Напрасно угнетали существо её,
 могучее и сильное:
 Её тяжёлая и нескончаемая
 монотонность боли
 Едва заметно, медленно, но уставала
 от жестоких самоистязаний.
 Сперва какой-то слабый
 и непрекращающийся блеск,
 Неяркий, но бессмертный,
 замерцал во мраке,
 Как будто память вновь
 вернулась к духам мёртвых,
 Та память, что хотела снова жить,
 Хотя исчезла из ума, когда попала
 в изначальный сон Природы.
 Он здесь блуждал
 потерянным лучом луны
 И ночи открывал
 её, наполненную страхом, душу;
 В том блеске, развалившись, тьма
 лежала длиною змеёй,
 На чёрных капюшонах у неё
 алмазами сверкало
 мистическое странное свечение;
 Её лоснящиеся складки
 то вжимались, то скользили,
 то вились,
 Как будто ими всякий свет
 воспринимался страшной болью
 Терзая приближеньем
 бледных проблесков надежды.
 Ночь ощутила нападение
 на её тяжёлое и удушающее царство;
 Великолепие какой-то
 яркой вечности
 Едва заметным лучиком
 блуждавшей Истины
 Несло угрозу для её владений
 вечного Ничто.
 Неумолимая в своей,

And confident that she alone was
 true,
 She strove to stifle the frail
 dangerous ray;
 Aware of an all-negating immensity

 She reared her giant head of
 Nothingness,
 Her mouth of darkness swallowing
 all that is;
 She saw in herself the tenebrous
 Absolute.
 But still the light prevailed and still
 it grew,
 And Savitri to her lost self awoke;

 Her limbs refused the cold embrace
 of death,
 Her heart-beats triumphed in the
 grasp of pain;
 Her soul persisted claiming for its
 joy
 The soul of the beloved now seen
 no more.
 Before her in the stillness of the
 world
 Once more she heard the treading of
 a god,
 And out of the dumb darkness
 Satyavan,
 Her husband, grew into a luminous
 shade.
 Then a sound pealed through that
 dead monstrous realm:
 Vast like the surge in a tired
 swimmer's ears,
 Clamouring, a fatal iron-hearted
 roar,
 Death missioned to the night his
 lethal call.
 "This is my silent dark immensity,
 не терпящей другого, силе,
 Уверенная, в том,
 что истиной была она одна,
 Она старалась задушить
 непрочный и опасный луч;
 Осознавая необъятность,
 отрицающую всё на свете,
 Она подняла голову свою
 гигантского Небытия,
 Свою пасть тьмы, глотающую всё,
 что существует;
 Она в себе увидела
 огромный тёмный Абсолют.
 Но тихо свет распространялся,
 тихо нарастал,
 И, наконец, Савитри пробудилась
 для потерянного внутреннего "я";
 Все члены тела сбросили
 холодное объятие смерти,
 Пульс сердца застучал победно,
 несмотря на хватку боли;
 Её душа настойчиво хотела,
 требовала радости,
 Души любимого,
 не видимую больше.
 Перед собою, в тишине,
 объяввшей мир,
 Она услышала ещё раз
 поступь бога,
 И Сатьяван, её супруг, возник
 из той безмолвной темноты
 И превратился в яркую,
 светящуюся тень.
 Внезапно прогремел
 по мёртвому чудовищному царству
 Широкий звук, похожий на волну
 в ушах усталого пловца,
 Неотвратимый, громогласный рёв
 стального сердца —
 Бог Смерти бросил в ночь
 свой смертоносный вызов.
 "Да, такова моя
 немая тёмная безмерность,

This is the home of everlasting Night,
This is the secrecy of Nothingness
Entombing the vanity of life's desires.

Hast thou beheld thy source, O
transient heart,

And known from what the dream
thou art was made?

In this stark sincerity of nude
emptiness

Hopedst thou still always to last and
love?"

The Woman answered not. Her
spirit refused

The voice of Night that knew and
Death that thought.

In her beginningless infinity

Through her soul's reaches
unconfined she gazed;

She saw the undying fountains of
her life,

She knew herself eternal without
birth.

But still opposing her with endless
night

Death, the dire god, inflicted on her
eyes

The immortal calm of his
tremendous gaze:

"Although thou hast survived the
unborn void

Which never shall forgive, while
Time endures,

The primal violence that fashioned
thought,

Forcing the immobile vast to suffer
and live,

This sorrowful victory only hast
thou won

To live for a little without Satyavan.

Таков дом вечно длящейся Ночи,

И таинство Небытия,

Что погребает суету желаний жизни.

Увидела ты свой источник,

о сердце, что живёт недолго,

Узнала из какого сна

была ты создана?

И в этой абсолютной искренности
голой пустоты

Ты всё ещё надеешься

остаться и любить?"

Но Женщина не отвечала ничего.

Её дух отвергал

И голос Ночи,

обладавший знанием,

И голос Смерти,

обладавший мыслью.

В своей не знающей начала

бесконечности

Она смотрела через

необъятный кругозор души

И видела свои

бессмертные истоки жизни,

И видела себя

не знающей рожденья, вечной.

Но продолжая противостояние

своею бесконечной ночью,

Бог Смерти, этот страшный бог,

навязывал её глазам

Бессмертное спокойствие

в своём ужасном взгляде:

"Хоть ты сумела выжить

в нерождённой пустоте,

Что не прощает никогда,

покуда длится Время,

Первоначальное неистовство,

что формирует мысль,

И заставляет неподвижные просторы

мучаться и жить,

Тобою отвоёвана

печальная победа —

Прожить ещё недолгий срок

без Сатьявана.

What shall the ancient goddess give to thee	И что же даст тебе та древняя богиня,
Who helps thy heart-beats? Only she prolongs	Что помогает пульсу сердца твоего? Она лишь продлевает
The nothing dreamed existence and delays	Ничтожность твоего воображённого существования,
With the labour of living thy eternal sleep.	Задерживает вечный сон работой жизни.
A fragile miracle of thinking clay,	О хрупкое чудесное творенье мыслящего праха,
Armed with illusions walks the child of Time.	порожденье Времени, Он путешествует вооружённый множеством иллюзий.
To fill the void around he feels and dreads,	Стремясь заполнить пустоту вокруг, которую он чувствует и опасается,
The void he came from and to which he goes,	Ту пустоту, откуда он пришёл, в которую потом уйдёт,
He magnifies his self and names it God.	Он возвеличивает собственное "я" и называет Богом.
He calls the heavens to help his suffering hopes.	Он призывает небеса помочь его страдающим надеждам.
He sees above him with a longing heart	Он видит над собою страстным сердцем
Bare spaces more unconscious than himself	Лишь голые пространства, что даже менее сознательные, чем он сам,
That have not even his privilege of mind,	Не обладающие даже привилегией его ума,
And empty of all but their unreal blue,	Лишённые всего, за исключением их нереальной синевы,
And peoples them with bright and merciful powers.	И населяет эти сферы светлыми и сострадающими силами.
For the sea roars around him and earth quakes	Так происходит потому, что океан ревёт вокруг него,
Beneath his steps, and fire is at his doors,	Земля трясётся под его шагами, пламя пышет у его дверей,
And death prowls baying through the woods of life.	И бродит смерть, охотясь, по чащобам жизни.
Moved by the Presences with which he yearns,	Он вдохновляется Присутствиями, к которым устремляется,
He offers in implacable shrines his soul	В неумолимых храмах предлагает душу
And clothes all with the beauty of his dreams.	И прикрывает всё

The gods who watch the earth with
sleepless eyes
And guide its giant stumblings
through the void,
Have given to man the burden of his
mind;
In his unwilling heart they have lit
their fires
And sown in it incurable unrest.

His mind is a hunter upon tracks
unknown;
Amusing Time with vain discovery,

He deepens with thought the
mystery of his fate
And turns to song his laughter and
his tears.

His mortality vexing with the
immortal's dreams,
Troubling his transience with the
infinite's breath,
They gave him hungers which no
food can fill;

He is the cattle of the shepherd
gods.
His body the tether with which he is
tied,
They cast for fodder grief and hope
and joy:
His pasture ground they have fenced
with Ignorance.

Into his fragile undefended breast
They have breathed a courage that
is met by death,
They have given a wisdom that is
mocked by night,
They have traced a journey that
foresees no goal.
Aimless man toils in an uncertain
world,

красотами своих мечтаний.
Те боги, что неспящими очами
наблюдают за землей,
И направляют через пустоту
её гигантский, спотыкающийся шаг,
Когда-то наделили человека
ношею ума;
Они зажгли свои огни
в его не знавшем о желаньи сердце,
И неискоренимое волнение
посеяли внутри него.
Его ум стал охотником
по следу неизвестного;
И развлекает Время
бесполезными находками,
Он углубляется своими мыслями
в мистерию своей судьбы
И превращает в песню
и свой смех, и слёзы.
Тревожа смертного
мечтаньями бессмертных
И беспокоя брэнное существование
дыханьем бесконечного,
Они в него вселяют голод,
что никакая пища
не способна утолить;
Он — как домашний скот
для пастухов-богов.
В нём тело служит
в качестве столба для привязи,
Они ему кидают, словно корм,
надежды, радости и горе:
Те земли, где пасётся он,
обнесены забором из Невежества.
В его непрочную, незащищённую
от жизненных ударов грудь,
Они вдохнули храбрость,
что встречается со смертью,
Они вложили мудрость,
над которою глумится ночь,
И прочертили для него маршрут,
в котором не предусмотрели цели.
Так человек бесцельно трудится

Lulled by inconstant pauses of his
 pain,
 Scourged like a beast by the infinite
 desire,
 Bound to the chariot of the dreadful
 gods.
 But if thou still canst hope and still
 wouldst love,
 Return to thy body's shell, thy tie to
 earth,
 And with thy heart's little remnants
 try to live.
 Hope not to win back to thee
 Satyavan.
 Yet since thy strength deserves no
 trivial crown,
 Gifts I can give to soothe thy
 wounded life.
 The pacts which transient beings
 make with fate,
 And the wayside sweetness
 earth-bound hearts would pluck,
 These if thy will accepts make
 freely thine.
 Choose a life's hopes for thy
 deceiving prize."
 As ceased the ruthless and
 tremendous Voice,
 Unendingly there rose in Savitri,
 Like moonlit ridges on a shuddering
 flood,
 A stir of thoughts out of some
 silence born
 Across the sea of her dumb
 fathomless heart.
 At last she spoke; her voice was
 heard by Night:
 "I bow not to thee, O huge mask of
 death,
 Black lie of night to the cowed soul
 of man,

в каком-то ненадёжном мире,
 То убаюкиваемый случайной
 передышкой в его страдании,
 А то бичуемый, как скот,
 своими бесконечными желаньями,
 Привязанный к повозке
 ужасающих богов.
 Но если ты ещё открыта для надежды
 и способна полюбить,
 То возвращайся в оболочку тела,
 к узам на земле,
 И постарайся жить
 с оставшимся кусочком сердца.
 И не надейся победить,
 вернув себе обратно Сатьявана.
 Но всё же сила у тебя
 достойна необычного венца,
 Могу я дать дары, чтоб облегчить
 твою израненную жизнь.
 Те договоры, что с судьбою
 заключают временные существа,
 Та сладость на обочине дороги,
 что желало бы
 землёю связанное сердце,
 Всё это, если согласишься,
 станет, с лёгкостью, твоим.
 Бери надежды жизни
 в качестве обманчивого приза."
 Когда умолк безжалостный
 ужасный Голос,
 В Савитри стало
 бесконечно подниматься,
 Как залитые лунным светом гребни
 на дрожащем половодье,
 Движенье мысли, что рождалось
 из какой-то тишины,
 Пересекая океан её
 бездонного немого сердца.
 И вот она заговорила, наконец;
 Ночь слушала тот голос:
 "Я не склонюсь перед тобой,
 огромнейшая маска смерти,
 О чёрное враньё ночи,

Unreal, inescapable end of things,
 Thou grim jest played with the
 immortal spirit.
 Conscious of immortality I walk.

A victor spirit conscious of my
 force,
 Not as a suppliant to thy gates I
 came:
 Unslain I have survived the clutch
 of Night.
 My first strong grief moves not my
 seated mind;
 My unwept tears have turned to
 pearls of strength:
 I have transformed my ill-shaped
 brittle clay
 Into the hardness of a statued soul.
 Now in the wrestling of the splendid
 gods
 My spirit shall be obstinate and
 strong
 Against the vast refusal of the world.
 I stoop not with the subject mob of
 minds
 Who run to glean with eager
 satisfied hands
 And pick from its mire mid many
 trampling feet
 Its scornful small concessions to the
 weak.
 Mine is the labour of the battling
 gods:
 Imposing on the slow reluctant
 years
 The flaming will that reigns beyond
 the stars,
 They lay the law of Mind on
 Matter's works
 And win the soul's wish from earth's
 inconscient Force.

пугающее душу человека,
 О завершение всего,
 неотвратимое и нереальное,
 Ты — мрачная насмешка,
 что играет с бессмертным духом.
 Я здесь иду, прекрасно зная
 о своём бессмертии.
 Победоносный дух мой сознаёт
 своё могущество,
 Не как проситель я вошла
 в твои врата:
 Я не убита,
 я пережила объятья Ночи.
 Не первым сильным горем
 движется уравновешенный мой ум;
 Жемчужинами силы обернулись
 все мои непролитые слёзы:
 Я превратила хрупкую
 и плохо сформированную плоть
 В твердыню статуи души.
 Сейчас в борьбе
 с великолепными богами
 Мой дух упрямым станет
 и могучим,
 Наперекор широкому отказу мира.
 Я не сгибаюсь вместе
 с подчинившейся толпой умов,
 Которые несутся подбирать
 довольными и жадными руками
 И выбирать из грязи
 посреди топтанья многих ног
 Ничтожные уступки
 мелкой слабости.
 Я выбираю
 труд сражения богов:
 Навязывая медленным
 и еле поддающимся годам
 Пылающую волю,
 правящую за пределом звёзд,
 Они закон Ума накладывают
 на творения Материи,
 Стремясь отвоевать желание души
 у не осознающего Могущества

First I demand whatever Satyavan,
 My husband, waking in the forest's
 charm
 Out of his long pure childhood's
 lonely dreams,
 Desired and had not for his
 beautiful life.
 Give, if thou must, or, if thou canst,
 refuse."
 Death bowed his head in scornful
 cold assent,

 The builder of this dreamlike earth
 for man

 Who has mocked with vanity all
 gifts he gave.
 Uplifting his disastrous voice he
 spoke:
 "Indulgent to the dreams my touch
 shall break,
 I yield to his blind father's longing
 heart
 Kingdom and power and friends and
 greatness lost
 And royal trappings for his peaceful
 age,
 The pallid pomps of man's declining
 days,
 The silvered decadent glories of
 life's fall.
 To one who wiser grew by adverse
 Fate,
 Goods I restore the deluded soul
 prefers
 To impersonal nothingness's bare
 sublime.
 The sensuous solace of the light I
 give
 To eyes which could have found a
 larger realm,

земли.
 Я требую, не глядя ни на что,
 во-первых — Сатьявана,
 мужа моего,
 Проснувшегося средь
 очарования леса
 Из долгих чистых
 одиноких сновидений детства,
 Желанных, но излишних
 для его прекрасной жизни.
 Отдай его мне, если должен,
 или, если, сможешь, откажись."
 Склонив в холодной
 и презрительной уступке голову,
 бог Смерти,
 Строитель этой призрачной,
 похожей на виденья сна
 земли для человека,
 Высмеивающий дары, что сам даёт,
 напрасной тщетностью,
 Возвысив гибельный свой голос,
 произнёс:
 "Я снисхожу к мечтам,
 которые моё касание разрушит,
 Я уступаю жаждущему сердцу
 ослепшего его отца
 И возвращаю царство, мощь, друзей,
 величие, которое утрачено,
 И царские регалии
 его спокойной мирной старости,
 И бледное великолепие
 преклонных дней,
 Посеребрённую и вянущую славу
 на закате жизни.
 Тому, кто стал мудрее
 от ударов злой Судьбы
 Верну те блага, что
 обманутая та душа предпочитает
 Величию и простоте
 безличного небытия.
 Я чувственное утешенье света
 дам глазам,
 Что царство более широкое

A deeper vision in their fathomless
night.

For that this man desired and asked
in vain

While still he lived on earth and
cherished hope.

Back from the grandeur of my
perilous realms

Go, mortal, to thy small permitted
sphere!

Hasten swift-footed, lest to slay thy
life

The great laws thou hast violated,
moved,

Open at last on thee their marble
eyes."

But Savitri answered the disdainful
Shade:

"World-spirit, I was thy equal spirit
born.

My will too is a law, my strength a
god.

I am immortal in my mortality.

I tremble not before the immobile
gaze

Of the unchanging marble
hierarchies

That look with the stone eyes of
Law and Fate.

My soul can meet them with its
living fire.

Out of thy shadow give me back
again

Into earth's flowering spaces
Satyavan

In the sweet transiency of human
limbs

To do with him my spirit's burning
will.

I will bear with him the ancient
Mother's load,

могли бы для себя найти

И более глубокий взгляд
в бездонной ночи.

Ведь именно об этом он мечтает
и напрасно просит,

Пока ещё живёт он на земле
и бережёт надежду.

Теперь назад, из грандиозности
моих опасных царств,

Вернись, о, смертная, в свою
дозволенную маленькую сферу!

Спеши, о, быстроногая,
чтоб жизнь свою не погубить,

Великие законы ты нарушила,
ступай отсюда прочь,

Открой же, наконец,
их мраморные взгляды на себе."

Савитри отвечала
той презрительной Тени:

"Вселенский дух,
мой дух с рожденья равен твоему.

И моя воля — тоже здесь закон,
а моя сила — бог.

И я бессмертна
в смертности своей.

Я не дрожу
под неподвижным взором

Застывших словно мрамор,
неизменных иерархов,

Что смотрят каменными взглядами
Закона и Судьбы.

Моя душа способна встретить их
живым огнём.

Верни назад мне
из своей тени

В земные, полные цветов,
поляны Сатьявана,

Обратно в сладостную скоротечность
тела человека,

Чтобы исполнить с ним
мою пылающую волю духа.

Я понесу с ним
ношу древней Матери,

I will follow with him earth's path
that leads to God.
Else shall the eternal spaces open to
me,
While round us strange horizons far
recede,
Travelling together the immense
unknown.
For I who have trod with him the
tracts of Time,
Can meet behind his steps whatever
night
Or unimaginable stupendous dawn
Breaks on our spirits in the untrod
Beyond.
Wherever thou leadst his soul I shall
pursue."
But to her claim opposed,
implacable,
Insisting on the immutable Decree,
Insisting on the immitigable Law
And the insignificance of created
things,
Out of the rolling wastes of night
there came
Born from the enigma of the
unknowable depths
A voice of majesty and appalling
scorn.
As when the storm-haired
Titan-striding sea
Throws on a swimmer its
tremendous laugh
Remembering all the joy its waves
have drowned,
So from the darkness of the
sovereign night
Against the Woman's boundless
heart arose
The almighty cry of universal
Death.

Пойду за ним земным путём,
ведущим к Богу.
Или открой мне эти
вечные пространства,
Пока вокруг нас не расступятся
неведомые горизонты,
Что с нами путешествуют
в огромной неизвестности.
Ведь я, прошедшая с ним
по дорогам Времени,
Способна встретить вслед за ним
всё то, что ночь
Иль невообразимый,
изумительный рассвет
На дух у нас обрушит в том
непроторённом Запредельном.
Куда б его ты душу не повёл,
я буду следовать за ним."
Сопrotивляясь этим требованиям,
неумолимый,
Настаивая на
неизменяемом Указе,
Настаивая на
неподдающемся смягчению Законе
Настаивая на
ничтожности творения,
Из расходящихся волнами вдаль
пустынь ночи пришёл,
Рождённый тайною
непознаваемых глубин,
Величественный голос,
полный устрашающей иронии.
Как если б море с поступью Титана,
волосами из штормов,
Обрушило бы свой ужасный хохот
на пловца,
Напомнив о всей радости,
которую те волны потопили,
Из темноты державной,
властной ночи
В ответ на безграничность
сердца Женщины
Поднялся всемогущий крик

"Hast thou god-wings or feet that
tread my stars,

Frail creature with the courage that
aspires,

Forgetting thy bounds of thought,
thy mortal role?

Their orbs were coiled before thy
soul was formed.

I, Death, created them out of my
void;

All things I have built in them and I
destroy.

I made the worlds my net, each joy
a mesh.

A Hunger amorous of its suffering
prey,

Life that devours, my image see in
things.

Mortal, whose spirit is my
wandering breath,

Whose transience was imagined by
my smile,

Flee clutching thy poor gains to thy
trembling breast

Pierced by my pangs Time shall not
soon appease.

Blind slave of my deaf force whom
I compel

To sin that I may punish, to desire

That I may scourge thee with
despair and grief

And thou come bleeding to me at
the last,

Thy nothingness recognised, my
greatness known,

Turn nor attempt forbidden happy
fields

Meant for the souls that can obey
my law,

вселенской Смерти.

"Ты обладаешь крыльями богов,
иль их стопами,

чтоб шагать по звёздам,

О хрупкое и смелое созданье,
что стремится

Забыв про узы мысли,
положенье смертной?

Орбиты этих звёзд
свернулись в кольца
до возникновения твоей души.

Их создал я, бог Смерти,
из моей же пустоты;

И всё, что я на них построил,
я же и разрушу.

Я сделал из миров мои тенета,
и любая радость — это западня.

Есть Голод, что влюблён
в свою страдающую жертву,

Есть Жизнь, что пожирает —
посмотри на образ мой во всём,

О, смертная, чей дух —
блужданье моего дыхания,

Чья скоротечность некогда была
придумана моей улыбкой,

Беги, прижав свою добычу, жалкую
к трепещущей груди,

Пронзённую моею болью,
и которую не скоро Время успокоит.

Ослепшая раба моей
глухой энергии и силы,

которую я принуждаю

Грешить, чтоб я способен был
потом наказывать, желать,

Чтоб я мог бичевать тебя
отчаяньем и горем —

И ты придёшь, вся кровью истекая
под конец ко мне,

Твоё ничтожество понятно,
а моё величие — известно,

И не пытайся повернуть
в запретные счастливые поля,

Что предназначены для душ,

Lest in their sombre shrines thy
 tread awake
 From their uneasy iron-hearted
 sleep
 The Furies who avenge fulfilled
 desire.
 Dread lest in skies where passion
 hoped to live,
 The Unknown's lightnings start and,
 terrified,
 Lone, sobbing, hunted by the
 hounds of heaven,
 A wounded and forsaken soul thou
 flee
 Through the long torture of the
 centuries,
 Nor many lives exhaust the tireless
 Wrath

 Hell cannot slake nor Heaven's
 mercy assuage.
 I will take from thee the black
 eternal grip:
 Claspings in thy heart thy fate's
 exiguous dole
 Depart in peace, if peace for man is
 just."
 But Savitri answered meeting scorn
 with scorn,
 The mortal woman to the dreadful
 Lord:
 "Who is this God imagined by thy
 night,
 Contemptuously creating worlds
 disdained,
 Who made for vanity the brilliant
 stars?
 Not he who has reared his temple in
 my thoughts

 And made his sacred floor my
 human heart.

способных подчиняться
 моему закону,
 Чтобы твои шаги
 не разбудили в тёмных храмах,
 От их нелёгких
 и жестокосердных снов,
 Тех Фурий, что в отместку
 мстят за исполнение желаний.
 Страшись того, что в небесах,
 где страсть твоя хотела выжить,
 Откуда вылетают
 молнии Неведомого,
 Где в ужасе, рыдающая, одинокая,
 затравленная гончими небес,
 Израненная, позабытая душа,
 ты не спасёшься
 В течение долгой пытки
 множества столетий,
 И никакие многочисленные жизни
 не сумеют истощить
 не устающий Гнев,
 Которого ни Ад не сможет утолить,
 ни Небеса смягчить.
 Но я сниму с тебя те вечные
 и безнадежные тиски:
 Сжимая в сердце скудные подачки
 собственной судьбы,
 Иди отсюда с миром,
 если это мир для человека."
 Его иронию встречая
 тем же самым,
 Савитри, женщина из смертных,
 отвечала ужасающему Господину:
 "И что за Бог такой,
 придуманный твоею ночью,
 С презрением творящий целые миры,
 которыми потом гнушается,
 И создавший сверкающие звёзды
 ради суеты?
 Твой Бог не тот,
 кто в мыслях у меня
 воздвиг свой храм,
 И из своей духовной почвы сотворил

My God is will and triumphs in his
paths,

My God is love and sweetly suffers
all.

To him I have offered hope for
sacrifice

And gave my longings as a
sacrament.

Who shall prohibit or hedge in his
course,

The wonderful, the charioteer, the
swift?

A traveller of the million roads of
life,

His steps familiar with the lights of
heaven

Tread without pain the sword-paved
courts of hell;

There he descends to edge eternal
joy.

Love's golden wings have power to
fan thy void:

The eyes of love gaze starlike
through death's night,

The feet of love tread naked hardest
worlds.

He labours in the depths, exults on
the heights;

He shall remake thy universe, O
Death."

She spoke and for a while no voice
replied,

While still they travelled through
the trackless night

And still that gleam was like a
pallid eye

моё трепещущее сердце человека.

Мой Бог — есть воля
и победа этой воли
на его путях,

Мой Бог — любовь и нежность
сострадания ко всему.

Ему свою надежду
предложила в жертву,

Ему я отдала
свои желанья, как обет.

Кто запретит, иль преградит
ему дорогу,

Такому замечательному
быстрому вознице?

Он путешествует
по миллионам жизненных путей,

Его стопы, знакомые
с небесными огнями,

Проходят безболезненно
по устанным мечами
мостовым в аду;

Туда снисходит он,
чтоб ярче и острее
становилась радость вечного.

У крыльев золотых любви
есть сила разнести по ветру
пустоту твою:

Глаза любви глядят
как звёзды в ночи смерти,

Ступни любви шагают босыми
по самым трудным
царствам и мирам.

Он трудится в глубинах
и ликует на высотах;

Он переделает твою вселенную,
о Смерть."

Она сказала
и не сразу голос ей ответил,

А между тем,
они всё шли сквозь ночь,
без всякого пути,

И только отблеск оставался,
словно бледный глаз,

Troubling the darkness with its
 doubtful gaze.
 Then once more came a deep and
 perilous pause
 In that unreal journey through blind
 Nought;
 Once more a Thought, a Word in
 the void arose
 And Death made answer to the
 human soul:
 "What is thy hope? To what dost
 thou aspire?
 This is thy body's sweetest lure of
 bliss,
 Assailed by pain, a frail precarious
 form,
 To please for a few years thy
 faltering sense

 With honey of physical longings
 and the heart's fire

 And, a vain oneness seeking, to
 embrace
 The brilliant idol of a fugitive hour.

 And thou, what art thou, soul, thou
 glorious dream
 Of brief emotions made and
 glittering thoughts,
 A thin dance of fireflies speeding
 through the night,
 A sparkling ferment in life's sunlit
 mire?
 Wilt thou claim immortality, O
 heart,
 Crying against the eternal witnesses

 That thou and he are endless powers
 and last?

 Death only lasts and the inconscient
 Void.

И беспокоил тьму
 неясным взглядом.
 Вновь наступила пауза,
 глубокая, опасная
 В том нереальном путешествии
 сквозь слепоту Ничто;
 Ещё раз в пустоте возникли
 Мысль и Слово,
 Бог Смерти так ответил
 этой человеческой душе.
 "Но в чём твоя надежда?
 И к чему стремишься ты?
 Ведь это только — сладкая приманка
 твоего телесного блаженства,
 И атакуемая болью,
 хрупкая сомнительная форма,
 Способная в течении каких-то лет
 порадовать твоё
 прерывистое чувство
 Медовой сладостью
 физических желаний
 и сердечным пламенем
 В напрасных поисках единства,
 чтоб обнять
 Сверкающего идола в теченьи
 быстро пролетающего часа.
 А ты, чем ты сама являешься, душа,
 ты — славное видение,
 Что соткано из ярких мыслей
 и непродолжительных эмоций,
 Похожая на слабый танец светлячков,
 спешащих через ночь,
 Искрящийся фермент
 в залитой солнцем грязи жизни?
 И ты потребуешь бессмертия,
 о сердце,
 Крича наперекор свидетелям,
 живущим в вечности,
 Что ты и он —
 есть бесконечные могущества,
 которые должны остаться?
 Здесь остаётся только Смерть
 и бессознательная Пустота.

I only am eternal and endure.	Здесь вечный только я и остаюсь здесь только я.
I am the shapeless formidable Vast,	Я — этот весь бесформенный и угрожающий Простор,
I am the emptiness that men call Space,	Я — пустота, что человек зовёт Пространством,
I am a timeless Nothingness carrying all,	Я — вечное Ничто, которое поддерживает всё,
I am the Illimitable, the mute Alone.	Я — Беспредельность, я — немой Единый.
I, Death, am He; there is no other God.	Я, Смерть, есть Он; и нет другого Бога.
All from my depths are born, they live by death;	Все из моих глубин рождаются, и смертью все живут;
All to my depths return and are no more.	Все возвращаются в мои глубины, и другого нет.
I have made a world by my inconscient Force.	Я создал мир моей несознающей Силой.
My Force is Nature that creates and slays	Моё Могущество — Природа, что творит и убивает,
The hearts that hope, the limbs that long to live.	Сердца, которые надеются, тела, что страстно жаждут жить.
I have made man her instrument and slave,	Я сделал человека инструментом этой Силы и её рабом,
His body I made my banquet, his life my food.	И тело у него я превращаю в пиршество, его жизнь — пища для меня.
Man has no other help but only Death;	И нет у человека помощи другой, одна лишь Смерть;
He comes to me at his end for rest and peace.	Ко мне приходит он в конце для отдыха и для покоя.
I, Death, am the one refuge of thy soul.	Я, Смерть — единственный приют твоей души.
The Gods to whom man prays can help not man;	Те Божества, кому возносит человек молитву, не способны чем-либо помочь;
They are my imaginations and my moods	Они — лишь вымыслы мои и настроения,
Reflected in him by illusion's power.	Что в человеке отражаются могуществом иллюзии.
That which thou seest as thy immortal self	И что ты видишь, как своё неумирающее "я" —

Is a shadowy icon of my infinite,	Есть смутный образ мне принадлежащей бесконечности,
Is Death in thee dreaming of eternity.	И Смерть внутри тебя, что в грёзах видит вечность.
I am the Immobile in which all things move,	Я — Неподвижный, но в котором движутся все вещи,
I am the nude Inane in which they cease:	Я — обнажённое Ничто, в котором эти вещи исчезают:
I have no body and no tongue to speak,	Нет тела у меня, нет языка, чтоб говорить,
I commune not with human eye and ear;	И я общаюсь не при помощи людского глаза или уха;
Only thy thought gave a figure to my void.	Лишь мысль твоя даёт какой-то образ пустоте моей.
Because, O aspirant to divinity,	И только потому, о устремлённая к божественному,
Thou calledst me to wrestle with thy soul,	Что ты меня призвала на борьбу с твоей душой,
I have assumed a face, a form, a voice.	Я принял форму, лик и голос.
But if there were a Being witnessing all,	Но если есть на свете Существо, что видит всё,
How should he help thy passionate desire?	Как он поможет страстному желанью твоему?
Aloof he watches sole and absolute,	Он наблюдает, одинокий, абсолютный, в стороне,
Indifferent to thy cry in nameless calm.	И в том неопишемом молчаньи он безразличен к твоему призыву.
His being is pure, unwounded, motionless, one.	Всё существо его едино, неподвижно, не изранено и чисто.
One endless watches the inconscient scene	Он бесконечно наблюдает эту бессознательную сцену,
Where all things perish, as the foam the stars.	Где всё на свете исчезает, словно пена звёзд.
The One lives for ever. There no Satyavan	Единый этот существует вечно. И никакой меняющийся Сатьяван
Changing was born and there no Savitri	Там не рождался, и нет там никакой Савитри,
Claims from brief life her bribe of joy. There love	Что требует у краткой жизни взятки радостью.
Came never with his fretful eyes of tears,	И никогда любовь Не появлялась там с глазами,

Nor Time is there nor the vain vasts
of Space.

It wears no living face, it has no
name,

No gaze, no heart that throbs; it asks
no second

To aid its being or to share its joys.

It is delight immortally alone.

If thou desirest immortality,
Be then alone sufficient to thy soul:

Live in thyself; forget the man thou
lov'st.

My last grand death shall rescue
thee from life;

Then shalt thou rise into thy
unmoved source."

But Savitri replied to the dread
Voice:

"O Death, who reasonest, I reason
not,

Reason that scans and breaks, but
cannot build

Or builds in vain because she
doubts her work.

I am, I love, I see, I act, I will."

Death answered her, one deep
surrounding cry:

"Know also. Knowing, thou shalt
cease to love

And cease to will, delivered from
thy heart.

So shalt thou rest for ever and be
still,

красными от слёз,
И нет там Времени вообще,
и нет пустых обширностей
Пространства.

Оно не носит там
живого, зримого лица,
и не имеет имени,

Оно не смотрит,
в нём не бьётся сердце;

Оно другого не попросит
ни помочь ему,
ни разделить с ним радости.

Оно — восторг,
бессмертно одинокий.

И если ты желаешь так бессмертия,
Тебя одной

достаточно твоей душе:

Живи в себе;
забудь того, кого ты любишь.

Моё последнее величье, смерть,
освободит тебя от жизни;

Тогда ты вознесёшься
в неподвижный свой источник."

Пугающему Голосу
Савитри отвечала:

"О Смерть, о бог, что рассуждает,
я не рассуждаю

Той силой разума, что изучает,
а потом и разрушает,
но создать не может,

Иль создаёт напрасно,
потому что сомневается
в своей работе.

Я есть, я вижу, я люблю,
я действую, и я хочу."

Бог Смерти отвечал глубоким,
окружающим вокруг всё криком:

"Попробуй-ка ещё и знать.

Познав, ты прекратишь любить,
И прекратишь желать,
освобождённая от сердца.

Тогда ты успокоишься
и будешь вечно отдыхать,

Consenting to the impermanence of things."	И согласишься с брэнностью вещей."
But Savitri replied for man to Death:	Савитри отвечала богу Смерти как обычный человек:
"When I have loved for ever, I shall know.	"Когда я полюблю навеки, тогда я буду знать.
Love in me knows the truth all changings mask.	Любовь во мне всё время знает истину любых меняющихся масок.
I know that knowledge is a vast embrace:	Я сознаю, что знание — широкое объятие:
I know that every being is myself,	Я знаю, что любое существо есть я сама,
In every heart is hidden the myriad One.	Во всяком сердце скрыт бесчисленный Единый.
I know the calm Transcendent bears the world,	Я знаю также, что спокойный Трансцендентный поддерживает этот мир,
The veiled Inhabitant, the silent Lord:	Сокрытый Обитатель и безмолвный Господин:
I feel his secret act, his intimate fire;	Я ощущаю тайные его дела, и внутреннее пламя;
I hear the murmur of the cosmic Voice.	Я слышу тихое шептание космического Голоса.
I know my coming was a wave from God.	Я знаю — появление моё — волна, пришедшая из Бога.
For all his suns were conscient in my birth,	И все его бесчисленные солнца знают о моём рождении,
And one who loves in us came veiled by death.	А тот, кто любит в нас, пришёл, скрываемый под маской смерти.
Then was man born among the monstrous stars	Тогда рождён был человек среди гигантских звёзд,
Dowered with a mind and heart to conquer thee."	Умом и сердцем наделённый, чтобы победить тебя."
In the eternity of his ruthless will	Но в вечности своей жестокой воли,
Sure of his empire and his armoured might,	Уверенный в своей империи, вооружённой мощи,
Like one disdainig violent helpless words	Как будто презирая все отчаянные и беспомощные фразы жертвы,
From victim lips Death answered not again.	Бог Смерти не ответил в этот раз.
He stood in silence and in darkness wrapped,	Он высился, закутанный в молчание

A figure motionless, a shadow
vague,
Girt with the terrors of his secret
sword.
Half-seen in clouds appeared a
sombre face;
Night's dusk tiara was his matted
hair,
The ashes of the pyre his forehead's
sign.
Once more a wanderer in the
unending Night,
Blindly forbidden by dead vacant
eyes,
She travelled through the dumb
unhoping vasts.
Around her rolled the shuddering
waste of gloom,
Its swallowing emptiness and
joyless death
Resentful of her thought and life
and love.
Through the long fading night by
her compelled,
Gliding half-seen on their unearthly
path,
Phantasmal in the dimness moved
the three.

End of Canto Two
End of Book Nine

и темноту,
Своею неподвижною фигурой,
неотчётливую тенью,
И ужас, словно тайный меч,
висел на поясе его.
Наполовину скрытый в облаках
виднелся мрачный лик;
Тиара сумрака Ночи была
его растрёпанными волосами,
Останки с погребального костра —
его тилаком.
Опять скиталицей
по нескончаемой Ночи,
Наталкиваясь слепо
на пустые мёртвые глаза,
Она¹ шла сквозь немые
и безнадежные просторы.
Вокруг неё кружила, содрогаясь,
необъятная пустыня мрака,
Её всепоглощающая пустота,
безрадостная смерть,
Была разбужена, возмущена
её любовью, жизнью, мыслью.
По долгой увядавшей ночи,
понуждаемые ею,
Скользя наполовину видимым
и неземным своим путём,
Как призраки в тумане
продвигались эти трое.

*Конец второй песни
Конец девятой книги*

¹ Савитри, прим. пер.

Book Ten
THE BOOK OF
THE DOUBLE TWILIGHT

Canto I
THE DREAM TWILIGHT OF
THE IDEAL

All still was darkness dread and
desolate;
There was no change nor any hope
of change.
In this black dream which was a
house of Void,
A walk to Nowhere in a land of
Nought,
Ever they drifted without aim or
goal;
Gloom led to worse gloom, depth
to an emptier depth,

In some positive Non-being's
purposeless Vast
Through formless wastes dumb
and unknowable.
An ineffectual beam of suffering
light
Through the despairing darkness
dogged their steps
Like the remembrance of a glory
lost;
Even while it grew, it seemed
unreal there,
Yet haunted Nihil's chill
stupendous realm,
Unquenchable, perpetual, lonely,
null,
A pallid ghost of some dead
eternity.

Книга Десятая
КНИГА ДВОЙСТВЕННЫХ
СУМЕРЕК

Песня I
МЕЧТА СУМРАКА
ОБ ИДЕАЛЕ

Всё так же продолжалась
страшная, необитаемая тьма;
И не было ни перемены,
ни надежды что-то изменить.
В том чёрном сне,
что был жилищем Пустоты,
Походом в Никуда
в стране Ничто,
Они всё шли и шли
без направления и цели;
Мрак вёл в ещё ужасней мрак,
и глубина — в другую,
ещё более пустую глубину,
В бесцельной Широте неведомого
утверждавшего себя Небытия,
Через аморфные пустыни,
молчаливые, непознаваемые.
Какой-то бесполезный луч
страдающего света
Шёл по пятам за ними
сквозь отчаяние темноты,
Напоминаям
об утраченном великолепии;
Хотя он постепенно рос,
он там казался нереальным,
Но всё-таки, преследовал холодную
громадную страну Ничто,
Пустую, нескончаемую,
ненасытную и одинокую,
Похожую на бледный призрак
некой мёртвой вечности.

It was as if she must pay now her
debt,
Her vain presumption to exist and
think,
To some brilliant Maya that
conceived her soul.

This most she must absolve with
endless pangs,
Her deep original sin, the will to
be
And the sin last, greatest, the
spiritual pride,
That, made of dust, equalled itself
with heaven,
Its scorn of the worm writhing in
the mud,
Condemned ephemeral, born from
Nature's dream,
Refusal of the transient creature's
role,
The claim to be a living fire of
God,
The will to be immortal and
divine.
In that tremendous darkness heavy
and bare
She atoned for all since the first
act whence sprang

The error of the consciousness of
Time,
The rending of the Inconscient's
seal of sleep,
The primal and unpardoned revolt
that broke
The peace and silence of the
Nothingness
Which was before a seeming
universe
Appeared in a vanity of imagined
Space

Казалось, что она¹ должна
сейчас отдать свой долг,
За бесполезную самонадеянность
существовать и думать,
Какой-то яркой Майе,
где её душа была
задумана и рождена.
Но более всего она должна стараться
бесконечной болью искупить
Глубокий, изначальный грех —
желанье быть,
И грех последний, больше остальных —
духовное достоинство и гордость,
За то, что сотворённая из праха,
приравняла к небесам себя,
Её² насмешку над червём,
что корчится в грязи,
Которому судьба быть эфемерным,
порожденьем грёз Природы,
За свой отказ от роли
временного существа,
За требование быть
живым огнём Всевышнего,
За волю быть бессмертной
и божественной.
В той страшной тьме,
тяжёлой и пустой,
Она пыталась искупить вину
за всё на свете,
начиная с первого поступка,
Когда лишь появилось искажение
сознания Времени,
За то, что сорвала
печатать сна Несознания,
За не прощаемый
первоначальный бунт,
Нарушивший покой
и тишину Ничто,
Что были до того,
как кажущийся мир
Возник в ничтожности
воображённого Пространства

¹ Савитри, прим. пер.

² Майи, прим. пер.

And life arose engendering grief
 and pain:
 A great Negation was the Real's
 face
 Prohibiting the vain process of
 Time:
 And when there is no world, no
 creature more,
 When Time's intrusion has been
 blotted out,
 It shall last, unbodied, saved from
 thought, at peace.
 Accursed in what had been her
 godhead source,
 Condemned to live for ever empty
 of bliss,
 Her immortality her chastisement,

 Her spirit, guilty of being,
 wandered doomed,
 Moving for ever through eternal
 Night.
 But Maya is a veil of the
 Absolute;
 A Truth occult has made this
 mighty world:
 The Eternal's wisdom and
 self-knowledge act
 In ignorant Mind and in the body's
 steps.
 The Inconscient is the
 Superconscient's sleep.
 An unintelligible Intelligence

 Invents creation's paradox
 profound;
 Spiritual thought is crammed in
 Matter's forms,
 Unseen it throws out a dumb
 energy
 And works a miracle by a
 machine.
 All here is a mystery of contraries:

И жизнь поднялась,
 порождая боль и горе:
 Огромнейшее Отрицанье
 было обликом Реальности,
 Что запрещало это тщетное
 течение Времени:
 Когда уже не будет
 ни творения, ни мира,
 Когда вторженье Времени
 сотрётся начисто,
 Оно останется, свободное от мысли,
 бестелесное, в своём покое.
 И проклятая в том, что было для неё
 источником божественности,
 Навеки осуждённая на жизнь,
 лишённую блаженства,
 Её бессмертье
 стало наказанием,
 И дух её, виновник бытия,
 был обречён скитаться,
 Всё время двигаясь
 по вечной Ночи.
 Но Майя — лишь вуаль
 для Абсолюта;
 Оккультной Истиной был создан
 этот наш могучий мир:
 Самопознание и мудрость Вечного
 работают
 И в каждом шаге тела,
 и в незнающем Уме.
 Ведь Несознание — лишь сон
 для Сверхсознания.
 Так непонятный
 высший Интеллект
 Изобретает глубочайший
 парадокс творения;
 Его мысль духа втиснута
 в обличия Материи,
 Незримая, она выбрасывает
 молчаливую энергию
 И чудеса творит
 при помощи машины.
 Здесь всё —

Darkness a magic of self-hidden
 Light,
 Suffering some secret rapture's
 tragic mask
 And death an instrument of
 perpetual life.
 Although Death walks beside us
 on Life's road,
 A dim bystander at the body's start
 And a last judgment on man's
 futile works,
 Other is the riddle of its
 ambiguous face:
 Death is a stair, a door, a
 stumbling stride
 The soul must take to cross from
 birth to birth,
 A grey defeat pregnant with
 victory,
 A whip to lash us towards our
 deathless state.
 The unconscious world is the
 spirit's self-made room,
 Eternal Night shadow of eternal
 Day.
 Night is not our beginning nor our
 end;
 She is the dark Mother in whose
 womb we have hid
 Safe from too swift a waking to
 world-pain.
 We came to her from a supernal
 Light,
 By Light we live and to the Light
 we go.
 Here in this seat of Darkness mute
 and lone,
 In the heart of everlasting
 Nothingness
 Light conquered now even by that
 feeble beam:

мистерия противоречий:
 Тьма — это магия
 себя скрываемого Света,
 Стрдание — трагическая маска
 тайного восторга,
 А смерть — инструментарий
 вечной жизни.
 Хоть Смерть идёт за нами
 по дороге Жизни,
 Неясным зрителем, стоящим рядом
 с самого рожденья тела,
 Как окончательный судья
 всей тщетности работы человека,
 Есть и другой ответ в загадке
 этого двусмысленного лика:
 Смерть есть ступенька, дверь,
 и спотыкающийся шаг,
 Что делать суждено душе, переходя
 от одного рождения к другому,
 Болезненное поражение,
 что несёт в себе победу,
 И хлыст, которым гонят человека
 к состоянию бессмертия.
 Не сознающий мир — жилище,
 созданное духом для себя,
 И вечно длящаяся Ночь —
 тень вечно длящегося Дня.
 Ночь не начало нам,
 и не конец;
 Она нам тёмная, таинственная Мать,
 в чьём лоне мы сокрыты,
 Она спасает нас
 от слишком быстрых пробуждений
 в мире боли.
 Мы к ней явились
 из божественного Света,
 И этим Светом мы живём,
 и к Свету этому идём.
 Здесь, в основаньи Тьмы,
 немой и одинокой,
 Здесь, в самом сердце
 вечного Небытия,
 Свет побеждал Ночь

Its faint infiltration drilled the
 blind deaf mass;
 Almost it changed into a
 glimmering sight
 That housed the phantom of an
 aureate Sun
 Whose orb pupilled the eye of
 Nothingness.
 A golden fire came in and burned
 Night's heart;
 Her dusky mindlessness began to
 dream;
 The Inconscient conscious grew,
 Night felt and thought.
 Assailed in the sovereign
 emptiness of its reign
 The intolerant Darkness paled and
 drew apart
 Till only a few black remnants
 stained that Ray.
 But on a failing edge of dumb lost
 space
 Still a great dragon body sullenly
 loomed;
 Adversary of the slow struggling
 Dawn
 Defending its ground of tortured
 mystery,
 It trailed its coils through the dead
 martyred air
 And curving fled down a grey
 slope of Time.

There is a morning twilight of
 the gods;
 Miraculous from sleep their forms
 arise
 And God's long nights are
 justified by dawn.

даже этим слабеньким лучом:
 Его едва заметное вхождение
 будоражило слепую и глухую массу;
 Он превратился в некое
 мерцанье взгляда,
 В котором поселился призрак
 ослепительного Солнца,
 И чей глаз в точности
 попал в зрачок Небытия.
 И золотой огонь вошёл,
 воспламеняя, в сердце Ночи;
 Её, наполненная сумраком,
 бездумность начала мечтать;
 Так в Несознании росло осознание,
 Ночь думала и ощущала.
 Внезапно атакованная
 в полновластной пустоте
 своих владений,
 Не выносящая другого,
 Тьма бледнела, отступая,
 Пока там не осталось
 несколько чернильных клякс
 пятнавших этот Луч.
 Но до сих пор, на исчезающем краю
 затерянного молчаливого
 пространства
 Угрюмо вырисовывалось тело
 колоссального дракона;
 Враг этому, неторопливо
 пробивающемуся Рассвету,
 Обороняя земли собственной
 истерзанной мистерии,
 Он кольцами тянулся сквозь
 измученный мертвящий воздух
 И, изгибаясь, устремлялся вниз,
 по серым склонам Времени.

Но вот приходят
 утренние сумерки богов;
 Их формы после сна
 становятся чудесными,
 Рассвет оправдывает

There breaks a passion and
 splendour of new birth
 And hue-winged visions stray
 across the lids,
 Heaven's chanting heralds waken
 dim-eyed Space.
 The dreaming deities look beyond
 the seen
 And fashion in their thoughts the
 ideal worlds
 Sprung from a limitless moment
 of desire
 That once had lodged in some
 abysmal heart.
 Passed was the heaviness of the
 eyeless dark
 And all the sorrow of the night
 was dead:
 Surprised by a blind joy with
 groping hands
 Like one who wakes to find his
 dreams were true,
 Into a happy misty twilit world

 Where all ran after light and joy
 and love
 She slipped; there far-off raptures
 drew more close

 And deep anticipations of delight,

 For ever eager to be grasped and
 held,

 Were never grasped, yet breathed
 strange ecstasy.
 A pearl-winged indistinctness
 fleeting swam,

 An air that dared not suffer too
 much light.
 Vague fields were there, vague
 pastures gleamed, vague trees,

длительные ночи Бога.
 Врываются великолепие
 и страстность нового рождения,
 Под веками бегут виденья
 с разноцветными крылами,
 Небесные поющие геральды
 будят сонное Пространство.
 Мечтающие божества
 выглядывают за пределы зримого
 И формируют в мыслях
 идеальные миры,
 Внезапно возникающие в
 беспредельности мгновения желания,
 Что поселилось некогда
 в бездонном сердце.
 Они прошли сквозь тяжесть
 той безглазой тьмы,
 И всё страданье ночи
 стало мёртвым:
 Застигнутая вдруг слепую радостью,
 что ищет наугад,
 Как тот, кто просыпается и видит,
 как сны стали явью,
 В туманный и счастливый
 предрассветный мир,
 Где всё бежало за любовью,
 радостью и светом,
 Она скользила;
 становились ближе
 отдалённые восторги
 И предвкушенья наслаждений
 в глубине,
 Всё время полные желания
 быть обладаемыми,
 кинуться в объятия,
 Всегда неуловимые,
 дышали удивительным экстазом.
 Там быстро проплывало
 что-то еле различимое,
 с жемчужными крылами,
 По воздуху, что смел не мучиться
 при слишком ярком свете.
 Там ширились неясные поля,

Vague scenes dim-hearted in a
 drifting haze;
 Vague cattle white roamed
 glimmering through the mist;
 Vague spirits wandered with a
 bodiless cry,
 Vague melodies touched the soul
 and fled pursued
 Into harmonious distances
 unseized;
 Forms subtly elusive and
 half-luminous powers
 Wishing no goal for their
 unearthly course
 Strayed happily through vague
 ideal lands,
 Or floated without footing or their
 walk
 Left steps of reverie on sweet
 memory's ground;
 Or they paced to the mighty
 measure of their thoughts
 Led by a low far chanting of the
 gods.
 A ripple of gleaming wings
 crossed the far sky;
 Birds like pale-bosomed
 imaginations flew

 With low disturbing voices of
 desire,
 And half-heard lowings drew the
 listening ear,
 As if the Sun-god's brilliant kine
 were there
 Hidden in mist and passing
 towards the sun.
 These fugitive beings, these
 elusive shapes
 Were all that claimed the eye and
 met the soul,

неясные пестрели пастбища,
 неясные деревья,
 Неясные пейзажи
 вдохновляли сердце
 зыбкой дымкой;
 Неясные белёсые стада бродили,
 еле видимые, средь тумана;
 Неясный дух скитался там
 с бесплотным зовом,
 Неясные мелодии касались душ
 и улетали от попыток их поймать
 В неуловимые
 и гармоничные пространства;
 Тончайшие и ускользящие формы,
 полуосвещённые могущества,
 Без всякой цели,
 неземным маршрутом,
 Счастливые, бродили
 по неясным идеальным землям,
 Иль проплывали без какой-либо опоры,
 и прогулка их
 Лишь оставляла след мечты
 на почве сладостных воспоминаний;
 Бывало, шли они к могучему пределу
 собственных идей и мысли,
 Ведомые далёким
 низким пением богов.
 В высоком небе проносился
 шелест пёстрых крыльев;
 Как светлые фантазии,
 хранимые у сердца,
 пролетали птицы
 С волнующим глубоким
 голосом желания,
 А еле слышное мычание
 притягивало слушавшее ухо,
 Как будто там паслись
 сверкавшие коровы бога-Солнца,
 Сокрытые в тумане,
 направляясь к яркому светилу.
 Все мимолётные создания
 и ускользящие образы,
 Здесь были тем,

The natural inhabitants of that
world.

But nothing there was fixed or
stayed for long;

No mortal feet could rest upon
that soil,

No breath of life lingered
embodied there.

In that fine chaos joy fled dancing
past

And beauty evaded settled line
and form

And hid its sense in mysteries of
hue;

Yet gladness ever repeated the
same notes

And gave the sense of an enduring
world;

There was a strange consistency
of shapes,

And the same thoughts were
constant passers-by

And all renewed unendingly its
charm

Alluring ever the expectant heart

Like music that one always waits
to hear,

Like the recurrence of a haunting
rhyme.

One touched incessantly things
never seized,

A skirt of worlds invisibly divine.

As if a trail of disappearing stars

There showered upon the floating
atmosphere

что требовало взгляда
и встречало душу,
Естественными обитателями
в этом мире.

Но не было здесь ничего,
что оставалось бы надолго,
или было прочным,

И ноги смертного бы
не нашли, где отдохнуть
на этой почве,

Дыханье жизни
не смогло бы задержаться,
если б воплотилось здесь.

В том утончённом хаосе
веселье, радость,
пролетали в танце мимо,

А красота стремилась избежать
конкретной линии и формы

И прятала свой смысл
в мистериях оттенка цвета;

Здесь радость вечно
повторяла те же ноты

И создавала этим ощущение
устойчивости мира;

Была здесь странная
логичность образов,

Одни и те же мысли
постоянно проходили мимо,

Всё обновляло нескончаемо
своё очарование,

И каждый раз пленяло
предвкушающее сердце,

Как музыка, которую
всё время ждёшь услышать,

Как повторение одной и той же
радующей рифмы.

В том мире постоянно
прикасаешься к неуловимому,

К окраине миров,
незримых и божественных.

Подобно шлейфу
исчезавших звёзд

Здесь проливались

Colours and lights and evanescent gleams	на изменчивую атмосферу И пёстрые цвета, и яркие огни, и тающие блики,
That called to follow into a magic heaven,	Что звали за собой в магические небеса,
And in each cry that fainted on the ear	И в каждом крике, что стихал в ушах,
There was the voice of an unrealised bliss.	Всё время оставался голос не нашего себя блаженства.
An adoration reigned in the yearning heart,	Царило обожанье в устремлённом сердце,
A spirit of purity, an elusive presence	Дух чистоты, неуловимое присутствие
Of faery beauty and ungrasped delight	Волшебной красоты и непонятого восторга,
Whose momentary and escaping thrill,	Чей ускользящий, сиюминутный трепет,
However unsubstantial to our flesh,	Каким бы бестелесным не был он для нашей плоти,
And brief even in imperishableness,	И кратким даже для своей нетленности,
Much sweeter seemed than any rapture known	Казался сластнее всякого знакомого восторга,
Earth or all-conquering heaven can ever give.	Который может дать земля иль покоряющие всё на свете небеса.
Heaven ever young and earth too firm and old	Но небеса всегда юны, земля стара и чересчур тверда,
Delay the heart by immobility:	Чтоб сердце удержать своею неподвижностью:
Their raptures of creation last too long,	И слишком долго длился их восторг творения,
Their bold formations are too absolute;	И слишком абсолютны были эти дерзкие творения;
Carved by an anguish of divine endeavour	Так, высеченные мучением божественных усилий
They stand up sculptured on the eternal hills,	Они стоят скульптурами на склонах вечных гор,
Or quarried from the living rocks of God	Иль, извлекаемые из живого камня Бога,
Win immortality by perfect form.	Хотят завоевать бессмертье совершенством формы.
They are too intimate with eternal things:	Но в слишком близких отношениях с вечностью они:

Vessels of infinite significances,
They are too clear, too great, too
meaningful;

No mist or shadow soothes the
vanquished sight,
No soft penumbra of incertitude.

These only touched a golden hem
of bliss,

The gleaming shoulder of some
godlike hope,

The flying feet of exquisite
desires.

On a slow trembling brink
between night and day

They shone like visitants from the
morning star,

Satisfied beginnings of perfection, first
Tremulous imaginings of a
heavenly world:

They mingle in a passion of
pursuit,

Thrilled with a spray of joy too
slight to tire.

All in this world was shadowed
forth, not limned,

Like faces leaping on a fan of fire

Or shapes of wonder in a tinted
blur,

Like fugitive landscapes painting
silver mists.

Here vision fled back from the
sight alarmed,

And sound sought refuge from the
ear's surprise,

And all experience was a hasty
joy.

The joys here snatched were
half-forbidden things,

Timorous soul-bridals delicately
veiled

Сосуды нескончаемого смысла,
Они и чересчур чисты,
и слишком велики,
и чересчур значительны;

Ни тень, ни дымка
не утешат покорённый взгляд,
Ни мягкий полусвет
их неопределённости.

Они касались только
золотого краешка блаженства

И светлого плеча богоподобной
и неведомой надежды,

Летающих ног
изысканных желаний.

На медленной, дрожащей грани
между днём и ночью

Они сияли, словно гости
с утренней звезды,

Довольные начала совершенства
И трепетные первые догадки
о небесном мире:

Они смешались
в страстности стремления,

Волнуясь в брызгах радости,
но слишком лёгкой, чтоб наскучить.

Всё в этом мире было
только обозначено, не прорисовано,

Подобно лицам, прыгающим
в жарком воздухе костра,

Иль удивительным фигурам
в пятнах краски,

Как мимолётные пейзажи,
нарисованные серебристой дымкой.

Здесь видение улетало прочь
от потревоженного взгляда,

И звук искал убежища
от удивленья слуха,

И всякое переживание
было торопливой радостью.

Все эти пойманные радости
частично были под запретом,

И деликатно прикрывались
боязливymi свадьбами души,

As when a goddess' bosom dimly moves
 To first desire and her white soul transfigured,
 A glimmering Eden crossed by faery gleams,
 Trembles to expectation's fiery wand,
 But nothing is familiar yet with bliss.
 All things in this fair realm were heavenly strange
 In a fleeting gladness of untired delight,
 In an insistency of magic change.
 Past vanishing hedges, hurrying hints of fields,
 Mid swift escaping lanes that fled her feet
 Journeying she wished no end: as one through clouds
 Travels upon a mountain ridge and hears
 Arising to him out of hidden depths
 Sound of invisible streams, she walked besieged
 By the illusion of a mystic space,
 A charm of bodiless touches felt and heard
 A sweetness as of voices high and dim
 Calling like travellers upon seeking winds
 Melodiously with an alluring cry.

Похожи были на неясное движение
 груди богини
 Навстречу первому желанью
 и преображенью
 незапятнанной её души,
 Мерцающим Эдемом,
 по которому неслись
 волшебные лучи,
 На трепетанье пред
 волшебным жезлом предвкушения,
 Но всё же не было там ничего
 подобного блаженству.
 В прекрасном этом царстве
 было всё небесно-удивительным
 И окружалось мимолётной радостью
 неутомимого восторга,
 Настойчивым стремлением
 к магическому изменению.
 Она¹ шла мимо исчезающих оград,
 на что-то торопливо намекающих
 полей,
 Её стопы летели
 быстрыми бегущими тропинками,
 И ей хотелось, чтобы у дороги
 не было конца:
 Как тот, кто поднимается
 на горный гребень,
 проходя сквозь облака,
 И слышит, как из скрытой глубины
 к нему восходит
 Звук от невидимых потоков,
 так она шла, осаждённая
 иллюзией мистического,
 этого пространства,
 И ощущала чары
 их бесплотного касания,
 И вслушивалась в сладость
 их высоких и неясных голосов,
 Зовущих, словно путники
 на ищущих ветрах,
 Своим пленительным
 и мелодичным криком.

¹ Савитри, прим. пер.

As if a music old yet ever new,

Moving suggestions on her
heart-strings dwelt,

Thoughts that no habitation found,
yet clung

With passionate repetition to her
mind,

Desires that hurt not, happy only
to live

Always the same and always
unfulfilled

Sang in the breast like a celestial
lyre.

Thus all could last yet nothing
ever be.

In this beauty as of mind made
visible,

Dressed in its rays of wonder
Satyavan

Before her seemed the centre of its
charm,

Head of her loveliness of longing
dreams

And captain of the fancies of her
soul.

Even the dreadful majesty of
Death's face

And its sombre sadness could not
darken nor slay

The intangible lustre of those
fleeting skies.

The sombre Shadow sullen,
implacable

Made beauty and laughter more
imperative;

Enhanced by his grey, joy grew
more bright and dear;

His dark contrast edging ideal
sight

И словно эта музыка,
которая была и древнею
и вечно новой,

В ней всколыхнула отклик,
живший в струнах сердца,

И мысли, что хотя
не находили в ней пристанища,

Однако же, со страстным постоянством,
старались рядом быть с её умом,

Желания, что не затрагивают
и счастливые лишь оттого,
что существуют,

Всё время оставаясь теми же,
всегда неисполнимыми,

Небесной лирой
пели у неё в груди.

И так могло всё продолжаться,
и при этом не происходить
в реальности.

В той красоте, что становилась
видимой благодаря уму,

Окутанный лучами чуда,
Сатьяван

Пред ней предстал
как центр очарования,

Вершиной жаждущих
любовных грёз,

И капитаном прихотей
её души.

И даже страшное величье
лика бога Смерти,

И хмурое его унынье
не могло ни затемнить,
ни уничтожить

Неуловимый блеск
тех ускользающих небес.

Безжалостная Тень,
угрюмая и мрачная

Лишь оттеняла красоту и смех,
и делала ещё нужнее;

На фоне этой серости, веселье
становилось ярче и роднее;

Его контраст, своюю мрачной темнотою

<p>Deepened unuttered meanings to the heart; Pain grew a trembling undertone of bliss And transience immortality's floating hem, A moment's robe in which she looked more fair, Its antithesis sharpening her divinity. A comrade of the Ray and Mist and Flame, By a moon-bright face a brilliant moment drawn, Almost she seemed a thought mid floating thoughts, Seen hardly by a visionary mind Amid the white inward musings of the soul. Half-anquished by the dream-happiness around, Awhile she moved on an enchantment's soil, But still remained possessor of her soul. Above, her spirit in its mighty trance Saw all, but lived for its transcendent task, Immutable like a fixed eternal star.</p>	<p>заостря видение идеала, Ещё сильнее углублял невыразимый смысл для сердца; Боль становилась трепетанием, оттенками блаженства, А мимолётность — ускользающей границею бессмертия, Одеждою мгновения, что делала её¹ ещё прекраснее, Своею антитезой заострив её божественность. Товарищем Луча, Тумана, Пламени, Сверкающим мгновеньем, отражённым на её лице, светящемся как месяц, Она казалась мыслью посреди плывущих мыслей, С трудом увиденной мечтательным умом Средь чистого, направленного к внутреннему, размышлению души. Наполовину побеждённая счастливыми мечтаньями вокруг, Она шла дальше по земле очарования, Но всё же оставалась хозяйкою своей души. Над нею, дух её, в своём могучем трансе, Всё видел, наблюдал, но жил для собственной, всё превышающей задачи, Неизменяемый, как вечная, застывшая звезда.</p>
---	--

End of Canto One

Конец первой песни

¹ Савитри, прим. пер.

Book Ten
THE BOOK OF
THE DOUBLE TWILIGHT

Canto II
THE GOSPEL OF DEATH AND
VANITY OF THE IDEAL

Then pealed the calm inexorable
voice:
Abolishing hope, cancelling life's
golden truths,
Fatal its accents smote the
trembling air.
That lovely world swam thin and
frail, most like
Some pearly evanescent farewell
gleam
On the faint verge of dusk in
moonless eves.
"Prisoner of Nature,
many-visioned spirit,
Thought's creature in the ideal's
realm enjoying
Thy unsubstantial immortality
The subtle marvellous mind of
man has feigned,
This is the world from which thy
yearnings came.
When it would build eternity from
the dust,
Man's thought paints images
illusion rounds;
Prophesying glories it shall never
see,
It labours delicately among its
dreams.

Книга Десятая
КНИГА ДВОЙСТВЕННЫХ
СУМЕРЕК

Песня II
ЕВАНГЕЛИЕ СМЕРТИ
И ТЩЕТА ИДЕАЛА

Вновь загремел
спокойный и неумолимый голос:
Уничтожая всякую надежду,
отменяя замечательную
правду жизни.
Его убийственные интонации
хлестали трепетавший воздух.
А тот прекрасный мир
плыл тоненьким и хрупким,
Похожий больше на жемчужный
эфемерный блеск прощания
На слабой грани сумерек
безлунного заката.
"О пленница Природы,
о способный многое увидеть дух,
Творенье мысли
в царстве идеала,
Что наслаждается бесплотным,
невещественным бессмертием,
Придуманное человеческим,
чудесным и утонченным умом,
То, что ты видишь — мир,
где родились твои стремления.
Когда мысль человека
хочет строить вечное из пыли,
Она вокруг себя рисует
иллюзорные картины;
И предрекая славу и великолепие,
которых не увидит никогда,
Она искусно трудится
среди своих мечтаний.

Behold this fleeing of
 light-tasselled shapes,
 Aerial raiment of unbodied gods;
 A rapture of things that never can
 be born,
 Hope chants to hope a bright
 immortal choir;
 Cloud satisfies cloud, phantom to
 longing phantom
 Leans sweetly, sweetly is clasped
 or sweetly chased.
 This is the stuff from which the
 ideal is formed:
 Its builder is thought, its base the
 heart's desire,
 But nothing real answers to their
 call.
 The ideal dwells not in heaven,
 nor on the earth,
 A bright delirium of man's ardour
 of hope
 Drunk with the wine of its own
 fantasy.
 It is a brilliant shadow's dreamy
 trail.

Thy vision's error builds the azure
 skies,
 Thy vision's error drew the
 rainbow's arch;
 Thy mortal longing made for thee
 a soul.
 This angel in thy body thou callst
 love,
 Who shapes his wings from thy
 emotion's hues,
 In a ferment of thy body has been
 born
 And with the body that housed it it
 must die.

It is a passion of thy yearning
 cells,

Взгляни на эти образы,
 летящие, с султанами из света,
 Эфирные одежды предназначенные
 бестелесным божествам;
 О том восторге, что не сможет
 никогда родиться,
 Одна надежда распевает для другой
 в бессмертном звонком хоре;
 Друг друга услаждают облака,
 одна иллюзия умильно наклоняется
 К другой, желанной, нежно обнятой
 иль сладостно преследуемой.
 Таков материал,
 идущий на формирование идеала:
 Его строитель — мысль,
 основа у него — желанье сердца,
 И ничего реального
 не отвечает на его призыв.
 Те идеалы обитают не на небесах,
 не на земле,
 Они — прекрасный бред
 пылающей надежды человека,
 Что опьяняется вином
 своей фантазии.
 Они — мечтательный,
 туманный шлейф
 сверкающего призрака.
 Дефекты зренья твоего
 возводят голубые небеса,
 Дефекты зренья твоего
 рисуют арку радуги;
 Твоё желанье смертной
 сотворило душу для тебя.
 Тот ангел в теле у тебя,
 которого зовёшь любовью,
 Чьи крылья вырастают
 из оттенков настроений и эмоций
 Рождён благодаря
 ферментам тела
 И вместе с телом,
 что дало ему пристанище,
 он должен умереть.
 Он — страсть твоих,

It is flesh that calls to flesh to
serve its lust;
It is thy mind that seeks an
answering mind
And dreams awhile that it has
found its mate;
It is thy life that asks a human
prop
To uphold its weakness lonely in
the world
Or feeds its hunger on another's
life.
A beast of prey that pauses in its
prowl,
It crouches under a bush in
splendid flower
To seize a heart and body for its
food:
This beast thou dreamst immortal
and a god.

O human mind, vainly thou
torturest
An hour's delight to stretch
through infinity's
Long void and fill its formless,
passionless gulfs,

Persuading the insensible Abyss

To lend eternity to perishing
things,
And trickst the fragile movements
of thy heart
With thy spirit's feint of
immortality.
All here emerges born from
Nothingness;
Encircled it lasts by the emptiness
of Space,
Awhile upheld by an unknowing
Force,

наполненных стремленьем клеток,
Он — плоть, что с вожделием
взывает к плоти,
Он — ум, что ищет
отвечающий, похожий ум,
Воображая в грёзах,
что нашёл себе супруга;
Он — жизнь твоя,
что просит человеческой опоры,
Чтоб слабость одинокую свою
поддерживать в огромном мире,
Иль чтобы утолять свой голод
жизнью близкого.
Он — хищный зверь,
что затаился, подходя к добыче,
Припал к земле, укрывшись
под кустом с роскошными цветами,
Чтоб тело разорвать твоё
и вместе с сердцем съесть:
А ты воображаешь,
что тот зверь — бессмертный,
что он — бог.
О разум человека,
ты напрасно мучаешь
Восторг сиюминутности,
стремишься протянуть его
Сквозь долгое ничто,
заполнить тем восторгом
Его аморфные,
бесстрастные пучины
Пытаясь убедить
бесчувственную Бездну
Взаимы дать вечность
временным вещам,
И обмануть непрочные движенья
собственного сердца
Обманчивым бессмертьем
собственного духа.
Всё возникает здесь,
рождённое из Ничего,
И остаётся в окруженьи
пустоты Пространства,
Пока поддерживается

Then crumbles back into its parent
Nought:

Only the mute Alone can for ever
be.

In the Alone there is no room for
love.

In vain to clothe love's perishable
mud

Thou hast woven on the
Immortals' borrowed loom
The ideal's gorgeous and unfading
robe.

The ideal never yet was real made.

Imprisoned in form that glory
cannot live;

Into a body shut it breathes no
more.

Intangible, remote, for ever pure,

A sovereign of its own brilliant
void,

Unwillingly it descends to earthly
air

To inhabit a white temple in man's
heart:

In his heart it shines rejected by
his life.

Immutable, bodiless, beautiful,
grand and dumb,

Immobile on its shining throne it
sits;

Dumb it receives his offering and
his prayer.

It has no voice to answer to his
call,

No feet that move, no hands to
take his gifts:

Aerial statue of the nude Idea,

не ведающей Силой,
А после — разрушаясь,
падает назад, в Ничто,
которое его родило:

И лишь немое Одиночество
способно оставаться вечно.

Но в этом Одиночестве
нет места для любви.

Напрасно, чтоб прикрыть
недолговечный прах любви,

Ты на станке, что взят на время
у Бессмертных,

Соткала пышное, увядаемое
платье идеала.

Ведь идеал не становился
никогда реальностью.

Его великолепие не может жить,
посаженное в форму,
словно в камеру,

Когда он заперт в теле,
он не может более дышать.

Неосязаемый, далёкий,
вечно чистый,

Властитель над своею
яркой пустотой,

Он неохотно сходит вниз,
в земную атмосферу,

Чтоб поселиться в чистом храме
человеческого сердца:

И в этом сердце он сияет,
отвергаемый обычной жизнью.

Прекрасный, бестелесный, неизменный,
грандиозный и немой,

Он неподвижно восседает
на своём блестящем троне;

Он молча принимает подношение и
молитву человека.

И нету у него ни голоса
ответить на его призыв,

Ни ног, чтобы прийти,
ни рук, чтоб взять его дары:

Похожая на статую,
лишённая одежд, эфирная Идея

Virgin conception of a bodiless
god,
Its light stirs man the thinker to
create
An earthly semblance of diviner
things.

Its hued reflection falls upon
man's acts;
His institutions are its cenotaphs,
He signs his dead conventions
with its name;
His virtues don the Ideal's skiey
robe
And a nimbus of the outline of its
face:
He hides their littleness with the
divine Name.

Yet insufficient is the bright
pretence
To screen their indigent and
earthy make:
Earth only is there and not some
heavenly source.
If heavens there are they are
veiled in their own light,
If a Truth eternal somewhere
reigns unknown,
It burns in a tremendous void of
God;
For truth shines far from the
falsehoods of the world;
How can the heavens come down
to unhappy earth
Or the eternal lodge in drifting
time?
How shall the Ideal tread earth's
dolorous soil
Where life is only a labour and a
hope,

И девственное представленье
о бесплотном боге —
Её свет побуждает человека,
как мыслителя,
Творить подобия
божественных вещей,
но на земле.

Окрашенный им отблеск падает
на действия, работы человека;
Все институты человека —
мавзолеи идеала,
Он этим именем подписывает
мёртвые свои условности;
Все добродетели его облачены
в небесные одежды Идеала,
Над контурами лика Идеала
сияет нимб:
Он¹ прикрывает собственную
незначительность
божественным, высоким Именем.

Однако, яркого притворства
недостаточно,
Чтоб скрыть земной покррой
и нищету:
Ведь здесь — Земля,
а не какие-то небесные источники.
И если бы здесь были небеса,
они своим сокрыты были б светом,
И если вечно существующая Истина
царила б где-то, неизвестная,
Она пылала бы
в гигантской пустоте Всевышнего;
Ведь истина сияет вдальеке
от лжи земного мира;
Как могут небеса спуститься
на безрадостную землю,
А вечность — жить
в текучем времени?
Как будет Идеал ходить
по горестной поверхности земли,
Где жизнь лишь
тяжкая работа и надежда,

¹ Человек, прим. пер.

A child of Matter and by Matter
 fed,
 A fire flaming low in Nature's
 grate,
 A wave that breaks upon a shore
 in Time,
 A journey's toilsome trudge with
 death for goal?
 The Avatars have lived and died
 in vain,
 Vain was the sage's thought, the
 prophet's voice;
 In vain is seen the shining upward
 Way.
 Earth lies unchanged beneath the
 circling sun;
 She loves her fall and no
 omnipotence
 Her mortal imperfections can
 erase,
 Force on man's crooked ignorance
 Heaven's straight line

 Or colonise a world of death with
 gods.
 O traveller in the chariot of the Sun,
 High priestess in thy holy fancy's
 shrine
 Who with a magic ritual in earth's
 house
 Worshippiest ideal and eternal
 love,

 What is this love thy thought has
 deified,
 This sacred legend and immortal
 myth?
 It is a conscious yearning of thy flesh,
 It is a glorious burning of thy nerves,
 A rose of dream-splendour
 petalling thy mind,

 A great red rapture and torture of
 thy heart.

Дитя Материи,
 Материей вскормлённая,
 Огонь, едва пылающий
 в камине у Природы,
 Волна, что разбивается
 о берег Времени,
 И утомительный труд путешествия,
 в котором смерть есть цель пути?
 Напрасно жили Аватары
 и напрасно умерли.
 Напрасны были мысли мудреца
 и речь пророка;
 Напрасно видели сияющий,
 идущий в выси Путь.
 Земля лежит, не изменившись,
 под кружащим солнцем,
 И влюблена в своё падение,
 и нет такого всемогущества,
 Которое смогло б стереть
 её несовершенства смертных,
 И сделать искривлённое
 невежество людей
 прямою линией Небес,
 Иль поселить богов
 в мир смерти.
 О путница в повозке Солнца,
 Возвышенная жрица храма
 собственных святых фантазий,
 Которая в земном жилище
 поклоняется
 При помощи магического ритуала,
 идеальной,
 вечно существующей любви,
 Так что же это за любовь,
 что мысль твоя обожествила,
 Священная легенда,
 иль бессмертный миф?
 Она — осознанное устремленье плоти,
 Она — чудесное горенье нервов,
 И роза роскоши мечты,
 накрывшая твой ум
 своими лепестками,
 Великий, алый, экстатический восторг

A sudden transfiguration of thy days,	и мука сердца.
It passes and the world is as before.	Внезапное преображение твоих обычных дней,
A ravishing edge of sweetness and of pain,	Она проходит, и мир вновь — каким он был.
A thrill in its yearning makes it seem divine,	Но восхитительная острота той сладости и боли,
A golden bridge across the roar of the years,	И дрожь в её стремленье делает её почти божественной,
A cord tying thee to eternity.	Она — прекрасный мост над громыханьем лет,
	Струна, которая тебя соединяет с вечностью.
And yet how brief and frail! how soon is spent	И в то же время — как она хрупка и коротка!
	Как быстро же проходит
This treasure wasted by the gods on man,	Сокровище, которое на человека понапрасну тратят боги,
This happy closeness as of soul to soul,	То счастье близости, похожее на близость душ,
This honey of the body's companionship,	Та сладость мёда дружбы тел,
This heightened joy, this ecstasy in the veins,	Та возвышающая радость, тот экстаз, несущийся по венам,
This strange illumination of the sense!	То странное, неведомое озаренье чувств!
If Satyavan had lived, love would have died;	И если бы твой Сатьяван и дальше жил,
	любовь бы вскоре умерла:
But Satyavan is dead and love shall live	Но Сатьяван стал мёртвым, и любовь
A little while in thy sad breast, until	Ещё немного будет жить в твоей горящей груди,
His face and body fade on memory's wall	Пока его лицо и тело не поблекнут на экране памяти,
Where other bodies, other faces come.	Куда потом придут другие лица и тела.
When love breaks suddenly into the life	Когда любовь врывается внезапно в жизнь,
At first man steps into a world of the sun;	Сначала человек шагает в ослепительный мир солнца;
In his passion he feels his heavenly element:	Он ощущает в этой страсти свой небесный элемент:

But only a fine sunlit patch of
earth

The marvellous aspect took of
heaven's outburst;

The snake is there and the worm
in the heart of the rose.

A word, a moment's act can slay
the god;

Precarious is his immortality,
He has a thousand ways to suffer
and die.

Love cannot live by heavenly food
alone,

Only on sap of earth can it
survive.

For thy passion was a sensual
want refined,

A hunger of the body and the heart;
Thy want can tire and cease or
turn elsewhere.

Or love may meet a dire and
pitiless end

By bitter treason, or wrath with
cruel wounds

Separate, or thy unsatisfied will to
others

Depart when first love's joy lies
stripped and slain:

A dull indifference replaces fire

Or an endearing habit imitates
love:

An outward and uneasy union
lasts

Or the routine of a life's compromise:
Where once the seed of oneness
had been cast

Но та чудесная
и солнечная сторона земли —

Лишь восхитительная часть,
что взята у небесного порыва:

Там, в сердце розы,
есть и змей, и червь.

Сиюминутный шаг,
одно лишь слово
Способны уничтожить
это божество;

Его бессмертье так непрочное,
Есть тысячи возможностей
ему страдать и умирать.

Любовь не может жить
одной небесной пищей,

Лишь на соку земли
она способна выживать.

Поскольку страсть твоя была
утонченным и чувственным
желанием,

И жаждой тела твоего и сердца,
Твоё желанье может
и устать, уйти,
и повернуть куда-либо ещё.

Бывает, что любовь встречает
страшный и безжалостный конец
от горечи измены,

Бывает, гнев,
безжалостными ранами своими
вас разлучит,

Иль ненасытное желание
толкнёт к другому,

Когда восторг
от первой радости любви
спадёт, отринутый, убитый:

Огонь сменяется
унылым равнодушием,

Или привычной лаской,
подражающей любви:

И остаётся только внешнее
и неудобное объединение,

Или рутина компромисса жизни:
И там, куда недавно было брошено

Into a semblance of spiritual ground	зерно единства,
By a divine adventure of heavenly powers	В подобие духовной почвы
Two strive, constant associates without joy,	Божественною смелостью небесных сил,
	Отныне остаются двое, что сражаются,
Two egos straining in a single leash,	И постоянно связаны, без всякой радости,
Two minds divided by their jarring thoughts,	Два эго, тянущих одну упряжку,
Two spirits disjoined, for ever separate.	И два ума, разъединяемые раздражённой мыслью,
Thus is the ideal falsified in man's world;	Два разобщённых духа, что разделены навеки.
Trivial or sombre, disillusion comes,	Так идеал становится поддельным в мире человека;
Life's harsh reality stares at the soul:	Обыденно и хмуро подступает разочарование,
Heaven's hour adjourned flees into bodiless Time.	Жестокая реальность жизни смотрит пристально на душу:
	Небесный час, отложенный, летит и исчезает в бестелесном Времени.
Death saves thee from this and saves Satyavan:	От этого тебя спасает Смерть, спасает Сатьявана:
He now is safe, delivered from himself;	Сейчас он в безопасности, освобождённый от себя;
He travels to silence and felicity.	Он путешествует в безмолвие и счастье.
Call him not back to the treacheries of earth	Не надо звать его назад, к земному вероломству,
And the poor petty life of animal Man.	К пустячной скудной жизни Человека, и с животными корнями.
In my vast tranquil spaces let him sleep	Позволь ему заснуть в моей спокойной широте пространства,
In harmony with the mighty hush of death	В гармонии с могучей тишиною смерти,
Where love lies slumbering on the breast of peace.	Там, где любовь лежит в дремоте на груди покоя.
And thou, go back alone to thy frail world:	А ты — иди назад, одна, в свой хрупкий мир:
Chastise thy heart with knowledge, unhood to see,	Пусть знание твоё

Thy nature raised into clear living
heights,

The heaven-bird's view from
unimagined peaks.

For when thou givest thy spirit to
a dream

Soon hard necessity will smite
thee awake:

Purest delight began and it must
end.

Thou too shalt know, thy heart no
anchor swinging,

Thy cradled soul moored in
eternal seas.

Vain are the cycles of thy brilliant
mind.

Renounce, forgetting joy and hope
and tears,

Thy passionate nature in the
bosom profound

Of a happy Nothingness and
worldless Calm,

Delivered into my mysterious rest.

One with my fathomless Nihil all
forget.

Forget thy fruitless spirit's waste
of force,

Forget the weary circle of thy
birth,

Forget the joy and the struggle and
the pain,

The vague spiritual quest which
first began

When worlds broke forth like
clusters of fire-flowers,

And great burning thoughts voyaged
through the sky of mind

подвергнет сердце критике,
раскрой глаза и посмотри

На всю свою природу, вознесись
в живые чистые высоты

Как видит птица в небесах,
с невообразимой высоты.

Когда ты отдаёшь
свой дух мечте,

То вскоре жёсткая необходимость
подтолкнёт тебя проснуться:

Раз чистый твой восторг
когда-то начался,

он должен и закончиться.

Всмотрись внимательней —
ведь сердце у тебя — не якорь,

Что держит убаюканную душу,
пришвартованную

в вечных океанах.

Напрасны все круженья
твоего блестящего ума.

Оставь, забыв про радость,
слёзы и надежду,

Свою природу страстную
в глубоких недрах

Счастливого Небытия
и бессловесной Тишины,

И предоставь её
моей мистерии покоя.

Всё забывается наедине
с моим бездонным Нет.

Забудь бесплодную растрату
силы духа,

Забудь про утомительный
круговорот рождения,

Забудь про радость,
про сражение, про боль,

Про тот рассеянный духовный поиск,
что был начат

Когда вперёд впервые
вырвались миры,

Подобно гроздьям
огненных цветов,

Когда великие пылающие мысли

<p>And Time and its aeons crawled across the vasts And souls emerged into mortality."</p> <p>But Savitri replied to the dark Power: "A dangerous music now thou findst, O Death, Melting thy speech into harmonious pain, And flut'st alluringly to tired hopes Thy falsehoods mingled with sad strains of truth. But I forbid thy voice to slay my soul. My love is not a hunger of the heart, My love is not a craving of the flesh; It came to me from God, to God returns. Even in all that life and man have marred, A whisper of divinity still is heard, A breath is felt from the eternal spheres. Allowed by Heaven and wonderful to man A sweet fire-rhythm of passion chants to love. There is a hope in its wild infinite cry; It rings with callings from forgotten heights, And when its strains are hushed to high-winged souls In their empyrean, its burning breath Survives beyond, the rapturous core of suns</p>	<p>гуляли в небесах ума, А Время, и его эпохи медленно ползли через просторы И в мире смертных возникали души."</p> <p>Савитри отвечала тёмной Силе: "Опасную ты подбираешь музыку сейчас, о Смерть, Переплавляя речь в гармонию страдания И соблазнительно подыгрывая утомившимся надеждам, Переплетая ложь свою с печальными чертами истины. Но я не дам, чтоб голос твой убил мне душу. Моя любовь — не просто жажда сердца, Моя любовь — не вожделеенье плоти; Она пришла ко мне от Бога, к Богу и вернётся. И несмотря на всё, что исказили жизнь и человек, Всё так же слышно тихое звучание божественного, И ощущается дыханье вечных сфер. Позволенные Небесами, и чудесные для человека, Пылающие сладостные ритмы страсти воспевают перед ним любовь. В её неистовом и бесконечном зове есть надежда; Она звенит призывами с забытых пиков, Когда её усилия стихают для высоких, окрылённых душ, Её горячее дыхание в их эмпиреях Живёт, как прежде, за пределами всего,</p>
--	--

That flame for ever pure in skies
 unseen,
 A voice of the eternal Ecstasy.
 One day I shall behold my great
 sweet world
 Put off the dire disguises of the
 gods,
 Unveil from terror and disrobe
 from sin.
 Appeased we shall draw near our
 mother's face,

 We shall cast our candid souls
 upon her lap;
 Then shall we clasp the ecstasy we
 chase,
 Then shall we shudder with the
 long-sought god,
 Then shall we find Heaven's
 unexpected strain.
 Not only is there hope for
 godheads pure;
 The violent and darkened deities
 Leaped down from the one breast
 in rage to find
 What the white gods had missed:
 they too are safe;
 A mother's eyes are on them and
 her arms
 Stretched out in love desire her
 rebel sons.
 One who came love and lover and
 beloved
 Eternal, built himself a wondrous
 field
 And wove the measures of a
 marvellous dance.
 There in its circles and its magic
 turns
 Attracted he arrives, repelled he
 flees.
 In the wild devious promptings of
 his mind

восторженная сердцевина солнц,
 Которые пылают, вечно чистые,
 в незримых небесах,
 Как голос вечного Экстаза.
 Однажды я увижу,
 как мой сладостный великий мир
 Сорвёт с богов
 ужасные их маски,
 И скинет покрывало с ужаса,
 и грех разденет догола.
 И успокоившись,
 мы привлечём к себе
 лик нашей матери,
 Мы бросим наши искренние души
 на её колени;
 Тогда обнимем мы экстаз,
 который так искали,
 Тогда мы затрепещем
 с долгожданным богом,
 Тогда мы обретём нежданное родство
 с божественными Небесами.
 Надежда светит здесь
 не только чистым божествам;
 С груди Единого слетят
 Вниз тёмные и яростные боги,
 неистово стремясь найти,
 Что упустили боги белые:
 так и они спасутся тоже;
 Взгляд матери глядит на них,
 и руки тянутся с любовью,
 Желая всех своих
 мятежных сыновей.
 Тот, кто пришёл как любящий,
 любимый, как сама любовь,
 Он, Вечный, превратил себя
 в невиданное поле
 И соткал ритмы
 удивительного танца.
 В своих магических
 вращениях, поворотах,
 Притянутый — он появляется,
 отвергнутый — он улетает прочь.
 В блуждающих и буйных

He tastes the honey of tears and
 puts off joy
 Repenting, and has laughter and
 has wrath,
 And both are a broken music of
 the soul
 Which seeks out reconciled its
 heavenly rhyme.
 Ever he comes to us across the
 years
 Bearing a new sweet face that is
 the old.
 His bliss laughs to us or it calls
 concealed

 Like a far-heard unseen entrancing
 flute
 From moonlit branches in the
 throbbing woods,
 Tempting our angry search and
 passionate pain.
 Disguised the Lover seeks and
 draws our souls.
 He named himself for me, grew
 Satyavan.
 For we were man and woman
 from the first,

 The twin souls born from one
 undying fire.

 Did he not dawn on me in other
 stars?
 How has he through the thickets
 of the world
 Pursued me like a lion in the night

 And come upon me suddenly in
 the ways
 And seized me with his glorious
 golden leap!
 Unsatisfied he yearned for me
 through time,

указаньях своего ума
 Он пробует мёд слёз
 и от себя отбрасывает радость,
 То злится, то смеётся,
 то жалеет,
 Всё это для него —
 изломанная музыка души,
 Что ищет, выверяя,
 для себя небесную строфу.
 Всё время он идёт к нам
 год за годом,
 Несёт свой новый, свежий лик,
 который — всё такой же.
 Его блаженство —
 то улыбается для нас,
 то скрыто зывает,
 Как еле слышная, незримая,
 чарующая флейта,
 Из залитых луной ветвей
 в трепещущем лесу,
 И искушает наш сердитый поиск,
 наше страстное страданье.
 Сокрытый маской, Любящий
 отыскивает, тянет наши души.
 Он мне назвал себя,
 став Сатьяваном.
 Ведь мы — та пара,
 тот мужчина с женщиной,
 что были с самого начала,
 Мы души-близнецы,
 мы родились из одного
 негаснущего пламени.
 И разве он на мне не просыпался
 под другими звёздами?
 И как же гнался он за мной
 по дебрям мира,
 Преследуя меня,
 как лев в ночи,
 И вышел на меня
 внезапно на дороге,
 Схватил меня в прекрасном,
 восхитительном прыжке!
 И не насытившись, ко мне он

Sometimes with wrath and
 sometimes with sweet peace
 Desiring me since first the world
 began.
 He rose like a wild wave out of
 the floods
 And dragged me helpless into seas
 of bliss.
 Out of my curtained past his arms
 arrive;
 They have touched me like the
 soft persuading wind,
 They have plucked me like a glad
 and trembling flower,
 And clasped me happily burned in
 ruthless flame.
 I too have found him charmed in
 lovely forms
 And run delighted to his distant
 voice
 And pressed to him past many
 dreadful bars.
 If there is a yet happier greater
 god,
 Let him first wear the face of
 Satyavan
 And let his soul be one with him I
 love;
 So let him seek me that I may
 desire.
 For only one heart beats within
 my breast
 And one god sits there throned.
 Advance, O Death,
 Beyond the phantom beauty of
 this world;
 For of its citizens I am not one.
 I cherish God the Fire, not God
 the Dream."
 But Death once more inflicted on
 her heart

устремлялся через время,
 Порою с гневом,
 а порою с нежностью покоя,
 Меня желая
 с самого начала мира.
 Он поднимался словно
 дикая волна из половодья,
 Утягивал меня, беспомощную,
 в океан блаженства.
 Из скрытого завесой прошлого
 он дотянулся до меня руками,
 Они меня коснулись, словно мягкий,
 уговаривавший ветерок,
 И вырвали меня,
 как радостный трепещущий цветок,
 И обняли меня, горящую
 в безжалостном счастливом пламени.
 И я нашла его, чарующего,
 в восхитительном облиции,
 В восторге побежала
 на его далёкий голос,
 Я прорвалась к нему, минуя
 множество пугающих преград.
 И если есть бог
 более великий и счастливый,
 Пусть он вначале
 обретёт лик Сатьявана,
 И пусть его душа объединится с тем,
 кого я так люблю;
 Поэтому, позволь ему искать меня
 и дальше, чтобы я могла желать.
 Одно лишь сердце
 бьётся у меня в груди,
 Один лишь бог внутри меня, на троне.
 Иди же дальше, о бог Смерти,
 За рамки иллюзорной красоты
 нас окружающего плана;
 Меня там нет,
 я не живу в том мире;
 Мне дорог Бог Огня,
 а не Бог Грёзы."
 В ответ бог Смерти
 вновь ударил ей по сердцу

The majesty of his calm and dreadful voice:	Величием спокойного и устрашающего голоса:
"A bright hallucination are thy thoughts.	"Все эти мысли — яркие галлюцинации.
A prisoner haled by a spiritual cord,	Ты — пленница, что волокут верёвкой духа,
Of thy own sensuous will the ardent slave,	Ты — пылкая рабыня чувственных желаний,
Thou sendest eagle-poised to meet the sun	Навстречу солнцу посылаешь ты слова,
Words winged with the red splendour of thy heart.	Парящие орлами в вышине, крылатые от алого великолепья сердца.
But knowledge dwells not in the passionate heart;	Но в страстном сердце знание не живёт,
The heart's words fall back unheard from Wisdom's throne	И не услышанные тронem Мудрости, слова из сердца падают обратно;
Vain is thy longing to build heaven on earth.	Напрасно ты стремишься на земле построить небеса.
Artificer of Ideal and Idea, Mind, child of Matter in the womb of Life,	Изобретатель Идеала и Идеи — Ум, Дитя Материи, родившийся из лона Жизни,
To higher levels persuades his parents' steps:	Пытается уговорить своих родителей шагнуть на более высокий уровень:
Inapt, they follow ill the daring guide.	И, неумело, еле тянутся они за тем лихим проводником.
But Mind, a glorious traveller in the sky,	Но Ум, прекрасный путешественник по небу,
Walks lamely on the earth with footsteps slow;	Идёт, хромая, по земле нескорым шагом;
Hardly he can mould the life's rebellious stuff,	С трудом он направляет в берега бунтующую массу жизни,
Hardly can he hold the galloping hooves of sense:	С трудом он может удержать идущие вразнос копыта чувств:
His thoughts look straight into the very heavens;	Он смотрит мыслью прямо в небеса;
They draw their gold from a celestial mine,	В небесной шахте добывая золото своё,
His acts work painfully a common ore.	Его дела мучительно работают с рудой обыденности.
All thy high dreams were made by Matter's mind	Все самые высокие мечты твои сотворены умом Материи
To solace its dull work in Matter's jail,	Для утешения унылого его труда

Its only house where it alone
seems true.

A solid image of reality

Carved out of being to prop the
works of Time,

Matter on the firm earth sits strong
and sure.

It is the first-born of created
things,

It stands the last when mind and
life are slain,

And if it ended all would cease to
be.

All else is only its outcome or its
phase:

Thy soul is a brief flower by the
gardener Mind

Created in thy matter's terrain
plot;

It perishes with the plant on which
it grows,

For from earth's sap it draws its
heavenly hue:

Thy thoughts are gleams that pass
on Matter's verge,

Thy life a lapsing wave on
Matter's sea.

A careful steward of Truth's
limited means,

Treasuring her founded facts from
the squandering Power,

It tethers mind to the tent-posts of
sense,

To a leaden grey routine clamps
Life's caprice

And ties all creatures with the
cords of Law.

в тюрьме Материи,
Его единственном жилище,
где лишь она одна
и кажется правдивой.

Какой-то образ

убедительной реальности

Был вырезан из бытия,
чтоб поддержать работы Времени,

Материя сидит уверенно и крепко
на устойчивой земле.

Она и первая рождается
среди сотворённого,

И сохраняется в конце,
когда и ум, и жизнь убиты,

И если кончится она,
всё прекратит существование.

Всё остальное только
стадии её и результаты:

Твоя душа — цветок
с короткой жизнью,

Что выращен Умом-садовником
на грядке из земной материи;

И он погибнет
вместе с тем растением,
на котором вырос,

Ведь из земного сока
он черпает свой небесный цвет:

И мысли у тебя — его лучи,
идущие по по краешку Материи,

И жизнь твоя — волна,
которая уйдёт, стихая,
в океан Материи.

Заботливый приказчик
ограниченных средств Истины,

Он бережёт от расточительной
небесной Силы

найденные ею факты,

И к вбитым в землю стержням чувств
привязывает ум,

К свинцовой сумрачной рутине
прицепляет своенравные

капризы Жизни

И связывает всех существ

A vessel of transmuting
 alchemies,
 A glue that sticks together mind
 and life,
 If Matter fails, all crumbling
 cracks and falls.

 All upon Matter stands as on a
 rock.
 Yet this security and guarantor
 Pressed for credentials an
 impostor proves:
 A cheat of substance where no
 substance is,
 An appearance and a symbol and a
 nought,
 Its forms have no original right to
 birth:
 Its aspect of a fixed stability

 Is the cover of a captive motion's
 swirl,
 An order of the steps of Energy's
 dance
 Whose footmarks leave for ever
 the same signs,
 A concrete face of unsubstantial
 Time,
 A trickle dotting the emptiness of
 Space:
 A stable-seeming movement
 without change,
 Yet change arrives and the last
 change is death.
 What seemed most real once, is
 Nihil's show.
 Its figures are snares that trap and
 prison the sense;
 The beginningless Void was its
 artificer:
 Nothing is there but aspects
 limned by Chance

верёвками Закона.
 Материя — сосуд
 преобразующих алхимий,
 И клей, соединяющий друг с другом
 ум и жизнь,
 И если вдруг Материя исчезнет,
 то, крошась, разрушится
 и распадётся всё.
 Всё на Материи стоит,
 как на скале.
 Однако этот поручитель и гарант
 Настаивает на мандате,
 что давал бы самозванке право
 Обманывать субстанцией,
 в которой и субстанции то нет,
 На видимость, на символ,
 на ничто,
 На формы, у которых прав нет
 на рождение с самого начала:
 Та видимость
 стабильности и прочности
 Лишь оболочка, что натянута
 на вихрь пленённого движения,
 Порядок танцевальных па
 в движении Энергии,
 Что оставляет в качестве следов
 одни и те же знаки,
 Конкретный облик
 неведущего Времени,
 И тонкую струю,
 усеявшую пустоту Пространства:
 Стабильным кажется её движение
 без изменений,
 Но перемены всё-таки случаются,
 и окончательная перемена — смерть.
 То, что казалось наиболее реальным —
 демонстрация Ничто.
 Её фигуры — лишь силки,
 что ловят и пленяют чувство;
 Не знавшая начала Пустота
 была её изобретателем:
 И здесь нет ничего, лишь образы,
 что нарисованы Случайностью,

And seeming shapes of seeming
 Energy.
 All by Death's mercy breathe and
 live awhile,
 All think and act by the
 Inconscient's grace.
 Addict of the roseate luxury of thy
 thoughts,
 Turn not thy gaze within thyself to
 look
 At visions in the gleaming crystal,
 Mind,
 Close not thy lids to dream the
 forms of Gods.
 At last to open thy eyes consent
 and see
 The stuff of which thou and the
 world are made.
 Inconscient in the dumb
 inconscient Void
 Inexplicably a moving world
 sprang forth:
 Awhile secure, happily insensible,

 It could not rest content with its
 own truth.
 For something on its nescient
 breast was born
 Condemned to see and know, to
 feel and love,
 It watched its acts, imagined a
 soul within;
 It groped for truth and dreamed of
 Self and God.

 When all unconscious was, then
 all was well.
 I, Death, was king and kept my
 regal state,
 Designing my unwilled, unerring
 plan,

 Creating with a calm insentient
 heart.

Воображаемые формы
 из воображаемой Энергии.
 И только Смерти милостью
 все дышат и живут свой срок,
 Все думают и действуют
 лишь с разрешения Несознания.
 Не привыкай, как наркоман,
 к приятной роскоши мышления,
 Не обращай взгляд внутрь себя,
 чтобы рассматривать
 Видения в Уме,
 мерцающем кристалле,
 Не закрывай глаза,
 чтоб грезить формами Богов.
 Позволь же, наконец,
 своим очам открыться, и взгляни
 На ту ткань, из которой созданы
 и ты, и этот мир.
 Не сознающий, в молчаливой
 и не сознающей Пустоте,
 Необъяснимо движущийся мир
 шагнул и выпрыгнул вперёд:
 Но время шло, и вот,
 уверенный, счастливо безмятежный,
 Он более не может отдыхать,
 довольный собственной правдой.
 Ведь на его незнающей груди
 родилось нечто,
 Которому судьба смотреть и знать,
 почувствовать и полюбить,
 Оно смотрело на свои дела,
 вообразило душу у себя внутри,
 И оцупью искало истину,
 мечтая о каком-то
 Высшем "Я" и Боге.
 Пока всё было неосознанным,
 всё было хорошо.
 И я, бог Смерти, был царём
 и сохранял свой царский статус,
 Выстраивая безошибочный
 и действующий без желания
 мой план,
 Творил с бесчувственным

In my sovereign power of unreality	спокойным сердцем.
Obliging nothingness to take a form,	В моей верховной мощи нереальности,
Infallibly my blind unthinking force	Заставившей небытие принять обличие,
Making by chance a fixity like fate's,	Моя слепая и неразмышляющая сила
By whim the formulas of Necessity,	Творя стабильность через случай, как судьба,
Founded on the hollow ground of the Inane	И выводя по своему капризу формулы Необходимости,
The sure bizarrerie of Nature's scheme.	Здесь, на пустой земле Ничто, непогрешимо возводила
I curved the vacant ether into Space;	Надёжную причудливость систем Природы.
A huge expanding and contracting Breath	Я изогнул пустой эфир в Пространство;
Harboured the fires of the universe:	Огромное Дыханье сжатия и расширения
I struck out the supreme original spark	Дало приют огням вселенной: Я высек высшую
And spread its sparse ranked armies through the Inane,	первоначальную искру
Manufactured the stars from the occult radiances,	И раскидал её рассеянные батальоны армий по Ничто,
Marshalled the platoons of the invisible dance;	Я создал звёзды из оккультных излучений,
I formed earth's beauty out of atom and gas,	Расставил группами в незримом танце;
And built from chemic plasm the living man.	Я сотворил земную красоту из атома и газа,
Then Thought came in and spoiled the harmonious world:	Из химии и плазмы выстроил живого человека.
Matter began to hope and think and feel,	Затем явилась Мысль и запятнала гармоничный мир:
Tissue and nerve bore joy and agony.	Материю отныне стала надеяться и чувствовать и размышлять,
The unconscious cosmos strove to learn its task;	Ткань тела, нервы начали переносить агонию и радость.
An ignorant personal God was born in Mind	Несознающий космос силился понять свою задачу; В Уме родился личностный невежественный Бог,

And to understand invented
reason's law,
The impersonal Vast throbbed
back to man's desire,
A trouble rocked the great world's
blind still heart

And Nature lost her wide
immortal calm.
Thus came this warped
incomprehensible scene
Of souls emmeshed in life's
delight and pain
And Matter's sleep and Mind's
mortality,
Of beings in Nature's prison
waiting death
And consciousness left in seeking
ignorance

And evolution's slow arrested
plan.
This is the world in which thou
mov'st, astray
In the tangled pathways of the
human mind,
In the issueless circling of thy
human life,
Searching for thy soul and
thinking God is here.
But where is room for soul or
place for God
In the brute immensity of a
machine?
A transient Breath thou takest for
thy soul,

Born from a gas, a plasm, a sperm,
a gene,
A magnified image of man's mind
for God,
A shadow of thyself thrown upon
Space.
Interposed between the upper and
nether Void,

И чтобы понимать,
Ум изобрёл закон причины,
В безличной Широте
забился пульс желаний человека,
В слепом и тихом сердце
этого большого мира
вспыхнуло волнение,

Природа потеряла широту
спокойствия бессмертного.
Вот так пришла вся эта искаженная,
нелепая картина душ,
Запутавшихся в боли
и восторге жизни,
И в сне Материи,
и в смертном состоянии Ума,
Существ, что ожидают смерти
в камере Природы,
Сознания, оставленного
в ищущем неведенье
И в сковывающем,
неторопливом плане эволюции.

Всё это — мир,
в котором ты идёшь, блуждая
По путаным тропинкам
своего ума,
В безвыходном круженье
жизни человека,
Разыскивая собственную душу здесь
и мыслящего Бога.

Но где же комната души
и место Бога
В жестокой этой
необъятности машины?
Ты преходящее Дыханье
принимаешь в качестве
своей души,

Родившийся из газа,
плазмы, спермы, гена,
Преувеличенный воображеньем ум —
за Бога,
Который только тень,
тобой отброшенная на Пространство.
Расположившись между

Thy consciousness reflects the world around	верхнюю и нижней Пустотой, Твоё сознание
In the distorting mirror of Ignorance	отражает мир вокруг В огромном искривлённом зеркале Невежества,
Or upwards turns to catch imagined stars.	Иль смотрит вверх, чтоб ухватить воображаемые звёзды.
Or if a half-Truth is playing with the earth	Когда же полу-Истина играется с землёй,
Throwing its light on a dark shadowy ground,	Бросая свет свой на тенистую и сумрачную почву,
It touches only and leaves a luminous smudge.	Она слегка касается её и оставляет светлое пятно.
Immortality thou claimest for thy spirit,	Ты требуешь бессмертия для духа своего,
But immortality for imperfect man,	Но ведь бессмертье для несовершенного и полного изъянов человека,
A god who hurts himself at every step,	Для бога, что вредит себе на каждом шаге,
Would be a cycle of eternal pain.	Могло бы стать круговоротом вечной боли.
Wisdom and love thou claimest as thy right;	Ты требуешь любви и мудрости как собственное право;
But knowledge in this world is error's mate,	Но здесь, где знание — супруг ошибки,
A brilliant procuress of Nescience, And human love a posturer on earth-stage	Сверкающая сводница Неведенья, Любовь, что осеняет к человека — лишь позёр на смертной сцене
Who imitates with verve a faery dance.	И яркостью своей лишь имитирует волшебный танец.
An extract pressed from hard experience,	Экстракт, что выжат из тяжёлого переживания, опыта,
Man's knowledge casked in the barrels of Memory	Все человеческие знания разложены в бочки Памяти
Has the harsh savour of a mortal draught:	И там приобретают жёсткий привкус смертного усилия:
A sweet secretion from the erotic glands	Те сладостные выделения из эротических желёз,
Flattering and torturing the burning nerves,	Которые ласкают и терзают в нас разгорячившиеся нервы,
Love is a honey and poison in the breast	Любовь — и мёд, и яд внутри груди,

Drunk by it as the nectar of the
 gods.
 Earth's human wisdom is no
 great-browed power,
 And love no gleaming angel from
 the skies;
 If they aspire beyond earth's
 dullard air,
 Arriving sunwards with frail
 waxen wings,

 How high could reach that forced
 unnatural flight?

 But not on earth can divine
 wisdom reign
 And not on earth can divine love
 be found;
 Heaven-born, only in heaven can
 they live;
 Or else there too perhaps they are
 shining dreams.
 Nay, is not all thou art and doest a
 dream?

 Thy mind and life are tricks of
 Matter's force.
 If thy mind seems to thee a radiant
 sun,
 If thy life runs a swift and glorious
 stream,
 This is the illusion of thy mortal
 heart
 Dazzled by a ray of happiness or
 light.
 Impotent to live by their own right
 divine,
 Convinced of their brilliant
 unreality,
 When their supporting ground is
 cut away,
 These children of Matter into
 Matter die.

Всем этим опьянённой,
 как божественным нектаром.
 Земная человеческая мудрость —
 не какая-то возвышенная сила,
 Любовь — не яркий ангел,
 что сошёл с небес;
 Но если, устремившись за границы
 скучного земного воздуха,
 И воспаряя к солнцу
 на подобных воску,
 хрупких крыльях,
 Та сила полетит,
 каких высот она достигнет
 в этом неестественном полёте?
 Не на земле способна царствовать
 божественная мудрость,
 Не на земле ты встретишься
 с божественной любовью:
 Рождённые на небесах —
 лишь там и могут жить;
 А может, это всё —
 лишь яркие, сверкающие сны.
 И даже больше, разве всё,
 чем ты являешься
 и все твои дела — не сон?
 Твой ум и жизнь —
 лишь хитрости могущества Материи.
 И если ум твой кажется тебе
 сиянием солнца,
 И если жизнь твоя бежит
 чудесною и быстрою рекой,
 Всё это лишь иллюзия
 для сердца смертного,
 Что ослеплён лучами
 счастья или света.
 Бессильные здесь жить
 в своих божественных правах,
 И верящие в яркую свою,
 сверкающую нереальность,
 Когда поддерживающая почва
 вдруг уходит из-под ног,
 Все эти сыновья Материи
 в Материи и гибнут.

Even Matter vanishes into Energy's vague	Материя сама способна исчезать в неясности Энергии,
And Energy is a motion of old Nought.	Которая — движенье древнего Ничто.
How shall the Ideal's unsubstantial hues	И как же в невещественных оттенках Идеала
Be painted stiff on earth's vermilion blur,	Возможно что-то прочное нарисовать на киноварном пятнышке земли,
A dream within a dream come doubly true?	Как сон внутри другого сна сумел бы стать двойною истиной?
How shall the will-o'-the-wisp become a star?	И как блуждающий неясный огонёк сумеет стать звездой?
The Ideal is a malady of thy mind,	Тот Идеал — лишь помраченье твоего ума,
A bright delirium of thy speech and thought,	Он яркий бред твоих речей и мысли,
A strange wine of beauty lifting thee to false sight.	Он — странное вино прекрасного, что поднимает к ложному видению.
A noble fiction of thy yearnings made,	И в благородных вымыслах, что созданы твоим стремлением,
Thy human imperfection it must share:	Приходится участвовать несовершенству человека:
Its forms in Nature disappoint the heart,	Но облики его в Природе лишь разочаровывают сердце,
And never shall it find its heavenly shape	И никогда оно здесь не найдёт свою божественную форму,
And never can it be fulfilled in Time.	И никогда оно во Времени не сможет воплотиться.
O soul misled by the splendour of thy thoughts,	О ты, душа, что сбита с толку роскошью своих идей,
O earthly creature with thy dream of heaven,	О ты, земное существо, с мечтой о небесах,
Obey, resigned and still, the earthly law.	Прими земной закон, и примиись, и успокойся.
Accept the brief light that falls upon thy days;	Прими недолгий свет, что озаряет дни твои;
Take what thou canst of Life's permitted joy;	Возьми, что сможешь взять из разрешённых наслаждений Жизни;
Submitting to the ordeal of fate's scourge	И подвергаясь тяжким испытаниям и наказаниям судьбы,
Suffer what thou must of toil and grief and care.	Страдай, как ты должна страдать в труде, заботе, горе.
There shall approach silencing thy passionate heart	И лишь тогда

My long calm night of everlasting
sleep:

There into the hush from which
thou cam'st retire."

End of Canto Two

твоё наполненное страстью сердце,
затихая, подойдёт

К моей спокойной долгой ночи
вечно длящегося сна:

Сюда, в ту тишину,
откуда ты пришла."

Конец второй песни

Book Ten
THE BOOK OF
THE DOUBLE TWILIGHT

Canto III
THE DEBATE
OF LOVE AND DEATH

A sad destroying cadence the
voice sank;
It seemed to lead the advancing
march of Life
Into some still original Inane.

But Savitri answered to almighty
Death:
"O dark-browed sophist of the
universe
Who veilst the Real with its own
Idea,
Hiding with brute objects Nature's
living face,
Masking eternity with thy dance
of death,
Thou hast woven the ignorant
mind into a screen
And made of Thought error's
purveyor and scribe,
And a false witness of mind's
servant sense.
An aesthete of the sorrow of the
world,
Champion of a harsh and sad
philosophy
Thou hast used words to shutter
out the Light
And called in Truth to vindicate a
lie.
A lying reality is falsehood's

Книга Десятая
КНИГА ДВОЙСТВЕННЫХ
СУМЕРЕК

Песня III
СПОР ЛЮБВИ
И СМЕРТИ

Затих тот голос
с заунывную мертвящей интонацией;
Казалось, что теперь он поведёт
успешное движенье Жизни
В какое-то застывшее
первоначальное Ничто.

Но так ответила Савитри
всемогущей Смерти:
"О хмурый сумрачный
софист вселенной,
Скрывающий Реальность
за своей Идеей,
Сокрывший за бесчувственным
живое, ясное лицо Природы,
И маскирующий за танцем смерти
вечность,
Ты соткал из невежества ума
непроницаемый экран
И сделал Мысль поставщиком
и переписчиком ошибок,
А чувство — из слуги ума
ты превратил во лживого свидетеля.
Эстет страданий
и печалей мира,
Поборник жёсткой
и тоскливой философии,
Ты пользовался словом,
чтобы заслонить им Свет,
И к Истине взывал,
чтоб утвердить обман.
Обманчивая, вымышленная реальность

crown
 And a perverted truth her richest
 gem.
 O Death, thou speakest truth but
 truth that slays,
 I answer to thee with the Truth
 that saves.
 A traveller new-discovering
 himself,
 One made of Matter's world his
 starting-point,
 He made of Nothingness his
 living-room
 And Night a process of the eternal
 light
 And death a spur towards
 immortality.
 God wrapped his head from sight
 in Matter's cowl,
 His consciousness dived into
 inconscient depths,
 All-Knowledge seemed a huge
 dark Nescience;
 Infinity wore a boundless zero's
 form.
 His abysses of bliss became
 insensible deeps,
 Eternity a blank spiritual Vast.
 Annulling an original nullity
 The Timeless took its ground in
 emptiness
 And drew the figure of a universe,
 That the spirit might adventure
 into Time
 And wrestle with adamant
 Necessity
 And the soul pursue a cosmic
 pilgrimage.
 A spirit moved in black
 immensities

есть корона лжи,
 А искажённая, испорченная истина
 в ней главный драгоценный камень.
 О Смерть, ты говоришь мне истину,
 но истину, что убивает,
 А я тебе отвечу Истиной,
 которая спасает.
 Тот путешественник,
 что открывает вновь себя,
 Когда-то сделал мир Материи
 своею стартовой точкой,
 Он превратил Небытие
 в свою жилую комнату,
 А Ночь — в движенье
 вечно существующего света,
 Смерть — в шпоры,
 подгоняющие нас к бессмертию.
 А после, Бог закутал голову свою
 от взоров в капюшон Материи,
 Его сознание нырнуло
 в неосознающие глубины.
 Все-Знание стало видеться
 огромным, полным темноты,
 Неведеньем,
 А Бесконечность нарядилась в облик
 безграничного нуля.
 Его неопишуемые пропасти блаженства
 стали лишь бесчувственную
 глубиной,
 А Вечность — незаполненной
 духовной Широтой.
 Сводя на нет
 первоначальное ничто,
 Вневременное в пустоте
 нашло себе опору,
 Нарисовало образ для вселенной,
 Чтоб дух мог
 путешествовать во Времени,
 Сражаясь с нестигаемой,
 стальной Необходимостью,
 И чтоб космическим паломником
 шла по намеченным путям душа.
 Дух двинулся

And built a Thought in ancient
 Nothingness;
 A soul was lit in God's
 tremendous Void,
 A secret labouring glow of
 nascent fire.
 In Nihil's gulf his mighty
 Puissance wrought;
 She swung her formless motion
 into shapes,
 Made Matter the body of the
 Bodiless.
 Infant and dim the eternal Might's
 awoke.
 In inert Matter breathed a
 slumbering Life,

 In a subconscious Life Mind lay
 asleep;
 In waking Life it stretched its
 giant limbs

 To shake from it the torpor of its
 drowse;
 A senseless substance quivered
 into sense,
 The world's heart commenced to
 beat, its eyes to see,
 In the crowded dumb vibrations of
 a brain
 Thought fumbled in a ring to find
 itself,
 Discovered speech and fed the
 new-born Word
 That bridged with spans of light
 the world's ignorance.

 In waking Mind, the Thinker built
 his house.
 A reasoning animal willed and
 planned and sought;
 He stood erect among his brute
 compeers,

по чёрным необъятностям,
 Выстраивая Мысль в том древнем,
 незапамятном Небытии;
 В гигантской Пустоте Всевышнего
 зажглась душа,
 Как тайный труженик,
 как жар рождавшегося пламени.
 Его наполненная мощью Сила
 трудилась в пропасти Ничто,
 Она своё аморфное движенье
 направляла в формы
 И делала Материю
 основой, телом Бестелесного.
 Проснулись смутные
 младенческие вечные Могущества.
 В инертную Материю
 вошла своим дыханьем
 дремлющая Жизнь,
 И в подсознательную Жизнь
 лёг спящий Ум,
 Он в просыпающейся Жизни
 потянулся всем своим
 гигантским телом,
 Чтоб отряхнуть с себя
 оцепененье сна;
 Бесчувственная ткань
 затрепетала чувством,
 Пульс мира, сердце, стало биться,
 а глаза — смотреть,
 В мозгу, в теснящихся
 немых вибрациях
 Мысль шла кругами, ощупью,
 желая отыскать себя,
 Была открыта речь
 и вскормлено родившееся Слово,
 Соединившее мостом
 пространства света
 и невежество вселенной.

 В проснувшемся Уме
 Мыслитель выстроил себе жилище.
 Разумный зверь желал,
 планировал, искал;
 Он выпрямился средь

He built life new, measured the
universe,
Opposed his fate and wrestled
with unseen Powers,
Conquered and used the laws that
rule the world,

And hoped to ride the heavens and
reach the stars,

A master of his huge environment.

Now through Mind's windows
stares the demigod

Hidden behind the curtains of
man's soul:

He has seen the Unknown, looked
on Truth's veiless face;

A ray has touched him from the
eternal sun;

Motionless, voiceless in
foreseeing depths,

He stands awake in Supernature's
light

And sees a glory of arisen wings

And sees the vast descending
might of God.

"O Death, thou lookst on an
unfinished world

Assailed by thee and of its road
unsure,

Peopled by imperfect minds and
ignorant lives,

And sayest God is not and all is
vain.

How shall the child already be the
man?

Because he is infant, shall he
never grow?

Because he is ignorant, shall he
never learn?

своих товарищей-зверей,
Он заново выстраивал всю жизнь,
он измерял вселенную,
Противился своей судьбе,
вёл бой с невидимыми Силами,
Он побеждал и пользовался
найденными им законами,
что правят миром,

В надежде оседлать
божественные небеса
и долететь до звёзд

Хозяином своей
огромной сферы обитания.

Он из окна Ума
сейчас выглядывает полубогом,
Скрываемым за занавесом
человеческой души:

Он видел Неизвестное, смотрел
на неприкрытый облик Истины;

Его коснулся луч от вечного,
мистического солнца;

Беззвучно, без движения,
в предвидящих глубинах

Стоит он, пробудившись
в свете Сверхприроды,

И видит славу
поднимающихся крыльев,

И видит широту
спускающейся силы Бога.

"О, Смерть, ты смотришь
на незавершённый мир,

Измученный тобою,
неуверенный в своём пути,

Наполненный несовершенными умами
и невежественной жизнью,

И говоришь, что Бога нет,
и всё напрасно.

Как может маленький ребёнок
быть уже мужчиной?

И если он — дитя,
то никогда не вырастет?

И если он не знает —

In a small fragile seed a great tree lurks,	никогда и не научится? В ничтожном хрупком зёрнышке запрятано большое дерево,
In a tiny gene a thinking being is shut;	В едва заметном гене скрыто мыслящее существо;
A little element in a little sperm,	И маленькая часть, в такой же маленькой частице спермы,
It grows and is a conqueror and a sage.	Растёт, становится завоевателем и мудрецом.
Then wilt thou spew out, Death, God's mystic truth,	О неужели ты, бог Смерти, выбросишь мистическую истину Всевышнего
Deny the occult spiritual miracle?	И будешь отрицать окулльтное возвышенное чудо?
Still wilt thou say there is no spirit, no God?	Ты, может, скажешь, что не существует духа и не существует Бога?
A mute material Nature wakes and sees;	Безмолвная материальная Природа просыпается и видит;
She has invented speech, unveiled a will.	Она изобретает речь и открывает волю.
Something there waits beyond towards which she strives,	И что-то ждёт её ещё, за рамками того, к чему она стремится,
Something surrounds her into which she grows:	И что-то окружает в том, во что она растёт:
To uncover the spirit, to change back into God,	Сорвать покровы с духа, и преобразиться снова в Бога,
To exceed herself is her transcendent task.	А после — превзойти себя — её превосходящая задача.
In God concealed the world began to be,	Мир, скрытый в Боге, начинает жить,
Tardily it travels towards manifest God:	Он медленно, с трудом, идёт к проявленному Богу:
Our imperfection towards perfection toils,	Несовершенство наше с муками восходит к совершенству,
The body is the chrysalis of a soul:	Ведь тело — это куколка души,
The infinite holds the finite in its arms,	И бесконечное несёт конечное в своих ладонях,
Time travels towards revealed eternity.	И Время путешествует к всё больше раскрывающейся

A miracle structure of the eternal
 Mage,
 Matter its mystery hides from its
 own eyes,
 A scripture written out in cryptic
 signs,
 An occult document of the
 All-Wonderful's art.
 All here bears witness to his secret
 might,
 In all we feel his presence and his
 power.
 A blaze of his sovereign glory is
 the sun,
 A glory is the gold and
 glimmering moon,
 A glory is his dream of purple sky.

 A march of his greatness are the
 wheeling stars.
 His laughter of beauty breaks out
 in green trees,
 His moments of beauty triumph in
 a flower;
 The blue sea's chant, the rivulet's
 wandering voice

 Are murmurs falling from the
 Eternal's harp.
 This world is God fulfilled in
 outwardness.
 His ways challenge our reason and
 our sense;
 By blind brute movements of an
 ignorant Force,
 By means we slight as small,
 obscure or base,

 A greatness founded upon little
 things,
 He has built a world in the
 unknowing Void.

вечности.
 Чудесная структура
 вечного Волшебника,
 Материя, свои секреты
 прячет от своих же глаз,
 Как некое священное писание,
 написанное тайным алфавитом,
 Оккультный документ
 искусства Все-Чудесного.
 Здесь всё несёт свидетельство
 его секретного могущества,
 Во всём мы чувствуем
 его присутствие и силу.
 Сиянье высшего его триумфа —
 наше солнце,
 Его триумф —
 мерцающий и золотистый месяц,
 Его триумф —
 видение небесной синевы.
 Победный марш его величия —
 круженье звёзд.
 Смех красоты его
 врывается к нам в зелени деревьев,
 Его мгновенья красоты
 ликуют в распутившихся цветах,
 И песни голубого моря
 и блуждающий по лесу
 голосок ручья —
 Слетающие с арфы Вечного
 негромкие аккорды.
 Весь этот мир и есть Всевышний,
 воплотившийся во внешнем.
 Его пути бросают вызов
 нашим чувствам и рассудку;
 Слепыми, грубыми движениями
 невежественной Силы,
 И способами, что нам кажутся
 то мелкими, то тёмными,
 то низкими,
 Величием, основанным
 на маленьких вещах,
 Он выстроил огромный мир
 в не ведающей Пустоте.

His forms he has massed from infinitesimal dust;	Он из мельчайшей пыли вылепил свои изысканные формы;
His marvels are built from insignificant things.	Все чудеса его построены из незначительных вещей.
If mind is crippled, life untaught and crude,	И если ум убог, а жизнь полна невежества и грубости,
If brutal masks are there and evil acts,	И если в ней полно жестоких масок, злых поступков,
They are incidents of his vast and varied plot,	То это лишь случайности в его широкой и разнообразной пьесе,
His great and dangerous drama's needed steps;	Необходимые шаги его великой и опасной драмы;
He makes with these and all his passion-play,	Он превращает это, вместе с остальным, в свою мистерию-игру,
A play and yet no play but the deep scheme	В игру, и всё же не игру, а свой глубокий план,
Of a transcendent Wisdom finding ways	Превосходящей всё на свете Мудрости, стремящейся найти пути
To meet her Lord in the shadow and the Night:	Чтоб встретить Господина своего в той Ночи и в тени;
Above her is the vigil of the stars;	А выше Мудрости — ночное бденье звёзд;
Watched by a solitary Infinitude	Под наблюденьем одинокой Бесконечности
She embodies in dumb Matter the Divine,	Она стремится воплотить в немой Материи — Божественное,
In symbol minds and lives the Absolute.	А в символических умах и жизнях — Абсолют.
A miracle-monger her mechanical craft;	Её механистичное искусство — продавец чудес;
Matter's machine worked out the laws of thought,	Огромный механизм Материи творит законы мысли,
Life's engines served the labour of a soul:	Моторы Жизни служат чтоб работала душа:
The Mighty Mother her creation wrought,	Могучая Божественная Мать приводит в действие своё творение,
A huge caprice self-bound by iron laws,	По своему гигантскому капризу связав себя железными законами
And shut God into an enigmatic world:	И запирая Бога в странном, непонятном мире:

She lulled the Omniscient into
nescient sleep,
Omnipotence on Inertia's back she
drove,
Trode perfectly with divine
unconscious steps

The enormous circle of her
wonder-works.
Immortality assured itself by
death;
The Eternal's face was seen
through drifts of Time.
His knowledge he disguised as
Ignorance,
His Good he sowed in Evil's
monstrous bed,
Made error a door by which Truth
could enter in,
His plant of bliss watered with
Sorrow's tears.
A thousand aspects point back to
the One;
A dual Nature covered the
Unique.
In this meeting of the Eternal's
mingling masques,
This tangle-dance of passionate
contraries
Locking like lovers in a forbidden
embrace
The quarrel of their lost identity,

Through this wrestle and wrangle
of the extremes of Power
Earth's million roads struggled
towards deity.
All stumbled on behind a
stumbling Guide,
Yet every stumble is a needed
pace
On unknown routes to an
unknowable goal.

Она баюкала Всеведающего
во сне неведенья,
И на спине Инерции
носила Всемогущего,
И совершенно подбирала
свой божественный,
не сознающий шаг
В необозримом колесе
своих творений и чудес.
Бессмертие себя всё больше
утверждало через смерть;
Стал виден сквозь течение Времени
лик Вечного.
Он знание своё сокрыл
под маскою Невежества,
Своим Добром засеял он
чудовищные клумбы Зла,
Он из ошибки сделал дверь,
чтоб Истина могла войти,
Слезами Горя поливая
саженец Блаженства.
Есть тысячи особенностей мира,
что вновь ведут к Единому;
Так двойственность Природы
прячет Уникального.
В той встрече перемешанных
обличий Вечного,
В переплетающемся танце
страстных противоположностей,
Что укрывают, как любовники,
в непозволительном объятии
Размолвку своего
утраченного некогда единства,
Через борьбу и споры
крайностей Могущества,
Земля своими миллионами дорог
упрямо пробивалась к божеству.
Все спотыкались, следуя
за спотыкавшимся Проводником,
Однако каждая запинка
оборачивалась нужным шагом
На том неведомом маршруте
до непостижимой цели.

All blundered and straggled
 towards the One Divine.
 As if transmuted by a titan spell
 The eternal Powers assumed a
 dubious face:
 Idols of an oblique divinity,
 They wore the heads of animal or
 troll,
 Assumed ears of the faun, the
 satyr's hoof,
 Or harboured the demoniac in
 their gaze:
 A crooked maze they made of
 thinking mind,
 They suffered a metamorphosis of
 the heart,
 Admitting bacchant revellers from
 the Night
 Into its sanctuary of delights,
 As in a Dionysian masquerade.
 On the highways, in the gardens
 of the world
 They wallowed oblivious of their
 divine parts,
 As drunkards of a dire Circean
 wine
 Or a child who sprawls and sports
 in Nature's mire.
 Even wisdom, hewer of the roads
 of God,
 Is a partner in the deep disastrous
 game:
 Lost is the pilgrim's wallet and the
 scrip,
 She fails to read the map and
 watch the star.
 A poor self-righteous virtue is her
 stock

Всё ошибалось, двигалось вразброд
 к Единому Божественному.
 И, словно обращённые
 каким-то заклинанием титана,
 Те вечные Могущества приобрели
 двусмысленный, неясный лик:
 Став идолами
 отклонившейся божественности,
 Они одели головы
 животного и тролля,
 Обогатились, кто —
 копытами сатира,
 а кто — ушами фавна,
 И поселили демона
 в своём глубоком взгляде:
 Запутанным и искривлённым лабиринтом
 сделали свой думающий ум,
 Страдали от метаморфозы
 собственного сердца,
 Впустив к себе
 вакхических гуляк Ночи
 В своё святилище восторга,
 Как в маскарade Дионисия.
 На всех больших дорогах мира
 и в его садах
 Они валялись, позабыв
 свои божественные элементы,
 Как будто пьяные
 от страшного вина Цирцеи,
 Иль как дитя,
 что ползает и веселится
 в грязной лужице Природы.
 И даже мудрость,
 что прокладывает
 новые дороги Бога,
 Теперь участница
 той тёмной губельной игры,
 И, потеряв свой кошелёк
 и сумку пилигрима,
 Она не может ни читать по карте,
 ни искать пути по звёздам.
 Немногочисленные,
 самоочевидные достоинства —

And reason's pragmatic grope or
 abstract sight,
 Or the technique of a brief hour's
 success
 She teaches, an usher in utility's
 school.
 On the ocean surface of vast
 Consciousness
 Small thoughts in shoals are
 fished up into a net
 But the great truths escape her
 narrow cast;
 Guarded from vision by creation's
 depths,
 Obscure they swim in blind
 enormous gulfs
 Safe from the little sounding leads
 of mind,
 Too far for the puny diver's
 shallow plunge.
 Our mortal vision peers with
 ignorant eyes;
 It has no gaze on the deep heart of
 things.
 Our knowledge walks leaning on
 Error's staff,
 A worshipper of false dogmas and
 false gods,
 Or fanatic of a fierce intolerant
 creed
 Or a seeker doubting every truth
 he finds,

 A sceptic facing Light with
 adamant No
 Or chilling the heart with dry
 ironic smile,
 A cynic stamping out the god in
 man;
 A darkness wallows in the paths
 of Time
 Or lifts its giant head to blot the
 stars;

её опора,
 А прагматичный поиск разума наощупь,
 или обобщённый взгляд,
 Иль способы добиться
 краткого успеха —
 Вот, что она стремится изучать —
 швейцар в училище практичности.
 Во внешнем слое
 океанской широты Сознания,
 К ней в сети попадают
 стайки мелких мыслей,
 Но все значительные истины
 из узких неводов уходят;
 Хранимые от взгляда
 глубиной творения,
 Они невидимо плывут
 в слепых огромных безднах,
 Недостигаемые для зондирующих
 маленьких грузил ума,
 И чересчур глубокие для погруженья
 слабого ныряльщика.
 Мы, смертные, воспринимаем всё
 невежественным взглядом,
 Он не способен видеть
 глубину и суть вещей.
 Всё наше знание идёт
 с опорой на клюку Ошибки,
 Оно — поклонник ложных догм,
 обманчивых богов,
 Фанатик яростных
 и нетерпимых убеждений,
 Искатель, сомневающийся
 в каждой истине,
 которую находит,
 И скептик, что встречает Свет
 несокрушимым Нет,
 Иль остужает сердце
 ироничной и сухой усмешкой,
 Иль циник, что
 затаптывает бога в человеке;
 Тьма разлеглась
 на всех дорогах Времени,
 Иль поднимается гигантской мордой

<p>It makes a cloud of the interpreting mind And intercepts the oracles of the Sun. Yet Light is there; it stands at Nature's doors: It holds a torch to lead the traveller in. It waits to be kindled in our secret cells; It is a star lighting an ignorant sea, A lamp upon our poop piercing the night. As knowledge grows Light flames up from within: It is a shining warrior in the mind, An eagle of dreams in the divining heart, An armour in the fight, a bow of God. Then larger dawns arrive and Wisdom's pomps Cross through the being's dim half-lighted fields; Philosophy climbs up Thought's cloud-bank peaks And Science tears out Nature's occult powers, Enormous djinns who serve a dwarf's small needs, Exposes the sealed minutiae of her art And conquers her by her own captive force. On heights unreached by mind's most daring soar, Upon a dangerous edge of failing Time The soul draws back into its deathless Self;</p>	<p>чтобы бросить тень на звёзды; Она наводит облако из объяснения ума, И перехватывает предсказанья Солнца. И всё же есть здесь Свет; и он стоит в дверях Природы: Он держит факел, чтобы повести нас внутрь. Он ждёт, пока его зажгут у нас в сокрытых клетках; Он та звезда, что освещает океан невежества, И лампа на корме, пронзающая ночь. И постепенно, с ростом знания, Свет разгорается внутри: В уме теперь живёт сверкающий, великолепный воин, В интуитивном сердце поднимается орёл мечты, Оружие для битвы, лук Всевышнего. А после наступает более широкая заря, И пышность Мудрости проходит по неясным, полуосвещённым сферам бытия, И философия восходит на заоблачные пики Мысли, Наука вырывает у Природы тайные, оккультные могущества, Огромнейшие джины, служащие мелким нуждам карлика, Показывают скрытые подробности её искусства, Стремятся покорить её могуществом её же пленника. На пиках, недоступных самому отважному парению ума, И на опасном, угрожающем краю слабеющего Времени, Душа утягивается назад,</p>
---	--

Man's knowledge becomes God's
 supernal Ray.
 There is the mystic realm whence
 leaps the power
 Whose fire burns in the eyes of
 seer and sage;
 A lightning flash of visionary
 sight,
 It plays upon an inward verge of
 mind:
 Thought silenced gazes into a
 brilliant Void.
 A voice comes down from mystic
 unseen peaks:
 A cry of splendour from a mouth
 of storm,
 It is the voice that speaks to
 night's profound,
 It is the thunder and the flaming
 call.
 Above the planes that climb from
 nescient earth,
 A hand is lifted towards the
 Invisible's realm,
 Beyond the superconscient's
 blinding line
 And plucks away the screens of
 the Unknown;
 A spirit within looks into the
 Eternal's eyes.
 It hears the Word to which our
 hearts were deaf,
 It sees through the blaze in which
 our thoughts grew blind;
 It drinks from the naked breasts of
 glorious Truth,
 It learns the secrets of eternity.
 Thus all was plunged into the
 riddling Night,
 Thus all is raised to meet a
 dazzling Sun.
 O Death, this is the mystery of thy
 reign.

в своё неумирающее "Я";
 Так знание становится для человека
 высшим Светом Бога.
 И есть ещё мистическое царство,
 план, откуда вылетает сила,
 И чей огонь горит в глазах
 провидца или мудреца;
 Молниеносный импульс,
 вспышка видящего зрения,
 Играет где-то в глубине,
 на внутреннем краю ума:
 Мысль, умолкая, пристально глядит
 в сверкающую Пустоту.
 С мистических незримых пиков
 вниз снисходит голос:
 То — крик великолепия
 на устах штормов,
 То — голос,
 говорящий с глубиной ночи,
 То — грохотанье грома
 и пылающий призыв.
 Над планами, что поднимаются
 с незнающей земли,
 Есть длань, которая
 указывает на страну Незримого,
 За рамки ослепляющей
 границы сверхсознания,
 Срывая прочь завесы
 с Неизвестного;
 И дух внутри встречается
 со взглядом Вечного.
 Он слышит Слово, для которого
 сердца людей глухи,
 Он видит сквозь сияние,
 в котором слепнут наши мысли;
 Он пьёт от обнажённых грудей
 восхитительной, чудесной Истины,
 Он познаёт секреты вечности.
 Так всё нырнуло в Ночь,
 что проверяет всё суровой критике,
 Так всё восходит, чтобы встретить
 ослепительное Солнце.
 О Смерть, так выглядит

In earth's anomalous and magic field	загадка твоего господства.
Carried in its aimless journey by the sun	В земном магическом и аномальном поле, Несущем нас в своём бесцельном путешествии за солнцем
Mid the forced marches of the great dumb stars,	Средь вынужденного движения немых великих звёзд,
A darkness occupied the fields of God, And Matter's world was governed by thy shape.	Тьма захватила сферы Бога, А мир Материи отныне управляется твоим обликом.
Thy mask has covered the Eternal's face,	Лик Вечного сокрыт твоею маской,
The Bliss that made the world has fallen asleep.	Богиня, сотворившая вселенную, Блаженство — упала в забытие.
Abandoned in the Vast she slumbered on:	Покинутая в этой Широте, она пока что дремлет:
An evil transmutation overtook	И пагубные превращения будут впредь происходить
Her members till she knew herself no more.	Над телом у неё, пока та не узнает больше о себе.
Only through her creative slumber flit	Сквозь создающее сновиденье летят лишь хрупкие воспоминания
Frail memories of the joy and beauty meant	О предназначенной ей радости и красоте,
Under the sky's blue laugh mid green-scarfed trees	Под смехом голубых небес, среди изумрудной зелени деревьев,
And happy squanderings of scents and hues,	Весёлой расточительности запаха и цвета,
In the field of the golden promenade of the sun	На фоне золотистых медленных прогулок солнца,
And the vigil of the dream-light of the stars,	Ночного бденья звёздных, грезящих лучей,
Amid high meditating heads of hills,	Среди высоких, созерцающих вершин холмов,
On the bosom of voluptuous rain-kissed earth	На чувственной груди земли, целуемой дождями,
And by the sapphire tumbings of the sea.	И около сапфирных перекатываний моря.
But now the primal innocence is lost	Но ныне первозданная невинность утерялась,
And Death and Ignorance govern the mortal world	Над смертным миром властвуют Невежество и Смерть,

And Nature's visage wears a
greyer hue.
Earth still has kept her early
charm and grace,
The grandeur and the beauty still
are hers,
But veiled is the divine Inhabitant.

The souls of men have wandered
from the Light
And the great Mother turns away
her face.
The eyes of the creatrix Bliss are
closed
And sorrow's touch has found her
in her dreams.
As she turns and tosses on her bed
of Void,
Because she cannot wake and find
herself
And cannot build again her perfect
shape,
Oblivious of her nature and her
state,
Forgetting her instinct of felicity,

Forgetting to create a world of joy,
She weeps and makes her
creatures' eyes to weep;
Testing with sorrow's edge her
children's breasts,
She spends on life's vain waste of
hope and toil

The poignant luxury of grief and
tears.
In the nightmare change of her
half-conscious dream,
Tortured herself and torturing by
her touch,
She comes to our hearts and
bodies and our lives

Природа одевается всё больше
в серые тона.
Земля ещё хранит былую
грацию, очарование,
Величие и красота —
пока ещё её,
Но скрыт теперь
божественный Жилец.
И души у людей
блуждают вдалеке от Света,
И отворачивает прочь своё лицо
великая Божественная Мать.
Закрылись ясные глаза Блаженства,
созидающей богини,
Но и во снах страдание
нашло её своим касанием.
Тогда она перевернулась, заметалась
на ложе Пустоты,
Она не может ни проснуться,
ни найти себя,
Ни вновь восстановить
свой совершенный облик,
Свою природу, состояние
не замечая,
Забыв о собственном
инстинкте счастья,
Забыв о созидании мира радости,
Она рыдает, и глаза творенья
наполняет горькими слезами;
Так, пробуя кинжалом горя
грудь своих детей,
Она растрчивает
на бесплодные потери
Тяжёлого труда
и жизненных надежд
Мучительную роскошь
слёз и горя.
В кошмарной перемене
своего полусознательного сна,
Терзая и себя и нас
своим прикосновением,
Она приходит в наше сердце,
в наше тело, в наши жизни,

Wearing a hard and cruel mask of pain.	Одев тяжёлую, безжалостную маску боли.
Our nature twisted by the abortive birth	Природа наша, скорченная преждевременными родами,
Returns wry answers to life's questioning shocks,	Кривит свой рот в ответ на вопрошающие сотрясения жизни,
An acrid relish finds in the world's pangs,	Находит острый вкус в мученьях мира,
Drinks the sharp wine of grief's perversity.	Пьёт едкое вино порочности и горя.
A curse is laid on the pure joy of life:	Проклятие наложено на чистое веселье, радость жизни:
Delight, God's sweetest sign and Beauty's twin,	Восторг, сладчайший признак Бога и близнец Прекрасного,
Dreaded by aspiring saint and austere sage,	Напуганный то домогавшимся святым, то аскетичным мудрецом,
Is shunned, a dangerous and ambiguous cheat,	Стал осторожным; с той поры опасный, двойственный обман,
A specious trick of an infernal Power	И благовидные манеры, трюки inferнальной Силы,
It tempts the soul to its self-hurt and fall.	Подталкивают душу истязать себя и падать.
A puritan God made pleasure a poisonous fruit,	Так пуританский Бог из наслажденья сделал ядовитый плод,
Or red drug in the market-place of Death,	Или наркотик, обогранный кровью на базаре Смерти,
And sin the child of Nature's ecstasy.	А грех стал детищем экстаза, исступлённой радости Природы.
Yet every creature hunts for happiness,	И всё же, каждое создание охотится за счастьем,
Buys with harsh pangs or tears by violence	И покупает грубой болью, или вырывает силой
From the dull breast of the inanimate globe	Из пасмурной, безрадостной груди бездушного земного шара
Some fragment or some broken shard of bliss.	Какой-нибудь осколок от блаженства или небольшой кусочек.
Even joy itself becomes a poisonous draught;	И даже удовольствие само становится отравленным глотком;
Its hunger is made a dreadful hook of Fate.	Из жажды радости сумели сделать страшную наживку Рока.
All means are held good to catch a single beam,	Становятся все средства хороши, чтоб ухватить хотя бы луч,

Eternity sacrificed for a moment's
bliss:

Yet for joy and not for sorrow
earth was made

And not as a dream in endless
suffering Time.

Although God made the world for
his delight,

An ignorant Power took charge
and seemed his Will

And Death's deep falsity has
mastered Life.

All grew a play of Chance
simulating Fate.

"A secret air of pure felicity

Deep like a sapphire heaven our
spirits breathe;

Our hearts and bodies feel its
obscure call,

Our senses grope for it and touch
and lose.

If this withdrew, the world would
sink in the Void;

If this were not, nothing could
move or live.

A hidden Bliss is at the root of
things.

A mute Delight regards Time's
countless works:

To house God's joy in things
Space gave wide room,

To house God's joy in self our
souls were born.

И жертвуется Вечность
для мгновения блаженства:

Но всё-таки для радости,
а не для горя
создана была земля,

И не как сон
в не знающем конца
мученьи Времени.

Хотя Бог создал мир
для своего восторга,

Незнающая Сила
приняла заботы на себя
и кажется его высокой Волей,

А тёмная ложь Смерти
стала править Жизнью.

Так стало всё игрою Случая,
что притворяется Судьбой.

"Особым, тайным воздухом
кристального блаженства,

Глубоким, как сапфировое небо,
дышит в человеке дух,

Сердца у нас и тело ощущают
этот неотчётливый призыв,

Его наощупь ищут наши чувства,
прикасаются, теряют.

И если это вдруг убрать,
то мир утонет в Пустоте;

И если б не было его,
то ничего бы не смогло

ни двигаться, ни жить.

Сокрытое Блаженство —
в корне всех вещей.

Немой Восторг глядит на все
неисчислимые работы Времени:

Чтоб радость Бога
стала жить везде,

Пространство подарило
место и простор,

Чтоб радость Бога
стала жить внутри,
родились наши души.

<p>This universe an old enchantment guards; Its objects are carved cups of World-Delight Whose charmed wine is some deep soul's rapture-drink:</p> <p>The All-Wonderful has packed heaven with his dreams, He has made blank ancient Space his marvel-house;</p> <p>He spilled his spirit into Matter's signs:</p> <p>His fires of grandeur burn in the great sun, He glides through heaven shimmering in the moon; He is beauty carolling in the fields of sound; He chants the stanzas of the odes of Wind; He is silence watching in the stars at night; He wakes at dawn and calls from every bough, Lies stunned in the stone and dreams in flower and tree. Even in this labour and dolour of Ignorance, On the hard perilous ground of difficult earth, In spite of death and evil circumstance A will to live persists, a joy to be.</p> <p>There is a joy in all that meets the sense, A joy in all experience of the soul, A joy in evil and a joy in good,</p>	<p>Очарованье давних лет хранит в себе вселенная; Все вещи в ней — резные кубки для Восторга Мира, Её чарующие вина — экстатический напиток скрытой в глубине души: Так Все-Чудесный наполняет небеса своими грёзами, Он превратил пустое, древнее Пространство В свой дом для удивительных вещей; Он дух свой влил во все бесчисленные символы Материи: Его огни великолепия горят в великом солнце, Он по небу скользит в мерцающей луне; Он — красота, поющая в пространствах звука; Он декламирует рифмованные оды Ветра; Он — тишина, глядящая на нас со звёзд в ночи; Он просыпается с рассветом и зовёт нас с каждой ветки, Лежит он, оглушённый, в камне, грезит он в деревьях и цветах. И даже в этой скорби и труде Невежества, На жёсткой и опасной почве нашей полной трудностей земли, И несмотря на смерть и злое окружение, Он сохраняет волю жить и радость быть. Здесь радость есть во всём, что может встретить чувство, Здесь радость есть в любом переживании души, Есть радость в зле,</p>
---	---

A joy in virtue and a joy in sin:

Indifferent to the threat of Karmic
law,

Joy dares to grow upon forbidden
soil,

Its sap runs through the plant and
flowers of Pain:

It thrills with the drama of fate
and tragic doom,

It tears its food from sorrow and
ecstasy,

On danger and difficulty whets its
strength;

It wallows with the reptile and the
worm

And lifts its head, an equal of the
stars;

It shares the faeries' dance, dines
with the gnome:

It basks in the light and heat of
many suns,

The sun of Beauty and the sun of
Power

Flatter and foster it with golden
beams;

It grows towards the Titan and the
God.

On earth it lingers drinking its
deep fill,

Through the symbol of her
pleasure and her pain,

Of the grapes of Heaven and the
flowers of the Abyss,

Of the flame-stabs and the
torment-craft of Hell

And dim fragments of the glory of
Paradise.

In the small paltry pleasures of
man's life,

и радость есть в добре,
Есть радость в добродетели,
и радость есть в грехе:

И безразличная к угрозам
нарушения закона Кармы,

Она дерзает вырастать
и на запретной почве,

Сок радости бежит
в растениях и цветах

Мучения и Боли:

Она трепещет в драматической судьбе,
в трагичной смерти,

И вырывает пищу
у страдания и экстаза,

В опасности и трудностях
оттачивает силу;

Она барахтается и с рептилией,
и с червяком,

И поднимает голову свою
до звёзд;

Она танцует с феями,
и ужинает с гномами,

И наслаждается теплом и светом
многих солнц,

А солнце Красоты
и солнце Силы

Её ласкают и питают
золотистыми лучами;

Она растёт, стремясь к Титану,
устремляясь к Богу.

Она оттягивает время на земле,
стремясь сполна

напиться глубиной,

И через символ наслаждения,
и через символ боли,

То виноградную лозой Небес,
а то цветами Бездны,

Ударом пламени,
искусством пыток Ада,

И потускневшими осколками
великолепья Рая.

В ничтожных мелких наслажденьях
жизни человека,

In his petty passions and joys it finds a taste,	В его пустячных радостях, страстях, она находит вкус,
A taste in tears and torture of broken hearts,	Вкус в муках и слезах разбившихся сердец,
In the crown of gold and in the crown of thorns,	И в золотой короне, и в терновом пыточном венце,
In life's nectar of sweetness and its bitter wine.	И в сладостном нектаре жизни, в горечи её вина.
All being it explores for unknown bliss,	Она исследует всё бытие и ищет неизвестное блаженство,
Sounds all experience for things new and strange.	Она испытывает всякий опыт ради нового и странного.
Life brings into the earthly creature's days	И Жизнь приносит в дни земного существования
A tongue of glory from a brighter sphere:	Язык великолепия из сфер, что ярче и светлее:
It deepens in his musings and his Art,	Она ныряет и в его раздумья, и в его Искусство,
It leaps at the splendour of some perfect word,	И прыгает в восторге от какой-то совершенной фразы,
It exults in his high resolves and noble deeds,	Она ликует и в его возвышенных намереньях, и в благородных подвигах,
Wanders in his errors, dares the abyss's brink,	Блуждает среди его ошибок и бросает вызов краю бездн,
It climbs in his climbings, wallows in his fall.	С ним поднимается, когда он набирает высоту, качается в его падении.
Angel and demon brides his chamber share,	Так ангел с демоном, как новобрачные, живут в его палате,
Possessors or competitors for life's heart.	И те, кто завладели сердцем жизни, и те, кто лишь сражаются за это.
To the enjoyer of the cosmic scene	Но для того, кто наслаждается космической сценой,
His greatness and his littleness equal are,	Его величие и его ничтожность меж собой равны;
His magnanimity and meanness hues	И краски щедрости его, и краски скупости,
Cast on some neutral background of the gods:	Наносятся на ровный и нейтральный холст богов:
The Artist's skill he admires who planned it all.	Спланировавший это восторгается искусным мастерством Художника.

But not for ever endures this
 danger game:
 Beyond the earth, but meant for
 delivered earth,
 Wisdom and joy prepare their
 perfect crown;

 Truth superhuman calls to
 thinking man.
 At last the soul turns to eternal
 things,

 In every shrine it cries for the
 clasp of God.
 Then is there played the crowning
 Mystery,
 Then is achieved the longed-for
 miracle.
 Immortal Bliss her wide celestial
 eyes
 Opens on the stars, she stirs her
 mighty limbs;

 Time thrills to the sapphics of her
 amour-song
 And Space fills with a white
 beatitude.
 Then leaving to its grief the
 human heart,
 Abandoning speech and the
 name-determined realms,
 Through a gleaming far-seen sky
 of wordless thought,

 Through naked thought-free
 heavens of absolute sight,

 She climbs to the summits where
 the unborn Idea
 Remembering the future that must
 be
 Looks down upon the works of
 labouring Force,

Но он не вечно терпит
 ту опасную игру:
 И где-то вне земли, но зная,
 что земля освободится,
 В нём наслаждение и мудрость
 заранее готовят
 корону совершенства;
 Там истина сверхчеловека
 вызывает к мыслящему человеку.
 И, наконец, приходит день,
 когда душа в нём
 обращает взгляд на вечное,
 И в каждом храме
 молит об объятии Бога.
 Затем разыгрывается
 последний акт Мистерии,
 И происходит долгожданное,
 венчающее чудо.
 Бессмертное Блаженство
 открывает, наконец,
 Небесные широкие глаза
 на звёзды,
 И встряхивается
 своим могучим телом;
 Трепещет Время от своей
 сафической любовной песни
 И чистым, незапятнанным блаженством
 наполняется Пространство.
 Затем, оставив горю
 сердце человека,
 Покинув речь и сферы,
 обозначенные только именем,
 Через мерцающее,
 видимое в отдаленье
 небо бессловесной мысли,
 Сквозь оголённые,
 свободные от мысли небеса
 со взглядом абсолюта,
 Она взбирается к вершинам
 где не зная рождения Идея,
 Всё время помня то грядущее,
 что предстоит,
 Глядит с высот тех

Immutable above the world it made.	на работы трудящейся Силы, Всегда и неизменно выше мира, созданного ею.
In the vast golden laughter of Truth's sun	В широкой золотой улыбке солнца Истины,
Like a great heaven-bird on a motionless sea	Большой небесной птицею над неподвижным морем
Is poised her winged ardour of creative joy	Парит её крылатая, наполненная страстью, созидающая радость
On the still deep of the Eternal's peace.	Над тихой глубиной покоя Вечного.
This was the aim, this the supernal Law,	Вот это было целью, это — основной Закон,
Nature's allotted task when beauty-drenched	Задача для Природы, что была поставлена, когда пропитанное красотой
In dim mist-waters of inconscient sleep,	В неясных и туманных водах бессознательного сна
Out of the Void this grand creation rose, -	Из Пустоты поднялось это грандиозное творение, —
For this the Spirit came into the Abyss	И именно для этого высокий Дух вошёл в Пучину,
And charged with its power Matter's unknowing force,	Своею силой зарядил Материи незнающую силу,
In Night's bare session to cathedral Light,	И стал служить в убогости Ночи соборному божественному Свету,
In Death's realm repatriate immortality.	И в царстве Смерти — возвращать бессмертие.
A mystic slow transfiguration works.	Неспешно трудится мистическое преобразование.
All our earth starts from mud and ends in sky,	Здесь, на земле, всё начинается с грязи и завершается на небесах,
And Love that was once an animal's desire,	И та Любовь, что некогда была животной похотью,
Then a sweet madness in the rapturous heart,	А после — сладостным безумием восторженного сердца,
An ardent comradeship in the happy mind,	И пылкой дружбою счастливого ума,
Becomes a wide spiritual yearning's space.	Становится пространством для широкого духовного стремления.
A lonely soul passions for the Alone,	Так одинокая душа

The heart that loved man thrills to
the love of God,

A body is his chamber and his
shrine.

Then is our being rescued from
separateness;

All is itself, all is new-felt in God:

A Lover leaning from his cloister's
door

Gathers the whole world into his
single breast.

Then shall the business fail of
Night and Death:

When unity is won, when strife is
lost

And all is known and all is
clasped by Love

Who would turn back to ignorance
and pain?

"O Death, I have triumphed over
thee within;

I quiver no more with the assault
of grief;

A mighty calmness seated deep
within

Has occupied my body and my
sense:

It takes the world's grief and
transmutes to strength,

It makes the world's joy one with
the joy of God.

My love eternal sits throned on
God's calm;

For Love must soar beyond the
very heavens

And find its secret sense ineffable;

пылает страстью по Единому,
И сердце, что любило человека,
пробирает трепет

от любви к Всевышнему,
А тело человека превращается
в жилище Бога и в его алтарь.

Затем, всё наше бытие
освобождается от разделённости;

Все превращаются в самих себя,
по-новому всё ощущая в Боге:

И Любящий, склонившись к нам
из-за порога своего уединения,

Вберёт весь мир в свою
одну единственную грудь.

Тогда разрушатся
дела Ночи и Смерти:

Когда единство будет завоёвано,
когда закончится борьба,

Когда всё будет познано
и схвачено в объятия Любви,

Кто повернёт назад,
к невежеству и боли?

"О, Смерть, я торжествую
над тобой внутри;

Я больше не дрожу
от нападений горя;

Могучее спокойствие,
что воцарилось в глубине моей,

Заполнило всё тело,
охватило чувства:

Оно берёт страданье мира,
и преобразует в силу,

И радость мира делает единой
с радостью Всевышнего.

И вечная моя любовь
сидит на троне

тишины Всевышнего;

Ведь настоящая Любовь
должна подняться, воспаряя,
выше неба,

И там найти своё невыразимое,
таинственное чувство;

It must change its human ways to ways divine, Yet keep its sovereignty of earthly bliss.	Она должна дороги человека превратить в божественные, И сохранить при этом власть над человеческим, земным блаженством.
O Death, not for my heart's sweet poignancy Nor for my happy body's bliss alone I have claimed from thee the living Satyavan, But for his work and mine, our sacred charge.	О Смерть, не ради сладостной, сердечной остроты, Не ради моего счастливого блаженства тела, Я требую, чтоб ты вернул назад живого Сатъявана, Но для его работы и моей, для нашего заветного предназначения.
Our lives are God's messengers beneath the stars; To dwell under death's shadow they have come Tempting God's light to earth for the ignorant race, His love to fill the hollow in men's hearts, His bliss to heal the unhappiness of the world. For I, the woman, am the force of God, He the Eternal's delegate soul in man. My will is greater than thy law, O Death; My love is stronger than the bonds of Fate: Our love is the heavenly seal of the Supreme. I guard that seal against thy rending hands. Love must not cease to live upon the earth; For Love is the bright link twixt earth and heaven, Love is the far Transcendent's angel here;	Его жизнь и моя — посланники Всевышнего под звёздами; Они приходят, чтоб прожить под тенью смерти, Призвать свет Бога для земли, и для невежественной расы, Наполнить пустоту людских сердец его любовью, Его блаженством исцелить несчастье мира. Я, женщина — энергия и сила Бога, А он — посланник Вечного в душе у человека. Моё намеренье и воля выше, чем твои законы, Смерть; Моя любовь сильнее оков Судьбы: Любовь, что к нам пришла — небесная печать Всевышнего. Я охраняю ту печать от рук твоих, стремящихся отнять. Любовь должна жить на земле не угасая; Любовь — живое, яркое звено между землёй и небесами, Любовь — далёкий ангел Трансцендентного,

Love is man's lien on the
Absolute."

But to the woman Death the god
replied,

With the ironic laughter of his
voice

Discouraging the labour of the
stars:

"Even so men cheat the Truth with
splendid thoughts.

Thus wilt thou hire the glorious
charlatan, Mind,

To weave from his Ideal's
gossamer air

A fine raiment for thy body's nude
desires

And thy heart's clutching greedy
passion clothe?

Daub not the web of life with
magic hues:

Make rather thy thought a plain
and faithful glass

Reflecting Matter and mortality,

And know thy soul a product of
the flesh,

A made-up self in a constructed
world.

Thy words are large murmurs in a
mystic dream.

For how in the soiled heart of man
could dwell

The immaculate grandeur of thy
dream-built God,

Or who can see a face and form
divine

In the naked two-legged worm
thou callest man?

O human face, put off
mind-painted masks:

живущий здесь;

Любовь — залог и право человека
здесь на Абсолют."

Однако женщине
бог Смерти отвечал

С тем ироничным смехом
в голосе своём,

Который мужества лишает
даже тяжкую работу звёзд:

"Так вот как человек
обманывает Истину
своею пышной мыслью.

Так может ты возьмешь
себе на службу Ум,
чудесного обманщика,

Чтоб он соткал из тонкой
шелковистой атмосферы Идеала

Изящную накидку
для нагих желаний тела,

И одеяние для цепкой
жадной страсти сердца?

Не размалёвывай магической краской
паутину жизни,

Ты лучше сделай мысль свою
правдивым, ясным зеркалом,

Что станет отражать
и смертных, и Материю,

Тогда поймёшь ты,
что твоя душа —

продукт телесной плоти,
Лишь составное, созданное "я"
в каком-то сконструированном мире.

Твои слова — напыщенное бормотание
в мистическом видении.

Ну как смогло бы выжить
в грязном сердце человека

То безупречное величье Бога
возведённое твоею грёзой,

И кто бы смог увидеть
форму и лицо божественного

В двуногом голом червяке,
которого ты называешь человеком?

О человек, взглядишь,

The animal be, the worm that
Nature meant;
Accept thy futile birth, thy narrow
life.

For truth is bare like stone and
hard like death;

Bare in the bareness, hard with
truth's hardness live."

But Savitri replied to the dire God:

"Yes, I am human. Yet shall man
by me,

Since in humanity waits his hour
the God,

Trample thee down to reach the
immortal heights,

Transcending grief and pain and
fate and death.

Yes, my humanity is a mask of
God:

He dwells in me, the mover of my
acts,

Turning the great wheel of his
cosmic work.

I am the living body of his light,
I am the thinking instrument of his
power,

I incarnate Wisdom in an earthly
breast,

I am his conquering and
unslayable will.

The formless Spirit drew in me its
shape;

In me are the Nameless and the
secret Name."

Death from the incredulous
Darkness sent its cry:

"O priestess in Imagination's
house,

Persuade first Nature's fixed
immutable laws

сорви умами нарисованные маски:

Будь червяком, животным,
как тебе и предназначено Природой;
Прими своё ничтожное рождение,
ограниченную жизнь.

Ведь истина гола как камень,
тяжела как смерть;

Живи нагая в обнажённости,
отягощённая тяжёлой истиной."

Но так ответила Савитри
ужасающему Богу:

"Ты прав, я — человек.

Но всё же, человек

с моею помощью,

Поскольку в человечестве
ждёт часа своего сам Бог,

Тебя растопчет,
чтоб достичь высот бессмертия,

Он превзойдёт и боль, и горе,
и судьбу, и смерть.

Ты прав, мой облик человека —
маска Бога:

И он живёт во мне,

он движущая сила дел моих,

Он поворачивает

необъятнейшее колесо

его космической работы.

И я — живое тело света Бога,

Я — думающий инструмент
его могущества,

Я — воплощение Мудрости
в земной груди,

Я — неуничтожимая его
и побеждающая воля.

Аморфный Дух нарисовал
во мне свой образ;

Во мне живёт и Безымянный,
и укрытый тайным Именем."

Бог Смерти из своей скептической Тьмы
послал свой вопль:

"О жрица в доме

яркого Воображения,

Вначале убеди неизменяемые,

And make the impossible thy
daily work.

How canst thou force to wed two
eternal foes?

Irreconcilable in their embrace

They cancel the glory of their pure
extremes:

An unhappy wedlock maims their
stunted force.

How shall thy will make one the
true and false?

Where Matter is all, there Spirit is
a dream:

If all are the Spirit, Matter is a lie,

And who was the liar who forged
the universe?

The Real with the unreal cannot
mate.

He who would turn to God, must
leave the world;

He who would live in the Spirit,
must give up life;

He who has met the Self,
renounces self.

The voyagers of the million routes
of mind

Who have travelled through
Existence to its end,

Sages exploring the world-ocean's
vast,

Have found extinction the sole
harbour safe.

Two only are the doors of man's
escape,

Death of his body Matter's gate to
peace,

Death of his soul his last felicity.

жѣсткие законы,

что поставила Природа,

И сделай невозможное
своею повседневною работой.

Как сможешь ты заставить
обручиться вечных двух врагов?

Непримиримые противники
в своём объятии —

Они погасят славу
чистых крайностей своих:

Несчастный брак
изранит увядающую силу.

Как ты соединишь в одно —
и истину, и ложь?

Там, где Материя есть всё,
там Дух — лишь сон:

А если всё есть Дух,
Материя — обман,

И кто тот лгун,
подделавший вселенную?

Реальное не может
сочетаться браком с нереальным.

И тот, кто повернулся к Богу,
вынужден оставить мир;

А тот, кто собирается жить в Духе,
вынужден отбросить жизнь;

Кто повстречал Божественное "Я",
не принимает маленькое "я".

Те мудрецы, что путешествуют
по миллиону троп ума,

Прошедшие Существованье
до его конца,

Исследующие просторы
океана мира,

Нашли, что существует
лишь одно надёжное убежище —
уход из жизни.

У человека только
две двери к спасению,

Смерть тела для него —
врата Материи к покою,

И смерть его души —
последнее его блаженство.

In me all take refuge, for I, Death, am God."	Во мне убежище находят все, ведь я, Смерть — Бог."
But Savitri replied to mighty Death:	Могучей Смерти так Савитри отвечала:
"My heart is wiser than the Reason's thoughts, My heart is stronger than thy bonds, O Death.	"Есть сердце у меня, которое мудрее мыслей Разума, И сердце у меня сильнее, чем твои оковы, Смерть.
It sees and feels the one Heart beat in all,	Оно всё видит, ощущая как одно Божественное Сердце бьётся в каждом,
It feels the high Transcendent's sunlike hands,	И чувствует высокое касание рук Трансцендентного, похожего на солнце,
It sees the cosmic Spirit at its work;	И видит, как работает вселенский Дух;
In the dim Night it lies alone with God.	Оно лежит наедине с Всевышним в темноте Ночи.
My heart's strength can carry the grief of the universe	И сила сердца моего способна вынести страданье всей вселенной,
And never falter from its luminous track,	И никогда оно не уклонится от сияющего курса,
Its white tremendous orbit through God's peace.	И не сойдёт с огромной, незапятнанной орбиты сквозь покой Всевышнего.
It can drink up the sea of All-Delight	Оно способно выпить океан Всеобщего Восторга
And never lose the white spiritual touch,	И никогда не потеряет чистого духовного прикосновения,
The calm that broods in the deep Infinite."	Спокойствия, что размышляет в самой сердцевине Бесконечности."
He said, "Art thou indeed so strong, O heart,	Ответил он: "Ты в самом деле так сильна, о сердце, о душа,
O soul, so free? And canst thou gather then	И так свободна? И можешь ты срывать тогда
Bright pleasure from my wayside flowering boughs,	Живые наслажденья с придорожных, расцветающих ветвей моих,
Yet falter not from thy hard journey's goal,	Не уклоняясь от конечной трудной цели своего пути,
Meet the world's dangerous touch and never fall?	Встречать опасное касанье мира,

Show me thy strength and
 freedom from my laws."
 But Savitri answered, "Surely I
 shall find
 Among the green and whispering
 woods of Life
 Close-bosomed pleasures, only
 mine since his,
 Or mine for him, because our joys
 are one.
 And if I linger, Time is ours and
 God's,

And if I fall, is not his hand near
 mine?
 All is a single plan; each wayside
 act
 Deepens the soul's response,
 brings nearer the goal."
 Death the contemptuous Nihil
 answered her:
 "So prove thy absolute force to the
 wise gods,

By choosing earthly joy! For self
 demand
 And yet from self and its gross
 masks live free.
 Then will I give thee all thy soul
 desires,

All the brief joys earth keeps for
 mortal hearts.

Only the one dearest wish that
 outweighs all,

Hard laws forbid and thy ironic
 fate.

My will once wrought remains
 unchanged through Time,

никогда не падая?
 Продемонстрируй силу мне свою,
 свободу от моих законов."
 Савитри отвечала,
 "Да, конечно, я найду
 Среди зелёного и шепчущего
 леса Жизни
 Понятные для сердца радости,
 но все моё — теперь его,
 Или — моё — всё для него,
 ведь наши радости теперь одно.
 И если медлю я, то потому,
 что Время стало
 нам принадлежать и Богу,
 И если упаду я,
 разве не его рука в моей руке?
 Всё есть единый замысел,
 любой побочный шаг
 Лишь углубляет отклики души,
 подталкивая ближе к цели."
 Бог Смерти, презирающее всё Ничто,
 ответил ей:
 "Так докажи же
 абсолютное своё могущество
 пред мудрыми богами,
 Предпочитай радости земли!
 Потребуй внутреннего "я"
 И жить свободной от него
 и от его вульгарных масок.
 Тогда я дам тебе
 всё, что душа твоя
 способна пожелать,
 Все кратковременные радости,
 что бережёт земля
 для сердца смертного.
 Но только лишь одно
 и самое желанное,
 что перевешивает всё,
 Запрещено иронией твоей судьбы
 и жёсткими законами.
 Моё намерение,
 приведённое в движение,
 во Времени уже не изменяется,

And Satyavan can never again be
thine."

But Savitri replied to the vague
Power:

"If the eyes of Darkness can look
straight at Truth,

Look in my heart and, knowing
what I am,

Give what thou wilt or what thou
must, O Death.

Nothing I claim but Satyavan
alone."

There was a hush as if of doubtful
fates.

As one disdainful still who yields
a point

Death bowed his sovereign head
in cold assent:

"I give to thee, saved from death
and poignant fate

Whatever once the living
Satyavan

Desired in his heart for Savitri.

Bright noons I give thee and
unwounded dawns,

Daughters of thy own shape in
heart and mind,

Fair hero sons and sweetness
undisturbed

Of union with thy husband dear
and true.

And thou shalt harvest in thy
joyful house

Felicity of thy surrounded eyes.

Love shall bind by thee many
gathered hearts.

The opposite sweetness in thy
days shall meet

И Сатьяван не сможет никогда
стать вновь твоим."

Савитри отвечала так
неясной Силе:

"Но если Тьма способна
прямо посмотреть на Истину,
Взгляни в глубины сердца моего,
и зная, кто я,

Дай мне, что можешь,
или должен, о Бог Смерти.

Я ничего не требую,
лишь только Сатьявана."

И опустилась тишина,
как будто парки
стали сомневаться.

И словно с небольшим
пренебрежением,
чуть уступая,

Бог Смерти наклонил
высокомерную главу
в сухом согласии:

"Я дам тебе, спасая
от мучительной судьбы и смерти,

Всё то, что Сатьяван,
когда он был ещё живым,

Желал бы в сердце
для тебя, Савитри.

Наполненные солнцем дни я дам тебе,
и зори без душевных ран,

И дочерей, с таким же
сердцем и умом, как у тебя,

Прекрасных сыновей-героев,
полную покоя сладость

Единства с дорогим
и верным мужем.

В своём, наполненном весельем доме
будешь пожинать плоды

Счастливых, окружающих тебя
блаженством, вечеров.

Любовь к тебе привяжет
множество сердец вокруг,

А сладость у тебя, напротив,
встретит в днях твоих

Of tender service to thy life's
desired
And loving empire over all thy
loved,
Two poles of bliss made one, O
Savitri.

Return, O child, to thy forsaken
earth."
But Savitri replied, "Thy gifts
resist.
Earth cannot flower if lonely I
return."
Then Death sent forth once more
his angry cry,
As chides a lion his escaping prey:

"What knowst thou of earth's rich
and changing life
Who thinkst that one man dead all
joy must cease?"

Hope not to be unhappy till the
end:
For grief dies soon in the tired
human heart;
Soon other guests the empty
chambers fill.

A transient painting on a holiday's
floor
Traced for a moment's beauty love
was made.
Or if a voyager on the eternal trail,
Its objects fluent change in its
embrace
Like waves to a swimmer upon
infinite seas."
But Savitri replied to the vague
god,
"Give me back Satyavan, my only
lord.

Заботливое, нежное служение тому,
чего желает жизнь,
И любящее царствование над всеми
кто тебе любим,
Соедини в одно
два полюса блаженства,
о Савитри,
Вернись, дитя, обратно,
на покинутую землю."

Савитри отвечала так,
"Я не беру твои дары.
Земля не сможет расцвести,
когда вернусь одна."
Тогда Бог Смерти ей послал
ещё один свой злобный клич,
Как лев рычит
на ускользящую жертву:
"Что знаешь о земном богатстве ты,
и о меняющейся жизни,
Когда считаешь,
что со смертью одного
умрёт вся радость на земле?"

Пока не наступил конец,
не стоит быть несчастной:
В усталом сердце человека
быстро тает горе;
И скоро опустевшие покои
будут заняты другими,
новыми гостями.
Недолговечной росписью
на сцене праздника,
Набросанной для красоты мгновения,
была сотворена любовь.
И как у путника на вечной,
нескончаемой тропе,
Её цель плавно изменяется
в её объятиях,
Как волны для пловца
по бесконечным океанам."
Но богу смутному
Савитри отвечала:
"Отдай назад мне Сатьявана,
он один мой господин.

Thy thoughts are vacant to my soul that feels	Твои сужденья бесполезны для моей души, что ощущает
The deep eternal truth in transient things."	Глубокую суть вечной истины во временных вещах."
Death answered her, "Return and try thy soul!	Бог Смерти отвечал, "Вернись, проверь ещё раз ощущения своей души!
Soon shalt thou find appeased that other men	Довольно быстро, с облегченьем ты поймёшь, что и другие люди
On lavish earth have beauty, strength and truth,	На полной щедрости земле — верны, красивы и сильны,
And when thou hast half forgotten, one of these	И в тот момент, когда ты Сатьявана станешь забывать, один из них
Shall wind himself around thy heart that needs	Как ветер обовьётся возле сердца твоего, которому необходимо
Some human answering heart against thy breast;	Чтоб рядом, у твоей груди стучало отвечающее сердце;
For who, being mortal, can dwell glad alone?	Ведь кто из смертных может с радостью жить в одиночестве?
Then Satyavan shall glide into the past,	И Сатьяван начнёт скользить всё дальше, дальше в прошлое,
A gentle memory pushed away from thee	И память нежная о нём всё больше будет вытесняться из тебя
By new love and thy children's tender hands,	И ласковыми ручками твоих детей, и новою любовью,
Till thou shalt wonder if thou lov'dst at all.	Пока ты вдруг не удивишься — а вообще — была ли та любовь.
Such is the life earth's travail has conceived,	Такой задумана тяжёлая работа жизни на земле,
A constant stream that never is the same."	Как постоянное течение, что никогда не остаётся прежним."
But Savitri replied to mighty Death:	Могучей Смерти так Савитри отвечала:
"O dark ironic critic of God's work,	"О мрачный, ироничный критикан творенья Бога,
Thou mockst the mind and body's faltering search	Ты издеваешься над спотыкающимся поиском ума и тела

For what the heart holds in a
 prophet hour
 And the immortal spirit shall
 make its own.
 Mine is a heart that worshipped,
 though forsaken,
 The image of the god its love
 adored;
 I have burned in flame to travel in
 his steps.
 Are we not they who bore vast
 solitude
 Seated upon the hills alone with
 God?
 Why dost thou vainly strive with
 me, O Death,
 A mind delivered from all twilight
 thoughts,
 To whom the secrets of the gods
 are plain?
 For now at last I know beyond all
 doubt,
 The great stars burn with my
 unceasing fire
 And life and death are both its fuel
 made.
 Life only was my blind attempt to
 love:
 Earth saw my struggle, heaven my
 victory;

 All shall be seized, transcended;
 there shall kiss

 Casting their veils before the
 marriage fire
 The eternal bridegroom and
 eternal bride.
 The heavens accept our broken
 flights at last.
 On our life's prow that breaks the
 waves of Time
 No signal light of hope has
 gleamed in vain."

Того, чем сердце обладает
 в час предвиденья,
 А наш бессмертный дух
 когда-то сделает своим.
 Во мне есть сердце,
 хоть оно покинуто сейчас,
 Что обожает образ бога,
 восхищается его любовью;
 И я горю в огне,
 чтоб следовать его шагами.
 И разве мы не те, кто на себе
 несёт просторы одиночества,
 Царящего над пиками
 наедине с Всевышним?
 Зачем напрасно ты сражаешься
 со мной, бог Смерти,
 С умом, освободившимся
 от всех неточных представлений,
 И для кого открыты
 тайны всех богов?
 Сейчас, вне всякого сомненья,
 я узнала, наконец,
 Что эти все огромные пылающие звёзды
 горят от моего неугасимого огня,
 Что из того же топлива
 сотворены и жизнь и смерть.
 Так Жизнь была моей
 слепой попыткою любить:
 И видела земля, как я боролась,
 и смотрели небеса,
 как побеждала я;
 Всё будет, наконец, достигнуто
 и даже больше;
 и сольются в поцелуе,
 Отбросив все свои покровы
 перед брачным пламенем,
 Те двое — вечно существующий жених,
 и вечная невеста.
 И небо примет, наконец, все наши
 прерванные временно полёты.
 Там, на носу у судна жизни,
 рассекающего волны Времени,
 Не может быть

She spoke; the boundless
members of the god

As if by secret ecstasy assailed,

Shuddered in silence as obscurely
stir

Ocean's dim fields delivered to the
moon.

Then lifted up as by a sudden
wind

Around her in that vague and
glimmering world

The twilight trembled like a
bursting veil.

Thus with armed speech the
great opponents strove.

Around those spirits in the
glittering mist

A deepening half-light fled with
pearly wings

As if to reach some far ideal
Morn.

Outlined her thoughts flew
through the gleaming haze

Mingling bright-pinioned with its
lights and veils

And all her words like dazzling
jewels were caught

Into the glow of a mysterious
world,

Or tricked in the rainbow shifting
of its hues

Like echoes swam fainting into far
sound.

All utterance, all mood must there
become

An unending tissue sewn by
mind

сигнальных фонарей надежды,
что сияли бы напрасно."

Она договорила;
необозримое для глаза
тело бога

Слегка поддрагивало в тишине,
как будто было схвачено

Каким-то тайным,
неожиданным экстазом

Похожим на неясное движение
туманной глади океана,
уступающей луне.

Затем, вокруг неё,

как от внезапного порыва ветра,
В том призрачном, мерцавшем мире
опустился мрак,

Дрожащий как вуаль,
готовая вот-вот порваться.

Так здесь, вооружённые речами,
спорили великие противники.

Вокруг тех душ,
в сверкавшей мгле,

Темнеющие сумерки кружились
на жемчужных крыльях,
Как будто бы хотели долететь
до Утра идеала где-то вдалеке.

Её едва намеченные мысли
неслись через мелькающий туман,

Сливаясь, ярко оперённые,
с его огнями и его покровами,

И все её слова,
как ослепительные драгоценности

Ловились на лету горячим жаром
этого загадочного мира,

Иль украшали радужными переливами
своих оттенков,

Как эхо, что плывёт
и тает дальним отголоском.

Всё сказанное,
и любое настроенье духа,
непрерывно становились там

Недолговечной паутинкой,

To make a gossamer robe of
beautiful change.

Intent upon her silent will she
walked

On the dim grass of vague unreal
plains,

A floating veil of visions in her
front,

A trailing robe of dreams behind
her feet.

But now her spirit's flame of
conscient force

Retiring from a sweetness without
fruit

Called back her thoughts from
speech to sit within

In a deep room in meditation's
house.

For only there could dwell the
soul's firm truth:

Imperishable, a tongue of
sacrifice,

It flamed unquenched upon the
central hearth

Where burns for the high
houcelord and his mate

The homestead's sentinel and
witness fire

From which the altars of the gods
are lit.

All still compelled went gliding
on unchanged,

Still was the order of these worlds
reversed:

The mortal led, the god and spirit
obeyed

And she behind was leader of their
march

And they in front were followers
of her will.

Onward they journeyed through
the drifting ways

сотканной умом,
Чтоб сшить одежду
из прозрачной ткани
для прекрасной перемены.

Сосредоточенная на своей
безмолвной воле, шла она

По смутным травам
нереальных затуманенных равнин,

И впереди была
плывущая вуаль видений,

А за её стопами —
шлейф от одеянья грёз.

Однако же, сейчас,
огонь её осознающей силы духа

Стремился отступить
от той бесплодной сладости,

Он призывал её мышление
уйти из слов назад,

Осесть внутри,
в глубоком зале дома медитации.

Ведь только там способна жить
устойчивая истина души:

Непреходящая, став языками
жертвенного пламени,

Неугасимая, она пылала
в главном очаге,

Где для высокого хозяина усадьбы
и его супруги

Горит их охраняющий,
за ними наблюдающий огонь,

Огонь, которым
зажигают алтари богов.

Все были вынуждены продолжать идти,
скользя и не меняясь,

Пока что сохраняя
перевёрнутый порядок их миров:

Так, смертная, вела,
а бог и дух ей подчинялись,

Хотя и позади, она была ведущей
в этом марше,

А те, что перед нею,
подчинялись этой воле.

Они всё дальше шли

Vaguely companioned by the glimmering mists.	по переменчивым дорогам, В сопровожденьи неотчётливых, мерцающих туманов.
But faster now all fled as if perturbed	Но всё вокруг сейчас летело, ускоряясь, словно потревоженное,
Escaping from the clearness of her soul.	Пытаясь убежать от чистоты её души.
A heaven-bird upon jewelled wings of wind	Небесной птицею, на крыльях ветра, в самоцветах,
Borne like a coloured and embosomed fire,	Как красочный, хранящийся в груди огонь,
By spirits carried in a pearl-hued cave,	Её несли два духа в некую жемчужную пещеру,
On through the enchanted dimness moved her soul.	Куда её душа летела через очарованные сумерки.
Death walked in front of her and Satyavan,	Бог Смерти шёл пред ней и Сатьяван,
In the dark front of Death, a failing star.	Вот тьме, пред богом Смерти, тусклою звездой.
Above was the unseen balance of his fate.	А где-то наверху висели строгие, незримые весы его судьбы.

End of Canto Three

Конец третьей песни

Book Ten
THE BOOK OF
THE DOUBLE TWILIGHT

Canto IV
THE DREAM TWILIGHT OF
THE EARTHLY REAL

There came a slope that slowly
downward sank;
It slipped towards a stumbling
grey descent.
The dim-heart marvel of the ideal
was lost;
Its crowding wonder of bright
delicate dreams
And vague half-limned sublimities
she had left:
Thought fell towards lower levels;
hard and tense

It passioned for some crude
reality.
The twilight floated still but
changed its hues
And heavily swathed a less
delightful dream;
It settled in tired masses on the
air;
Its symbol colours tuned with
duller reds
And almost seemed a lurid mist of
day.
A straining taut and dire besieged
her heart;
Heavy her sense grew with a
dangerous load,
And sadder, greater sounds were

Книга Десятая
КНИГА ДВОЙСТВЕННЫХ
СУМЕРЕК

Песня IV
ГРЁЗЫ СУМРАКА
О ЗЕМНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Стал ощущаться скат,
что медленно спускался вниз;
Он плавно уводил их
к оступавшемуся серому уклону.
Исчезло чудо идеала
со своим неясным сердцем;
Она¹ оставила утонченные
яркие виденья, полные чудес
Едва очерченные в воздухе
зыбкие величия:
Мысль опустилась к уровням,
лежащим ниже;
с напряженьем и трудом
Та мысль стремилась к некоей грубой,
неприкрашенной реальности.
Их окружавший сумрак так же плыл,
но поменял цвета,
Окутывая плотно каждую
малейшую восторженную грёзу;
Он оседал усталой массой
в атмосфере;
Его оттенки, символическая гамма,
стала тускло-красной,
И виделась почти
как огненная дымка дня.
Тугое, устрашающее напряженье
осадило сердце у Савитри;
Всё тяжелее было чувствам
от опасной ноши,
Тоскливый, громкий вой

¹ Савитри, прим. пер.

<p>in her ears, And through stern breakings of the lambent glare Her vision caught a hurry of driving plains</p> <p>And cloudy mountains and wide tawny streams, And cities climbed in minarets and towers Towards an unavailing changeless sky: Long quays and ghauts and harbours white with sails</p> <p>Challenged her sight awhile and then were gone. Amidst them travailed toiling multitudes In ever shifting perishable groups,</p> <p>A foiled cinema of lit shadowy shapes Enveloped in the grey mantle of a dream. Imagining meanings in life's heavy drift, They trusted in the uncertain environment And waited for death to change their spirit's scene. A savage din of labour and a tramp Of armoured life and the monotonous hum Of thoughts and acts that ever were the same, As if the dull reiterated drone</p> <p>Of a great brute machine, beset her soul, - A grey dissatisfied rumour like a ghost</p>	<p>стоял в её ушах, И сквозь обрывки уходящего назад слепящего сияния Её взгляд уловил и спешку на наполненных движением равнинах, И горы в облаках, и полноводные, с коричневым оттенком, реки, И города, что поднимались минаретами и башнями К какой-то бесполезной неподвижности небес: Разнообразные и многочисленные набережные, гхаты, белые причалы с кораблями Лишь ненадолго бросили свой вызов глазу и пропали. Среди этого мучительно трудилось множество людей, Менявшимися группами, всё время двигаясь куда-то, Как будто это было странное кино о светлых призрачных фигурах, Кино, в котором каждый был окутан серой мантией из грёз. Придумывая смыслы для тяжёлого течения жизни, Они вверялись зыбкой окружающей среде И ожидали смерти, чтоб их сцена духа изменилась. Тот грубый шум нелёгкого труда, Тяжёлые шаги вооружённой жизни, и однообразный гул, Их мыслей, дел, которые всегда одни и те же, Как будто тупо повторяемое, монотонное жужжание Гигантской и бесчувственной машины осадили душу у неё, — Какое-то болезненное недовольное роптание,</p>
---	--

Of the moaning of a loud unquiet
 sea.
 A huge inhuman cyclopean voice,
 A Babel-builders' song towering
 to heaven,
 A throb of engines and the clang
 of tools
 Brought the deep undertone of
 labour's pain.
 As when pale lightnings tear a
 tortured sky,
 High overhead a cloud-rimmed
 series flared
 Chasing like smoke from a red
 funnel driven,
 The forced creations of an
 ignorant Mind:
 Drifting she saw like pictured
 fragments flee
 Phantoms of human thought and
 baffled hopes,
 The shapes of Nature and the arts
 of man,
 Philosophies and disciplines and
 laws,
 And the dead spirit of old
 societies,
 Constructions of the Titan and the
 worm.
 As if lost remnants of forgotten
 light,
 Before her mind there fled with
 trailing wings
 Dimmed revelations and
 delivering words,
 Emptied of their mission and their
 strength to save,
 The messages of the evangelist gods,
 Voices of prophets, scripts of
 vanishing creeds.

Похожее на призрачные стоны
 шумного, взволнованного моря.
 Нечеловеческий, огромный,
 исполинский голос,
 И песнь строителей
 той Вавилонской башни до небес,
 Гудение моторов,
 грохотанье инструментов
 Несли глубокий дух труда,
 наполненного болью.
 Подобно бледным молниям,
 что рвут измученное небо,
 Над головою, в вышине, среди туч,
 блестяли ровными рядами,
 Клубясь, как дым
 из красной заводской трубы,
 Те подневольные творения
 невежественного Ума:
 Она¹, скользя, увидела
 как улетали, словно нарисованные,
 Фантомы мысли человека
 и его напрасные надежды,
 И сотворённые Природой формы,
 и творения искусства человека,
 И философии, и дисциплины,
 и законы,
 И мёртвый дух
 давно ушедших в прошлое
 Различных человеческих сообществ,
 конструкции Титана и червя.
 И как последние остатки света,
 ею позабытого,
 Летели пред её умом
 с обвислыми крылами,
 Слова, несущие свободу,
 откровенья, ставшие туманными,
 И исчерпавшие свою задачу
 и спасающую силу
 Послания богов-миссионеров,
 И голоса пророков,
 и священные писанья
 исчезающих религий.

¹ Савитри, прим. пер.

Each in its hour eternal claimed
went by:

Ideals, systems, sciences, poems,
crafts

Tireless there perished and again
recurred,

Sought restlessly by some creative
Power;

But all were dreams crossing an
empty vast.

Ascetic voices called of lonely
seers

On mountain summits or by river
banks

Or from the desolate heart of
forest glades

Seeking heaven's rest or the
spirit's worldless peace,

Or in bodies motionless like
statues, fixed

In tranced cessations of their
sleepless thought

Sat sleeping souls, and this too
was a dream.

All things the past has made and
slain were there,

Its lost forgotten forms that once
had lived,

And all the present loves as
new-revealed

And all the hopes the future brings
had failed

Already, caught and spent in
efforts vain,

Repeated fruitlessly age after age.

Unwearied all returned insisting
still

Because of joy in the anguish of
pursuit

И каждое, в свой час
объявленное вечным,
уходило прочь:

И идеалы, и системы, и науки,
и поэмы, и ремёсла

Всё время, неустанно, гибли
и всё время возвращались вновь,

Неутомимо найденные заново
какой-то созидавшей Силой;

Однако были все они лишь грёзами,
пересекавшими пустой простор.

Там голоса аскетов призывали
к одиноким мудрецам-провидцам

На пиках гор, у берега реки,
иль из безлюдных дебрей
в глубине лесов,

То в поисках
небесного вдохновения,

То в поисках покоя духа
за пределом мира,

В их неподвижных,
словно статуи, телах,

Застывших в транс
остановки неусыпной мысли,

Сидели души, погружившись в сон,
и это тоже было грёзой.

Всё то, что в прошлом
было создано и уничтожено,
лежало там,

Забывшие, утерянные формы,
жившие когда-то,

И всё, что наше настоящее
желает, любит,

словно заново открытое,

И все надежды, что уже напрасными
приносит нам грядущее,

Уже ухваченные и растроченные
в бесполезном напряжении,

Бесплодно повторялись там
из века в век.

Всё неустанно возвращалось вновь,
настаивая на своём,

Ведь радость существует

And joy to labour and to win and
lose

And joy to create and keep and
joy to kill.

The rolling cycles passed and
came again,

Brought the same toils and the
same barren end,

Forms ever new and ever old, the
long

Appalling revolutions of the
world.

Once more arose the great
destroying Voice:

Across the fruitless labour of the
worlds

His huge denial's all-defeating
might

Pursued the ignorant march of
dolorous Time.

"Behold the figures of this symbol
realm,

Its solid outlines of creative dream

Inspiring the great concrete tasks
of earth.

In its motion-parable of human
life

Here thou canst trace the outcome
Nature gives

To the sin of being and the error in
things

And the desire that compels to live

And man's incurable malady of
hope.

In an immutable order's hierarchy

и в мучении погони,
Есть радость тяжело работать,
побеждать, терять,

Есть радость создавать, и сохранять,
и радость убивать.

Вертящиеся циклы уходили прочь,
и приходили снова,

И приносили тот же труд, и тот же,
вновь бесплодный результат,

Все эти формы, вечно новые
и вечно прежние,

И долгие, всё сотрясающие
революции, перевороты в мире.

Опять поднялся разрушающий,
великий Голос:

Сквозь бесполезную работу
множества миров

Его уничтожающая всё на свете
сила необъятного отказа

Преследовала марш невежества
страдающего Времени.

"Взгляни на эти образы
из символического царства,

На ясно зримый контур
созидающей мечты,

Что вдохновляет на великие
конкретные свершения земли.

В его — то восходящем,
то идущем вниз

движеньи жизни человека

Ты можешь проследить
итог труда Природы,

Как удаётся ей внести
грех в существо,
ошибку в ткань вещей,

И как она творит желание,
что заставляет жить,

И как — неизлечимую болезнь людей —
надежду.

Средь непреложной
иерархии порядка,

Where Nature changes not, man
cannot change:

Ever he obeys her fixed mutation's
law;

In a new version of her oft-told
tale

In ever-wheeling cycles turns the
race.

His mind is pent in circling
boundaries:

For mind is man, beyond thought
he cannot soar.

If he could leave his limits he
would be safe:

He sees but cannot mount to his
greater heavens;

Even winged, he sinks back to his
native soil.

He is a captive in his net of mind

And beats soul-wings against the
walls of life.

In vain his heart lifts up its
yearning prayer,

Peopling with brilliant Gods the
formless Void;

Then disappointed to the Void he
turns

And in its happy nothingness asks
release,

The calm Nirvana of his dream of
self:

The Word in silence ends, in
Nought the name.

Apart amid the mortal multitudes,

He calls the Godhead
incommunicable

To be the lover of his lonely soul

Где не меняется Природа,
человек не может измениться тоже:

Он вечно подчиняется её закону
постоянно возникающих мутаций;

И в обновлённых вариантах
часто вспоминаемой её истории,

И в вечно повторяющихся циклах,
крутится вся раса.

Ум человека заперт
в тех очерченных границах:

Ведь ум — есть человек,
и выше мысли
он не может воспарить.

И если б он мог
выйти за свои пределы,
он бы был спасён:

Он видит, но не может подобраться
к собственным великим небесам;

И даже окрылённый,
падает обратно на родную почву.

Он — пленник
в собственных силках ума,

И бьётся крыльями души
об стенки жизни.

Напрасно сердце у него взмывает
в устремившейся молитве

И населяет яркими Богами
бесформенную Пустоту;

Затем, разочарованный,
он поворачивает к этой Пустоте,

В её счастливом, радостном небытии
он просит избавления,

Спокойствия Нирваны
для своей мечты о духе:

Как Слово завершается молчанием,
так имя завершается в Ничто.

Особняком, средь смертных,
средь толпы,

Он призывает
необщительное Божество

Прийти и стать
возлюбленным его души,
страдающей от одиночества,

Or casts his spirit into its void
embrace.
Or he finds his copy in the
impartial All;
He imparts to the Immobile his
own will,
Attributes to the Eternal wrath and
love
And to the Ineffable lends a
thousand names.
Hope not to call God down into
his life.
How shalt thou bring the
Everlasting here?
There is no house for him in
hurrying Time.
Vainly thou seekst in Matter's
world an aim;
No aim is there, only a will to be.
All walk by Nature bound for ever
the same.
Look on these forms that stay
awhile and pass,
These lives that long and strive,
then are no more,
These structures that have no
abiding truth,
The saviour creeds that cannot
save themselves,
But perish in the strangling hands
of the years,
Discarded from man's thought,
proved false by Time,
Philosophies that strip all
problems bare
But nothing ever have solved
since earth began,
And sciences omnipotent in vain

Или бросает дух свой
в пустоту его объятий.
Бывает, что он ищет
собственную копию
в бесстрастности Всеобщего,
Он наделяет Неподвижное
своею волей,
Приписывает Вечному
любовь и гнев,
И тысячи имён
даёт Невыразимому.
Ты зря надеешься, взывая к Богу,
чтобы он спустился в жизнь твою.
Как принесёшь сюда ты
Вечнодлящееся?
Здесь, на земле, в спешащем Времени,
нет дома для него.
Напрасно ты отыскиваешь цель,
где царствует Материя;
Нет цели здесь,
лишь только воля быть.
Здесь всё идёт по-прежнему,
всегда, как установлено
границами Природы.
Взгляни на эти формы,
что недолго существуют,
а потом уходят,
На эти жизни, что стремятся, борются,
а вот — уже их нет,
На эти все системы,
за которыми нет прочной истины,
На эти все религии спасения,
что не способны и себя спасти,
Лишь исчезают
в душащих объятьях долгих лет,
Отвергнутые мыслью человека,
забракованные Временем,
На философии,
что обнажают все проблемы,
Но не решили ничего,
с рождения земли,
На множество наук,
что понапрасну всемогущи,

By which men learn of what the
suns are made,
Transform all forms to serve their
outward needs,

Ride through the sky and sail
beneath the sea,
But learn not what they are or why
they came;
These polities, architectures of
man's brain,
That, bricked with evil and good,
wall in man's spirit

And, fissured houses, palace at
once and jail,
Rot while they reign and crumble
before they crash;
These revolutions, demon or
drunken god,

Convulsing the wounded body of
mankind
Only to paint in new colours an
old face;
These wars, carnage triumphant,
ruin gone mad,
The work of centuries vanishing
in an hour,
The blood of the vanquished and
the victor's crown
Which men to be born must pay
for with their pain,
The hero's face divine on satyr's
limbs,
The demon's grandeur mixed with
the demigod's,
The glory and the beasthood and
the shame;
Why is it all, the labour and the
din,
The transient joys, the timeless sea
of tears,

Благодаря которым люди изучают
из чего возникли солнца,
Преобразуют формы,
чтоб они служили
для их внешних нужд,
Летают по небу,
и плавают в глубинах океанов,
Но до сих пор не понимают —
кто они, зачем они пришли;
Взгляни на эти государства,
построения людских умов,
Где кладкой кирпичей добра и зла
для духа человека
выстроили стену,
На треснувшие их жилища,
на дворцы, что заодно и тюрьмы,
Которые гниют, пока те царствуют,
и рушатся, не дожидаясь их конца:
На эти революции,
что-то ли пьяным богом,
то ли демоном,
Трясут израненное
тело человечества
Лишь чтобы новой краской
разукрасить старые фасады:
На эти войны, на победоносную резню,
и на безумие руин,
На труд столетий,
исчезающий за час,
Кровь побеждённых
и корону победителя,
Которую, чтобы её нести,
приходится оплачивать свою болью,
Божественный, высокий лик героя,
но с телесным обликом сатира,
Величье демона,
переплетённое с величием полубога,
На славу, на звериное обличие,
на этот срам;
Зачем всё это —
грохот, труд,
Все эти временные радости,
и вечный океан из слёз,

The longing and the hoping and the cry,	То устремленье, то надежда, то призыв,
The battle and the victory and the fall,	То битва, то победа, то падение,
The aimless journey that can never pause,	Бесцельный путь, что никогда не может прекратиться,
The waking toil, the incoherent sleep,	Бессонный труд и беспорядочный, бессвязный сон,
Song, shouts and weeping, wisdom and idle words,	То пение, то крики и рыдание, то мудрые, а то пустые, праздные слова,
The laughter of men, the irony of the gods?	То хохот человека, то ирония богов?
Where leads the march, whither the pilgrimage?	Куда ведёт весь этот марш, зачем всё это странствие?
Who keeps the map of the route or planned each stage?	Кто держит карту или намечает новые этапы?
Or else self-moved the world walks its own way,	А может, самодвижущийся мир идёт своим путём,
Or nothing is there but only a Mind that dreams:	А может, ничего на свете нет, лишь Ум, что грезит:
The world is a myth that happened to come true,	Мир — это миф, что появился, чтоб прийти взаправду,
A legend told to itself by conscious Mind,	Легенда, что рассказывает сам себе осознающий Ум,
Imaged and played on a feigned Matter's ground	Придуманная и разыгранная на фальшивом основании Материи,
On which it stands in an unsubstantial Vast.	Где он стоит в каком-то невещественном Просторе.
Mind is the author, spectator, actor, stage:	Ум — это автор, зритель, сцена и актер:
Mind only is and what it thinks is seen.	И существует только Ум, и только то, что думает он — зримо.
If Mind is all, renounce the hope of bliss;	Но если всё есть Ум, оставь надежду на блаженство;
If Mind is all, renounce the hope of Truth.	Но если всё есть Ум, оставь надежду встретить Истину.
For Mind can never touch the body of Truth	Ведь Ум не сможет никогда коснуться тела Истины,
And Mind can never see the soul of God;	И Ум не сможет никогда увидеть душу Бога;
Only his shadow it grasps nor hears his laugh	Он только ловит тень его, не слыша, как, при этом,

As it turns from him to the vain
seeming of things.

Mind is a tissue woven of light
and shade

Where right and wrong have sewn
their mingled parts;

Or Mind is Nature's marriage of
convenience

Between truth and falsehood,
between joy and pain:

This struggling pair no court can
separate.

Each thought is a gold coin with
bright alloy

And error and truth are its obverse
and reverse:

This is the imperial mintage of the
brain

And of this kind is all its currency.

Think not to plant on earth the
living Truth

Or make of Matter's world the
home of God;

Truth comes not there but only the
thought of Truth,

God is not there but only the name
of God.

If Self there is it is bodiless and
unborn;

It is no one and it is possessed by
none.

On what shalt thou then build thy
happy world?

Cast off thy life and mind, then art
thou Self,

An all-seeing omnipresence stark,
alone.

Бог смеётся,

Он словно отвернулся от него
к пустому внешнему
обличию вещей.

Ум — это ткань,
что соткана из света и теней,

Где верное и ложное
переплели свои смешавшиеся части;

А может, Ум —
есть брачный договор Природы

Меж истиной и ложью,
меж радостью и болью:

И ту дерущуюся пару
никакой судья не сможет развести.

Любая мысль подобна золотой монете,
но с дешёвой примесью,

А истина с ошибкой для неё —
орёл и решка.

Так выглядит
высокая чеканка мозга,

И вся его валюта —
лишь такого сорта.

Не думай поселить здесь, на земле,
живую Истину,

Иль сделать мир Материи
жилищем Бога;

Не ходит Истина туда,
где только мысль об Истине,

Не будет Бога там,
где только имя Бога.

И если есть на свете
Высшее, Божественное "Я",
оно не рождено и бестелесно;

Оно — никто,
и им никто не обладает.

На чём построишь ты тогда
свой будущий счастливый мир?

Отбрось свой ум и жизнь,
тогда ты станешь
этим Высшим "Я",

Присутствием —
всё видящим и вездесущим,
совершенным, одиноким.

<p>If God there is he cares not for the world; All things he sees with calm indifferent gaze, He has doomed all hearts to sorrow and desire, He has bound all life with his implacable laws; He answers not the ignorant voice of prayer. Eternal while the ages toil beneath, Unmoved, untouched by aught that he has made, He sees as minute details mid the stars The animal's agony and the fate of man: Immeasurably wise, he exceeds thy thought; His solitary joy needs not thy love. His truth in human thinking cannot dwell:</p> <p>If thou desirest Truth, then still thy mind For ever, slain by the dumb unseen Light. Immortal bliss lives not in human air: How shall the mighty Mother her calm delight Keep fragrant in this narrow fragile vase, Or lodge her sweet unbroken ecstasy In hearts which earthly sorrow can assail And bodies careless Death can slay at will? Dream not to change the world that God has planned,</p>	<p>И если Бог и есть, он не заботится о мире; На всё взирает он спокойным, беспристрастным взглядом, Он все сердца обрѣк желать и горевать, Всю жизнь связал неумолимыми законами; Не отвечает он невежественным голосам молитвы. Пока эпохи трудятся под ним, Неколебимый, незатронутый ничем им сотворѣнным, вечный, Он смотрит как на мелкие, сиюминутные детали среди звѣзд, И на агонию зверей, и на судьбу людей: Неописуемо мудрее, превосходит он любую мысль; Для одинокой радости своей он не нуждается в твоей любви. Его божественная истина не может жить среди мысли человека: И если ты желаешь Истины, то успокой свой ум навеки, Убей его немым незримым Светом. Бессмертное блаженство не живѣт в привычной человеку атмосфере: И как могучая Божественная Мать смогла бы тихий свой восторг Сберечь таким же свежим в этой узкой хрупкой вазе, Иль поселить свой нерушимый сладостный экстаз В сердца, что уязвимы для земного горя и страдания, В тела, которые безжалостная Смерть способна убивать, когда захочет? И не мечтай, что сможешь изменить весь этот мир,</p>
--	---

Strive not to alter his eternal law.
 If heavens there are whose gates
 are shut to grief,
 There seek the joy thou couldst
 not find on earth;
 Or in the imperishable hemisphere
 Where Light is native and Delight
 is king
 And Spirit is the deathless ground
 of things,
 Choose thy high station, child of
 Eternity.
 If thou art Spirit and Nature is thy
 robe,
 Cast off thy garb and be thy naked
 self
 Immutable in its undying truth,
 Alone for ever in the mute Alone.
 Turn then to God, for him leave
 all behind;
 Forgetting love, forgetting
 Satyavan,
 Annul thyself in his immobile
 peace.
 O soul, drown in his still
 beatitude.
 For thou must die to thyself to
 reach God's height:
 I, Death, am the gate of
 immortality."
 But Savitri answered to the
 sophist God:
 "Once more wilt thou call Light to
 blind Truth's eyes,
 Make Knowledge a catch of the
 snare of Ignorance
 And the Word a dart to slay my
 living soul?

спланированный Богом,
 И не старайся переделать
 вечные его законы.
 Но если существуют небеса,
 врата которых заперты для горя,
 То там ищи ту радость,
 что найти не сможешь на земле,
 Иль в полусфере нерушимого,
 Где Свет — один из местных жителей,
 Восторг — их царь,
 А Дух — бессмертная основа
 для всего,
 О Вечности дитя, там для себя
 ты выберешь высокие палаты.
 И если ты есть Дух,
 а вся Природа — только одеяние,
 То сбрось наряд и стань
 одним лишь обнажённым "я",
 Что не меняется
 в своей бессмертной истине,
 Одна, навеки в тишине,
 безмолвии Единого.
 А после — повернись к Всевышнему,
 и для него оставь всё позади;
 Забыв любовь,
 забыв и Сатьявана,
 Попробуй растворить себя
 среди неподвижности его покоя.
 Душа, попробуй утонуть в его
 тиши блаженства.
 Ведь, чтобы подойти к высотам Бога,
 ты должна погибнуть для себя:
 Я, Смерть — и есть
 врата в бессмертие."
 Однако же, Савитри
 так ответила софисту-Богу:
 "И сколько раз ты будешь
 звать на помощь Свет,
 чтоб ослепить взгляд Истины,
 Чтоб сделать Знание
 защёлкой для силков Невежества,
 А Слово — дротиком,
 чтоб погубить мою живую душу?

Offer, O King, thy boons to tired spirits	Ты предложи, о Царь, свои блага уставшему от жизни духу,
And hearts that could not bear the wounds of Time,	Сердцам, которые не могут выносить удары, раны Времени,
Let those who were tied to body and to mind,	Пусть те, кто так привязан к телу и уму,
Tear off those bonds and flee into white calm	Порвут все эти узы, улетая в чистоту покоя,
Crying for a refuge from the play of God.	Взывая об убежище от действия, игры Всевышнего.
Surely thy boons are great since thou art He!	Конечно, блага велики твои, ведь ты есть Он!
But how shall I seek rest in endless peace	Но как же в бесконечности покоя мне искать отдохновения,
Who house the mighty Mother's violent force,	Мне, поселившей яростную мощь могучей Матери,
Her vision turned to read the enigmaed world,	И виденье её, направленное чтоб читать загадочный наш мир,
Her will tempered in the blaze of Wisdom's sun	Её божественную волю, закалённую в сиянии солнца Мудрости,
And the flaming silence of her heart of love?	И жгучее молчанье сердца, полного любви?
The world is a spiritual paradox	Весь этот мир — духовный парадокс,
Invented by a need in the Unseen,	Изобретённый, по необходимости, в Незримом,
A poor translation to the creature's sense	Корявый перевод на чувственный язык творения
Of That which for ever exceeds idea and speech,	Того, что вечно превосходит всякую идею, речь,
A symbol of what can never be symbolised,	И символ той реальности, что невозможно никогда представить символом,
A language mispronounced, misspelt, yet true.	И языка, неправильно произносимой, и с ошибками, но всё же истины.
Its powers have come from the eternal heights	Его могущества спустились с пиков вечного,
And plunged into the inconscient dim Abyss	Они ныряют в смутную Пучину подсознания,
And risen from it to do their marvellous work.	И поднимаются оттуда, чтобы совершить свою чудесную работу.

The soul is a figure of the
 Unmanifest,
 The mind labours to think the
 Unthinkable,
 The life to call the Immortal into
 birth,
 The body to enshrine the
 Illimitable.
 The world is not cut off from
 Truth and God.
 In vain thou hast dug the dark
 unbridgeable gulf,

 In vain thou hast built the blind
 and doorless wall:
 Man's soul crosses through thee to
 Paradise,

 Heaven's sun forces its way
 through death and night;

 Its light is seen upon our being's
 verge.
 My mind is a torch lit from the
 eternal sun,
 My life a breath drawn by the
 immortal Guest,
 My mortal body is the Eternal's
 house.
 Already the torch becomes the
 undying ray,
 Already the life is the Immortal's
 force,
 The house grows of the
 householder part and one.
 How sayst thou Truth can never
 light the human mind
 And Bliss can never invade the
 mortal's heart
 Or God descend into the world he
 made?
 If in the meaningless Void
 creation rose,

Душа есть некий
 образ Непроявленного,
 Ум трудится, чтобы
 помыслить о Немыслимом,
 Жизнь — чтоб призвать
 Бессмертного в рождение,
 А тело — дать приют
 для Беспредельного.
 Мир не отрезан
 от Всевышнего и Истины.
 Напрасно ты здесь вырыл
 бездну безнадёжности,
 которую не перекрыть мостом,
 Напрасно выстроил
 глухую стену без дверей:
 Душа у человека
 сквозь тебя пройдёт
 и выйдет в Рай,
 Божественное солнце
 путь проложит свой
 и через смерть, и через ночь.
 Его свет виден на границе
 нашего существования.
 Мой ум — один из факелов,
 зажжённый вечным солнцем,
 Моя жизнь на земле — дыхание,
 рождённое бессмертным Гостем,
 А тело смертной —
 дом для Вечного.
 И этот факел стал уже
 негаснущем лучом,
 И эта жизнь — уже
 могуществом Бессмертного,
 Дом вырос выше и палат хозяина,
 и самого владельца.
 Зачем ты говоришь, что Истина
 не сможет озарить ум человека,
 Блаженство — никогда не сможет
 завладеть сердцами смертных,
 А Бог — спуститься в мир,
 который создал?
 И если посреди бесцельной Пустоты
 вдруг поднялось творенье,

<p>If from a bodiless Force Matter was born, If Life could climb in the unconscious tree, Its green delight break into emerald leaves And its laughter of beauty blossom in the flower, If sense could wake in tissue, nerve and cell And Thought seize the grey matter of the brain, And soul peep from its secrecy through the flesh,</p> <p>How shall the nameless Light not leap on men, And unknown powers emerge from Nature's sleep? Even now hints of a luminous Truth like stars Arise in the mind-mooned splendour of Ignorance; Even now the deathless Lover's touch we feel: If the chamber's door is even a little ajar, What then can hinder God from stealing in Or who forbid his kiss on the sleeping soul? Already God is near, the Truth is close: Because the dark atheist body knows him not, Must the sage deny the Light, the seer his soul?</p> <p>I am not bound by thought or sense or shape; I live in the glory of the Infinite, I am near to the Nameless and Unknowable,</p>	<p>Из бестелесной Силы родилась Материя, И если Жизнь смогла подняться в неосознающем дереве, Её покрытый зеленью восторг прорвался в изумрудных листьях, Смех красоты её раскрылся в множестве цветов, И чувству удалось проснуться в тканях тела, клетках, нервах, А в серых тканях мозга появилась Мысль, И из своей завесы тайны, через плоть, украдкой глянула душа, То, как же тот невыразимый Свет не перекинется на человека, И как неведомые силы не проснутся ото сна Природы? Уже сейчас намёки светлой Истины, как звёзды, Встают средь роскоши Невежества под месяцем-умом; Уже сейчас мы чувствуем касание бессмертного Любимого: И если дверь в палату приоткрыта, пусть и ненамного, Что сможет удержать Всевышнего проникнуть внутрь, Кто запретит ему оставить поцелуй на дремлющей душе? Уже Бог рядом, Истина уже близка: И неужели, если тело атеиста, полного неведенья, его не знает, То мудрый должен отрицать небесный Свет, провидец — собственную душу? Я ведь не связана, ни мыслями, ни чувствами, ни обликом; Я обитаю в славе Бесконечности, Я — около Неопишуемого и Непознаваемого,</p>
--	--

The Ineffable is now my
household mate.
But standing on Eternity's
luminous brink
I have discovered that the world
was He;
I have met Spirit with spirit, Self
with self,

But I have loved too the body of
my God.
I have pursued him in his earthly
form.
A lonely freedom cannot satisfy
A heart that has grown one with
every heart:
I am a deputy of the aspiring
world,
My spirit's liberty I ask for all."

Then rang again a deeper cry of
Death.
As if beneath its weight of sterile
law
Oppressed by its own obstinate
meaningless will,
Disdainful, weary and
compassionate,
It kept no more its old intolerant
sound,
But seemed like life's in her
unnumbered paths
Toiling for ever and achieving
nought
Because of birth and change, her
mortal powers
By which she lasts, around the
term-posts fixed
Turning of a wide circling aimless
race

И сам Невыразимый ныне —
друг моей семьи.
Но, встав на озарённой
границы Вечности,
Я поняла, что мир —
есть Он;
Я повстречала духом — Дух,
и тем "я", что во мне —
Божественное "Я",
Но тело Бога моего
я полюбила тоже.
И я пошла за ним,
в его земном обликии.
Не может одинокая свобода
радовать то сердце,
Что стало с каждым сердцем
слито и едино:
Я — делегат
стремящегося мира,
Свою свободу духа —
я прошу для всех."

Вновь зазвенел глубокий голос
бога Смерти.
И словно ощущая вес
бесплодного закона,
И угнетаемый своей
бессмысленной упрямой волей,
Пренебрежительный, усталый,
сострадающий,
Оставив прежний
нетерпимый тон,
Он стал похож на голос жизни
на её бесчисленных путях,
Что вечно трудится
и ничего не достигает,
Из-за того, что и рождение, и изменение,
и смертные её могущества,
Благодаря которым держится она,
привязаны к границам,
И кружатся в широком колесе
бесцельной гонки,

Whose course for ever speeds and is the same.	Которая всегда спешит, и вечно остаётся той же самой.
In its long play with Fate and Chance and Time	В своей давно начавшейся игре со Случаем, Судьбой и Временем,
Assured of the game's vanity lost or won,	Уверившись, что всё напрасно — победишь ты или проиграешь,
Crushed by its load of ignorance and doubt	Придавленный под тяжестью сомнений и невежества,
Which knowledge seems to increase and growth to enlarge,	Хоть кажется, что знание растёт и расширяется,
The earth-mind sinks and it despairs and looks	Слабеет ум земли, впадает в безнадежность,
Old, weary and discouraged on its work.	И выглядит усталым, старым, разочаровавшимся в своей работе.
Yet was all nothing then or vainly achieved?	Но неужели всё, что было — пустота, и достижения напрасны?
Some great thing has been done, some light, some power	Ведь создано какое-то величие, какой-то свет и сила
Delivered from the huge Inconscient's grasp:	Освободились из гигантской хватки Несознания:
It has emerged from night; it sees its dawns	Оно возникло из ночи, и смотрит на свои рассветы,
Circling for ever though no dawn can stay.	Что вечно кружатся, и ни один рассвет не может задержаться.
This change was in the godhead's far-flung voice;	Летящий в дали голос божества переменился;
His form of dread was altered and admitted	Его обличье ужаса открылось с новой стороны
Our transient effort at eternity,	И допустило к вечности людские бранные усилия,
Yet flung vast doubts of what might else have been	Хоть и набросило широкие сомнения, Способно ли оно вообще существовать,
On grandiose hints of an impossible day.	На грандиозные намёки невозможного, невысказанного дня.
The great voice surging cried to Savitri:	Величественный голос, нарастая, выкрикнул Савитри:
"Because thou knowst the wisdom that transcends	"Раз ты познала мудрость, что выходит за пределы масок форм,
Both veil of forms and the contempt of forms,	И выше, чем презренье

Arise delivered by the seeing
 gods.
 If free thou hadst kept thy mind
 from life's fierce stress,
 Thou mightst have been like them
 omniscient, calm.
 But the violent and passionate
 heart forbids.

 It is the storm bird of an anarch
 Power
 That would upheave the world and
 tear from it
 The indecipherable scroll of Fate,

 Death's rule and Law and the
 unknowable Will.
 Hasteners to action, violators of
 God
 Are these great spirits who have
 too much love,
 And they who formed like thee,
 for both art thou,

 Have come into the narrow
 bounds of life
 With too large natures overleaping
 time.
 Worshippers of force who know
 not her recoil,
 Their giant wills compel the
 troubled years.
 The wise are tranquil; silent the
 great hills
 Rise ceaselessly towards their
 unreached sky,
 Seated on their unchanging base,
 their heads
 Dreamless in heaven's immutable
 domain.
 On their aspiring tops, sublime
 and still,

к сотворённым формам,
 То встань, освобождённая
 всевидящими божествами.
 И если сохраняешь ум свободным
 от неистового напряжения жизни,
 Ты сможешь быть, как и они,
 всезнающей, спокойной.
 Однако страстное твоё
 и яростное сердце
 это не позволит.
 Оно взмывает буревестником
 мятежной Силы,
 Что хочет этот мир поднять,
 сорвав с него
 Загадочные, тайные
 скрижали Рока,
 Закон, правленье Смерти,
 и непознаваемую Волю.
 Тот, кто торопит действие
 и нарушает правила Всевышнего,
 Великий дух,
 с огромными запасами любви,
 Такие люди по строению
 похожи на тебя,
 сотворены для той же цели,
 Они приходят
 в узкие границы жизни
 С их слишком уж широким естеством,
 опережая время.
 Поклонники той силы,
 что не знает отступления,
 Своей гигантской воле
 подчиняют взбудораженные годы.
 Спокойны мудрецы;
 безмолвны, как великие предгорья,
 И непрестанно поднимаются
 к своим недостижимым небесам,
 Найдя незыблемое основание,
 их головы
 Живут без грёз
 в небесных неизменных сферах.
 На их стремящихся вершинах,
 утончённые и тихие,

Lifting half-way to heaven the
climbing soul
The mighty mediators stand
content
To watch the revolutions of the
stars:
Motionlessly moving with the
might of earth,
They see the ages pass and are the
same.
The wise think with the cycles,
they hear the tread

Of far-off things; patient,
unmoved they keep
Their dangerous wisdom in their
depths restrained,
Lest man's frail days into the
unknown should sink
Dragged like a ship by bound
leviathan
Into the abyss of his stupendous
seas.
Lo, how all shakes when the gods
tread too near!
All moves, is in peril, anguished,
torn, upheaved.
The hurrying aeons would stumble
on too swift

If strength from heaven surprised
the imperfect earth
And veiless knowledge smote
these unfit souls.
The deities have screened their
dreadful power:
God hides his thought and, even,
he seems to err.
Be still and tardy in the slow wise
world.
Mighty art thou with the dread
goddess filled,
To whom thou criedst at dawn in
the dim woods.

Подняв до половины к небесам
идущую к высотам душу,
Стоят могучие посредники,
которые согласны
Смотреть на то,
как обращаются по кругу звёзды:
Бездвижно двигаясь
могуществом земли,
Они глядят на проходящие века,
что вечно те же самые.
Они способны рассуждать эпохами
и слышать шаг событий
далёкого грядущего;
С терпением, не двигаясь,
те мудрецы хранят
Свою опасную для мира мудрость,
сдерживая в глубине,
Чтоб наша хрупкая обыденная жизнь
не погрузилась в неизвестность,
Утянутая как корабль,
обхваченный левиафаном,
В бездонные пучины
необъятных океанов.
Смотри, как всё трясётся,
если слишком близок шаг богов!
Всё движется, и всё в опасности,
измученное, порванное, извергаемое.
Но если бы могущество небес
застало бы врасплох
несовершенную планету,
То торопливые эпохи оступились бы
от слишком быстрой скорости,
А неприкрытое вуалью знание
разбило бы неподготовленные души.
И божества скрывают
страшное своё могущество:
Бог прячет мысль свою,
и даже кажется, что ошибается.
Савитри, будь спокойна и нетороплива
в этом медленном и мудром мире.
Ты вся наполнена могуществом
той ужасающей богини,
К которой ты зывала на заре

Use not thy strength like the wild
Titan souls!

Touch not the seated lines, the
ancient laws,

Respect the calm of great
established things."

But Savitri replied to the huge
god:

"What is the calm thou vaunst, O
Law, O Death?

Is it not the dull-visioned tread
inert

Of monstrous energies chained in
a stark round

Soulless and stone-eyed with
mechanic dreams?

Vain the soul's hope if changeless
Law is all:

Ever to the new and the unknown
press on

The speeding aeons justifying
God.

What were earth's ages if the grey
restraint

Were never broken and glories
sprang not forth

Bursting their obscure seed, while
man's slow life

Leaped hurried into sudden
splendid paths

By divine words and human gods
revealed?

Impose not upon sentient minds
and hearts

The dull fixity that binds
inanimate things.

Well is the unconscious rule for
the animal breeds

в туманных чашах.

Не пользуйся своею силой,

словно дикая душа Титана!

Не прикасайся к проведённым некогда
границам, к древнему закону,

И уважай спокойствие
великих и укоренившихся вещей."

Савитри так ответила
гигантского размера богу:

"Что за спокойствие ты превозносишь,
о Закон, о Смерть?

Не тот ли плохо видящий,
инертный шаг

Чудовищных энергий,
скованных цепями

в неподвижный круг,

Бездушных, с каменными лицами,
с механистичными мечтами?

Напрасна для души надежда,
если неменяющийся никогда Закон
есть всё:

Всегда для нового и неизведанного
давят, наседают

Спешащие эпохи,
объясняя это Богом.

И чем бы были на земле века,
когда бы мрачные ограничения

Не нарушались никогда,
когда великолепия бы
не неслись вперёд,

Взрывая скрытые источники,
когда бы медленная поступь
жизни человека

Не прыгала бы в спешке,
на нежданные роскошные пути,

Что открываются божественною речью
и гуманными богами?

Зачем навязывать
осознающему уму и сердцу

Тупую неподвижность,
что связала неодоушевленное?

Правленье несознательного
хорошо лишь для домашнего скота,

Content to live beneath the immutable yoke;	Согласного всегда жить с неменяющимся никогда ярмом;
Man turns to a nobler walk, a master path.	А человек повернут к более высокому движению, к пути хозяина.
I trample on thy law with living feet;	Я растопчу своей живой ногою твой закон;
For to arise in freedom I was born.	Я рождена чтоб воспарить в свободу.
If I am mighty let my force be unveiled	И если я сильна, пусть эта сила станет неприкрытой,
Equal companion of the dateless powers,	Как равный компаньон для вечных сил,
Or else let my frustrated soul sink down	Иначе, побеждённая и недостойная для Божества
Unworthy of Godhead in the original sleep.	Пусть упадёт моя душа в первоначальный сон.
I claim from Time my will's eternity,	Я требую у Времени всю вечность мне принадлежащей воли,
God from his moments." Death replied to her,	И Бога у его мгновений." Бог Смерти отвечал,
"Why should the noble and immortal will	"Но почему бессмертная и благородная такая воля
Stoop to the petty works of transient earth,	Должна спускаться до ничтожности работ на временной земле,
Freedom forgotten and the Eternal's path?	Что позабыла и свободу, и дорогу Вечного?
Or is this the high use of strength and thought,	И разве дело это — для такой высокой силы и высокой мысли —
To struggle with the bonds of death and time	Бороться с узами, наложенными временем и смертью,
And spend the labour that might earn the gods	На это тратить труд, достойный подвигов богов,
And battle and bear agony of wounds	Сражаться в битвах и переносить боль ран,
To grasp the trivial joys that earth can guard	Ловить обычные людские радости, которые земля способна сохранить
In her small treasure-chest of passing things?	В своём ничтожном сундучке сокровищ преходящего?
Child, hast thou trodden the gods beneath thy feet	Дитя, своей стопой ты попраля богов

Only to win poor shreds of earthly
 life
 For him thou lov'st cancelling the
 grand release,
 Keeping from early rapture of the
 heavens
 His soul the lenient deities have
 called?
 Are thy arms sweeter than the
 courts of God?"
 She answered, "Straight I trample
 on the road
 The strong hand hewed for me
 which planned our paths.

 I run where his sweet dreadful
 voice commands

 And I am driven by the reins of
 God.
 Why drew he wide his scheme of
 mighty worlds
 Or filled infinity with his
 passionate breath?
 Or wherefore did he build my
 mortal form
 And sow in me his bright and
 proud desires,
 If not to achieve, to flower in me,
 to love,

 Carving his human image richly
 shaped
 In thoughts and largenesses and
 golden powers?
 Far Heaven can wait our coming
 in its calm.
 Easy the heavens were to build for
 God.
 Earth was his difficult matter,
 earth the glory
 Gave of the problem and the race
 and strife.

Лишь чтоб добиться
 жалкого обрывка жизни на земле
 Для своего любимого,
 отвергнув грандиозное освобождение,
 Не подпуская к близкому
 небесному восторгу
 Ту душу, что позвали
 снисходительные боги?
 Ну неужели руки у тебя
 нежней и слаще, чем палаты Бога?"
 Она ответила:
 "Я лишь шагаю прямо по дороге,
 Что прорубила для меня
 могучая рука,
 наметившая нам пути.
 Я лишь бегу туда,
 куда велит его ужасный,
 и в то же время, сладкий голос,
 Я двигаюсь туда,
 куда меня ведут поводья Бога.
 Зачем он расчертил широкий план
 своих могучих царств, миров,
 Зачем дыханьем, полным страсти,
 наполняет бесконечность?
 И для чего он создал для меня
 мой смертный облик
 И поселил во мне свои
 сияющие, гордые желания,
 Как не затем, чтоб достигать их,
 чтоб они цвели во мне,
 чтобы любить,
 Чтоб высекать
 его богатый образ человека
 В прекрасных силах,
 в мыслях, в широте?
 Пусть даль Небес пока что
 тихо ожидает нашего прихода.
 Легко для Бога
 было сделать небеса.
 Земля была задачей потрудней,
 земля дала
 Великолепие проблемы,
 состязания, борьбы.

There are the ominous masks, the terrible powers;	Здесь есть и злые маски и ужасные могущества;
There it is greatness to create the gods.	Но здесь есть и величие, способное творить богов.
Is not the spirit immortal and absolved	И разве дух — бессмертный и освобождённый навсегда —
Always, delivered from the grasp of Time?	Сейчас свободен от захвата Временем?
Why came it down into the mortal's Space?	Иначе бы зачем ему спускаться вниз, в Пространство смертных?
A charge he gave to his high spirit in man	Он дал задание возвышенному духу в человеке
And wrote a hidden decree on Nature's tops.	И подписал сокрытый ото всех указ на верхних этажах Природы.
Freedom is this with ever seated soul,	Его задание — свобода, но с душой на вечном троне,
Large in life's limits, strong in Matter's knots,	Широкая в границах жизни, сильная среди узлов Материи,
Building great stuff of action from the worlds	И возводящая великую ткань действия среди миров,
To make fine wisdom from coarse, scattered strands	Чтобы творить утонченную мудрость из отброшенной и грубой пряди,
And love and beauty out of war and night,	Любовь и красоту — из ночи и войны,
The wager wonderful, the game divine.	Вот — удивительная ставка в той божественной игре.
What liberty has the soul which feels not free	Что за свобода у души, которая не чувствует себя свободной,
Unless stripped bare and cannot kiss the bonds	Пока не обнажится догола, пока не сможет целовать те узы,
The Lover winds around his playmate's limbs,	Что обвивает Любящий вокруг своих друзей,
Choosing his tyranny, crushed in his embrace?	И выбрав тиранию Бога, не будет стиснута в его объятии?
To seize him better with her boundless heart	Чтоб лучше охватить его своим безбрежным сердцем
She accepts the limiting circle of his arms,	Она согласна на ограничения кольца его прекрасных рук,
Bows full of bliss beneath his mastering hands	Она склоняется, в блаженстве под его могучими и властными руками,
And laughs in his rich constraints, most bound, most free.	Смеётся на его обильные ограничения,

This is my answer to thy lures, O
Death."

Immutable, Death's denial met
her cry:
"However mighty, whatever thy
secret name
Uttered in hidden conclaves of the
gods,
Thy heart's ephemeral passion
cannot break
The iron rampart of accomplished
things
With which the great Gods fence
their camp in Space.
Whoever thou art behind thy
human mask,
Even if thou art the Mother of the
worlds
And pegst thy claim upon the
realms of Chance,
The cosmic Law is greater than
thy will.
Even God himself obeys the Laws
he made:
The Law abides and never can it
change,
The Person is a bubble on Time's
sea.
A forerunner of a greater Truth to
come,
Thy soul creator of its freer Law,
Vaunting a Force behind on which
it leans,
A Light above which none but
thou hast seen,
Thou claimst the first fruits of
Truth's victory.

Чем больше связана —
тем более свободна.
Вот мой ответ твоим соблазнам,
Смерть."

Бог Смерти неизменно отвечал
отказом на её призыв:
"Какой бы ты могучей не была,
каким бы тайным именем
не называлась
На скрытых ото всех
собраниях богов,
Недолговечная страсть сердца твоего
не сможет сделать брешь
В железном бастионе
завершённости и совершенства
Которым замечательные Боги
отделяют лагерь свой в Пространстве.
И кем бы не была ты
за свою маской человека,
И даже если ты —
сама Божественная Мать миров
И хочешь бросить требованье
царствам Случая,
Космический Закон
сильней твоей высокой воли.
Ведь даже сам Всевышний
подчиняется Законам, что он создал:
Закон останется
и никогда его ты не изменишь,
А Личность — только пузырьёк
в огромном море Времени.
Предвестник более великой Истины,
которая должна прийти,
Твоя душа — творец другого,
более свободного Закона,
Всё время превозносит Силу
позади себя, свою опору,
И некий Свет над ней,
которого никто пока не видел,
А ты уже сейчас желаешь
первые плоды

But what is Truth and who can find her form	победы этой Истины. Но что это за Истина и кто способен обнаружить форму этой Истины
Amid the specious images of sense, Amid the crowding guesses of the mind And the dark ambiguities of a world Peopled with the incertitudes of Thought? For where is Truth and when was her footfall heard Amid the endless clamour of Time's mart And which is her voice amid the thousand cries That cross the listening brain and cheat the soul? Or is Truth aught but a high starry name Or a vague and splendid word by which man's thought Sanctions and consecrates his nature's choice,	Среди правдоподобных представлений чувств, Среди догадок, что переполняют ум, Средь тёмных двойственностей мира, Где поселилась неопределённость Мысли? Скажи, где — эта Истина, когда услышим мы её шаги Средь нескончаемого гвалта на базаре Времени, Как голос у неё узнать среди тысяч криков, Которые идут сквозь слушающий мозг, которые обманывают душу? А может, Истина — ничто, лишь звёздное возвышенное имя, Иль неотчётливое, но блистательное слово, Которым человеческая мысль стремится освятить, Одобрить выбор, сделанный природой человека, Желанье сердца, одевающее знание как платье, Иль бережно хранимая идея, избранная среди многих избранных, Любимая, особенная мысль, среди порождений полусвета, Которая своим высоким голосом заполнила площадки игр ума, И поселилась в спальнях у него, когда он спал ещё младенцем? Здесь всё висит меж "да" Всевышнего и "нет", Две Силы здесь реальны, но для каждой из тех Сил другая неверна,
The heart's wish donning knowledge as its robe, The cherished idea elect among the elect, Thought's favourite mid the children of half-light Who high-voiced crowd the playgrounds of the mind Or people its dormitories in infant sleep? All things hang here between God's yes and no, Two Powers real but to each other untrue,	

Two consort stars in the mooned
 night of mind
 That towards two opposite
 horizons gaze,
 The white head and black tail of
 the mystic drake,

 The swift and the lame foot, wing
 strong, wing broken

 Sustaining the body of the
 uncertain world,
 A great surreal dragon in the
 skies.
 Too dangerously thy high proud
 truth must live
 Entangled in Matter's mortal
 littleness.
 All in this world is true, yet all is
 false:
 Its thoughts into an eternal cipher
 run,
 Its deeds swell to Time's rounded
 zero sum.

 Thus man at once is animal and
 god,
 A disparate enigma of God's make

 Unable to free the Godhead's form
 within,
 A being less than himself, yet
 something more,

 The aspiring animal, the frustrate
 god
 Yet neither beast nor deity but
 man,
 But man tied to the kind earth's
 labour strives to exceed

Как два супруга, или две звезды,
 в ночи ума луною озарённой,
 Что смотрят в разных,
 противоположных направлениях,
 Одна из Сил
 подобна белой голове,
 Другая — чёрному хвосту
 мистического селезня,
 Там — быстрая нога,
 а там — хромая,
 Здесь сильное крыло,
 а там — крыло подбитое,
 Поддерживают основанье
 ненадёжного, изменчивого мира,
 Великий сюрреалистический дракон,
 парящий в небесах.
 Но в чересчур большой опасности
 должна жить гордая
 Возвышенная истина твоя, опутанная
 смертной малостью Материи.
 Всё в этом мире — истина,
 и всё, при этом, ложь:
 Все мысли в этом мире
 убегают к коду вечного,
 Его дела растут и разрастаются
 до нулевого округлённого
 итога Времени.
 Так, человек одновременно —
 и животное, и бог,
 Несоразмерная загадка,
 созданная Богом,
 И неспособная освободить
 свой образ Божества внутри,
 Он — существо,
 что меньше самого себя,
 и в то же время, что-то большее,
 Он — устремлённое животное,
 он побеждённый бог,
 Но всё ж — не зверь, не божество,
 а человек,
 Но человек, привязанный
 к земным трудам,
 которые стремится превзойти,

Climbing the stairs of God to higher things.	По лестнице Всевышнего взбираясь к более высокому.
Objects are seemings and none knows their truth,	Все вещи — только видимость, никто не знает настоящей истины за ними,
Ideas are guesses of an ignorant god.	Идеи — только озарения незнающего бога.
Truth has no home in earth's irrational breast:	У Истины нет дома в иррациональности груди земли:
Yet without reason life is a tangle of dreams,	Но жизнь без разума — вообще, переплетенье грёз,
But reason is poised above a dim abyss	И разум балансирует над смутной пропастью,
And stands at last upon a plank of doubt.	Встав на одном конце доски сомнения.
Eternal truth lives not with mortal men.	Та истина, которая от Вечного, не может жить со смертными людьми.
Or if she dwells within thy mortal heart,	Но если всё ж она сумела поселиться в смертном сердце у тебя,
Show me the body of the living Truth	То покажи мне тело той живой высокой Истины,
Or draw for me the outline of her face	Или хотя бы обрисуй черты её лица,
That I too may obey and worship her.	Чтоб я мог тоже подчиняться ей и поклоняться.
Then will I give thee back thy Satyavan.	Тогда отдам назад тебе я Сатьявана.
But here are only facts and steel-bound Law.	Но здесь — лишь факты и Закон с его железными границами.
This truth I know that Satyavan is dead	Я знаю истину, что Сатьяван твой — мёртв,
And even thy sweetness cannot lure him back.	И даже сладости твоей не выманить его обратно.
No magic Truth can bring the dead to life,	И ни одна магическая Истина не принесёт умершего обратно в жизнь,
No power of earth cancel the thing once done,	И никакая сила на земле не сможет отменить, что совершилось,
No joy of the heart can last surviving death,	И никакая радость сердца не способна здесь остаться,

No bliss persuade the past to live
again.

But Life alone can solace the mute
Void

And fill with thought the
emptiness of Time.

Leave then thy dead, O Savitri,
and live."

The Woman answered to the
mighty Shade,

And as she spoke, mortality
disappeared;

Her Goddess self grew visible in
her eyes,

Light came, a dream of heaven,
into her face.

"O Death, thou too art God and
yet not He,

But only his own black shadow on
his path

As leaving the Night he takes the
upward Way

And drags with him its clinging
inconscient Force.

Of God unconscious thou art the
dark head,

Of his Ignorance thou art the
impenitent sign,

Of its vast tenebrous womb the
natural child,

On his immortality the sinister
bar.

All contraries are aspects of God's
face.

The Many are the innumerable
One,

The One carries the multitude in
his breast;

He is the Impersonal, inscrutable,
sole,

He is the one infinite Person
seeing his world;

выжив после смерти,
И ни одно блаженство
не уговорит прошедшее
прожить опять.

Одна лишь Жизнь способна
утешать немую Пустоту,

И мыслью наполнять
бессодержательное Время.

Оставь ты умершего своего, Савитри,
и живи."

Могучей Тени
Женщина ответила,

Пока она произносила свой ответ,
всё смертное в ней растворилось,

И внутреннее "я" её Богини
стало видимым в её глазах,

И Свет, мечта небес,
спустился на её лицо.

"Бог Смерти, знаю я — ты тоже Бог,
но всё ж — не Он,

А только чёрное пятно его тени,
лежащее среди его дороги,

Как будто, покидая Ночь,
он начинает восходящий Путь

И тянет за собой свою прилипшую
и бессознательную Силу.

Ты — тёмная вершина
несознания Бога,

Ты — закоснелый знак
его Невежества,

Родное детище
его широкого и сумрачного чрева,

И страшный, злой барьер
перед его бессмертием.

Все противоположности —
лишь стороны лица Всевышнего.

И всё Многообразие —
бесчисленный Единый,

Единый, что несёт всё это множество
в своей груди;

Он — тот Безличный,
одинокий и непостижимый,

Та бесконечная единственная Личность,

The Silence bears the Eternal's
 great dumb seal,
 His light inspires the eternal
 Word;
 He is the Immobile's deep and
 deathless hush,
 Its white and signless blank
 negating calm,
 Yet stands the creator Self, the
 almighty Lord

 And watches his will done by the
 forms of Gods
 And the desire that goads
 half-conscious man

 And the reluctant and unseeing
 Night.
 These wide divine extremes, these
 inverse powers

 Are the right and left side of the
 body of God;
 Existence balanced twixt two
 mighty arms
 Confronts the mind with unsolved
 abysses of Thought.
 Darkness below, a fathomless
 Light above,
 In Light are joined, but sundered
 by severing Mind

 Stand face to face, opposite,
 inseparable,

 Two contraries needed for his
 great World-task,
 Two poles whose currents wake
 the immense World-Force.

 In the stupendous secrecy of his
 Self,

что смотрит на свой мир;
 Безмолвие отмечено
 великою немой печатью Вечного,
 Его свет вдохновляет
 вечно существующее Слово;
 Он — и глубины Неподвижного,
 и тишина без смерти,
 И чистое его, без признаков, пустое,
 отрицающее всё спокойствие,
 И всё же — он встаёт
 как создающее "Я",
 как всемогущий Господин,
 И наблюдает собственную волю,
 исполняемую формами Богов,
 Желанье, что подстёгивает
 полусознающего,
 незнающего человека,
 А также —
 неохотную, невидящую Ночь.
 Те две широкие,
 божественные крайности,
 обратные друг к другу силы —
 Есть правый бок и левый
 тела Бога;
 Существованье, балансируя
 между двумя могучими руками,
 Встречает ум, с его неразрешимую
 пучиной Мысли.
 Так Темнота под нами
 и неизмеримый Свет над нами
 Сливаются в том Свете,
 но разъединяются
 всё-разделяющим Умом,
 Стоящие лицом к лицу,
 хоть и противоположные,
 но всё ж неразделимые,
 Те два противника нужны
 его великому намерению Мира,
 Два полюса, которые
 теченьями своими будят
 необъятность Силы Мира.
 В той изумительной, огромной тайне
 Высшего Божественного "Я",

Above the world brooding with
 equal wings,
 He is both in one, beginningless,
 without end:
 Transcending both, he enters the
 Absolute.
 His being is a mystery beyond
 mind,
 His ways bewilder mortal
 ignorance;
 The finite in its little sections
 parked,
 Amazed, credits not God's
 audacity
 Who dares to be the unimagined
 All
 And see and act as might one
 Infinite.
 Against human reason this is his
 offence,
 Being known to be for ever
 unknowable,
 To be all and yet transcend the
 mystic whole,

 Absolute, to lodge in a relative
 world of Time,

 Eternal and all-knowing, to suffer
 birth,
 Omnipotent, to sport with Chance
 and Fate,

 Spirit, yet to be Matter and the
 Void,
 Illimitable, beyond form or name,

 To dwell within a body, one and
 supreme
 To be animal and human and
 divine:
 A still deep sea, he laughs in
 rolling waves;

Паря над миром
 на двух равных крыльях,
 Он — это два в одном,
 не знающие ни начала, ни конца:
 Превосходя обоих,
 он вступает в Абсолют.
 Его существование —
 тайна за пределами ума,
 Его пути ошеломляют
 смертное невежество;
 Конечное, что притулилось
 на своих коротеньких надедах,
 Лишь поражается,
 не доверяя дерзости Всевышнего,
 Который смеет быть
 невообразимым Всем,
 И действовать, и видеть так,
 как может только Бесконечное.
 И в этом преступление его
 перед рассудком человека —
 Быть существом,
 которое всегда непознаваемо,
 Быть всем на свете,
 и при этом всё ж превосходить
 мистическое целое,
 Быть Абсолютом,
 но селиться в относительном,
 условном мире Времени,
 Быть Вечным и всезнающим,
 однако же терпеть рождение,
 Быть Всемогущим,
 но соревноваться
 и с Судьбой, и с Случаем,
 Быть Духом, и одновременно —
 быть Материей, быть Пустотой,
 Быть Беспредельным,
 вне каких-то форм и имени,
 Жить в теле, но при этом
 быть единым и превосходящим всё,
 Быть зверем, человеком,
 и — божественным:
 Глубокий, тихий океан —
 он улыбается в накате волн;

Universal, he is all, - transcendent, none.	Вселенский, он есть всё, и трансцендентный, он — никто.
To man's righteousness this is his cosmic crime,	По справедливости людей — он совершил космическое преступление,
Almighty beyond good and evil to dwell	Тем, что живет всесильным, за пределами добра и зла,
Leaving the good to their fate in a wicked world	Оставив доброту её судьбе в зловещем мире,
And evil to reign in this enormous scene.	И позволяя злу царить на этой необъятной сцене.
All opposition seems and strife and chance,	Здесь всякое сопротивление, борьба, удача кажутся
An aimless labour with but scanty sense,	Бессмысленным трудом, но лишь для ограниченного чувства,
To eyes that see a part and miss the whole;	Для глаз, что видят только часть, и упускают целое;
The surface men scan, the depths refuse their search:	Здесь люди изучают то, что на поверхности, глубины отвергают их:
A hybrid mystery challenges the view,	Загадочный гибрид бросает вызов взгляду,
Or a discouraging sordid miracle.	Иль некое, убогое, сбивающее с толку чудо.
Yet in the exact Inconscient's stark conceit,	И всё же, в строгом и закостеневшем самоувереньи Несознания,
In the casual error of the world's ignorance	В случайности ошибок общего, вселенского невежества
A plan, a hidden Intelligence is glimpsed.	Мелькает план, и скрытый Интеллект.
There is a purpose in each stumble and fall;	Есть цель во всяком спотыкании, падении;
Nature's most careless lolling is a pose	Лень, беззаботность — только поза для Природы,
Preparing some forward step, some deep result.	Готовящая некий новый шаг, очередной, глубокий результат.
Ingenious notes plugged into a motived score,	Изобретательные ноты вставлены в невидимую партитуру побуждений,
These million discords dot the harmonious theme	И миллионы диссонансов тут и там усеивают гармоничную мелодию
Of the evolution's huge orchestral dance.	Гигантского оркестра, исполняющего танец эволюции.

A Truth supreme has forced the
 world to be;
 It has wrapped itself in Matter as
 in a shroud,
 A shroud of Death, a shroud of
 Ignorance.
 It compelled the suns to burn
 through silent Space,

 Flame-signs of its
 uncomprehended Thought
 In a wide brooding ether's
 formless muse:
 It made of Knowledge a veiled
 and struggling light,
 Of Being a substance nescient,
 dense and dumb,

 Of Bliss the beauty of an
 insentient world.
 In finite things the conscious
 Infinite dwells:
 Involved it sleeps in Matter's
 helpless trance,
 It rules the world from its sleeping
 senseless Void;

 Dreaming it throws out mind and
 heart and soul
 To labour crippled, bound, on the
 hard earth;

 A broken whole it works through
 scattered points;

 Its gleaming shards are Wisdom's
 diamond thoughts,
 Its shadowy reflex our ignorance.

 It starts from the mute mass in
 countless jets,

 It fashions a being out of brain
 and nerve,

Высокая, божественная Истина
 заставила наш мир существовать;
 Она закутала себя в Материю,
 как в саван,
 В огромный саван
 Смерти и Невежества.
 Она заставила гореть
 бесчисленные солнца
 сквозь безмолвное Пространство,
 Как огненные символы
 её непостижимой Мысли
 В аморфном созерцании
 широких дум эфира:
 Она из Знания сделала
 сражающийся, скрытый свет,
 Из чистого Существования —
 субстанцию неведения,
 плотную, немую,
 А из Блаженства —
 красоту бесчувственного мира.
 Во всём конечном
 обитает сознающий Бесконечный:
 Окутанный, беспомощный, он дремлет,
 погрузившись в транс Материи,
 Он правит миром
 из своей бесчувственной
 дремотной Пустоты;
 Мечтая, он бросает сердце,
 ум и душу
 Трудиться искалеченными,
 связанными
 на безжалостной земле;
 Разбитое на части целое —
 он трудится через
 разрозненные точки;
 Его блестящие осколки —
 сверкающие мысли Мудрости,
 Его неясный отблеск —
 наше необъятное невежество.
 Он начинает путь свой
 из безмолвной массы
 в множестве несметных струй,
 Из нервов, мозга —

A sentient creature from its pleasures and pangs.	формирует жизнь, Из удовольствия и боли — чувствующее живое существо.
A pack of feelings obscure, a dot of sense	Толпа неясных ощущений, точка чувства
Survives awhile answering the shocks of life,	Живёт недолго, отвечая на удары жизни,
Then, crushed or its force spent, leaves the dead form,	Затем, разрушившись или растратив силу, оставляет умершую форму,
Leaves the huge universe in which it lived	И оставляет ту огромную вселенную, в которой проживало
An insignificant unconsidered guest.	Как незначительный и неприметный гость.
But the soul grows concealed within its house;	Но всё ж душа растёт, укрытая в своём жилище,
It gives to the body its strength and magnificence;	И дарит телу собственную силу и великолепие;
It follows aims in an ignorant aimless world,	Она стремится к целям в том бесцельном и невежественном мире,
It lends significance to earth's meaningless life.	И придаёт значение бессмысленной земной обычной жизни.
A demigod animal, came thinking man;	Как полубог-животное пришёл на землю думающий человек;
He wallows in mud, yet heavenward soars in thought;	Барахтаясь в грязи, он всё же воспаряет в мыслях к небесам;
He plays and ponders, laughs and weeps and dreams,	Он то задумчив, то играет, то смеётся, то рыдает, то мечтает,
Satisfies his little longings like the beast;	То утоляет мелкие свои желанья, как зверь;
He pores upon life's book with student eyes.	На книге жизни он сосредоточил изучающий свой взгляд.
Out of this tangle of intellect and sense,	Из этой мешанины чувств и интеллекта,
Out of the narrow scope of finite thought	Из узкой области конечной мысли,
At last he wakes into spiritual mind;	В конце концов, он пробуждается в духовный ум;
A high liberty begins and luminous room:	Спускается высокое освобождение и светлое жилище:

He glimpses eternity, touches the
 infinite,
 He meets the gods in great and
 sudden hours,
 He feels the universe as his larger
 self,
 Makes Space and Time his
 opportunity
 To join the heights and depths of
 being in light,
 In the heart's cave speaks secretly
 with God.
 But these are touches and high
 moments lived;
 Fragments of Truth supreme have
 lit his soul,

 Reflections of the sun in waters
 still.
 A few have dared the last supreme
 ascent
 And break through borders of
 blinding light above,
 And feel a breath around of
 mightier air,
 Receive a vaster being's messages

 And bathe in its immense intuitive
 Ray.
 On summit Mind are radiant
 altitudes
 Exposed to the lustre of Infinity,
 Outskirts and dependencies of the
 house of Truth,
 Upraised estates of Mind and
 measureless.
 There man can visit but there he
 cannot live.
 A cosmic Thought spreads out its
 vastitudes;

 Its smallest parts are here
 philosophies

Он может мельком видеть вечность,
 прикоснуться к бесконечности,
 В великие, внезапные часы
 встречается с богами,
 Он начинает ощущать вселенную
 своим огромным "я",
 Пространство, Время
 делает своей возможностью
 Соединить высоты и глубины бытия
 в небесном свете,
 И в нише сердца
 тайно разговаривает с Богом.
 Но это — лишь касания,
 высокие мгновенья, что проходят;
 Осколки высшей Истины
 лишь ненадолго
 озаряют душу у него,
 Как отраженья солнца
 на успокоенной поверхности воды.
 Немногие отваживаются
 на высший, окончательный подъём
 И пробиваются через границы
 ослепляющего света наверху,
 И чувствуют вокруг дыханье
 более могучей атмосферы,
 И получают для себя послания
 от более широкой жизни,
 И омываются безмерностью
 интуитивного Луча.
 Там, на предельной высоте Ума,
 есть лучезарные высоты,
 Открытые сиянью Бесконечности,
 Окраины, колонии
 жилища Истины,
 Имена Ума, возвышенные
 и неизмеримые.
 Туда способен человек прийти,
 но жить не сможет.
 Космическая Мысль
 распространяет в мир
 свои безбрежности;
 Её мельчайшие частицы
 образуют философии,

Challenging with their detailed immensity,	Бросая вызов необъятностью и множеством деталей,
Each figuring an omniscient scheme of things.	И каждая вычерчивает свой всезнающую схему всех вещей.
But higher still can climb the ascending light;	Но восходящий свет способен подниматься выше;
There are vasts of vision and eternal suns,	Там — и просторы виденья, и вечно существующие солнца,
Oceans of an immortal luminousness,	Моря бессмертной ясности и озарённости,
Flame-hills assaulting heaven with their peaks,	И пламенные горы, атакующие небеса своими пиками,
There dwelling all becomes a blaze of sight;	Там — всё живущее становится сиянием взгляда;
A burning head of vision leads the mind,	Пылающая голова у виденья ведёт и направляет ум,
Thought trails behind it its long comet tail;	Мысль оставляет позади кометный длинный хвост;
The heart glows, an illuminate and seer,	Сверкает озарённое, провидческое, сердце
And sense is kindled into identity.	И чувство загорается, становится отождествлением.
A highest flight climbs to a deepest view:	Чем выше получается полёт, тем глубже видение;
In a wide opening of its native sky	Когда случается широкое открытие его родных небес,
Intuition's lightnings range in a bright pack	То озаренья интуиции соединяются в единый ослепительный пучок,
Hunting all hidden truths out of their lairs,	И выгоняют все скрываемые истины из их укрытий,
Its fiery edge of seeing absolute	А огненные лезвия всё видящего абсолюта
Cleaves into locked unknown retreats of self,	Прокладывают путь в закрытые и неизвестные приюты "я",
Rummages the sky-recesses of the brain,	Обыскивают все небесные убежища в мозгу,
Lights up the occult chambers of the heart;	И заливают светом сокровенные палаты сердца;
Its spear-point ictus of discovery	Её остроконечные пульсации открытий
Pressed on the cover of name, the screen of form,	С усилием давят на покровы имени, завесу формы,

Strips bare the secret soul of all
that is.

Thought there has revelation's
sun-bright eyes;

The Word, a mighty and inspiring
Voice,

Enters Truth's inmost cabin of
privacy

And tears away the veil from God
and life.

Then stretches the boundless
finite's last expanse,

The cosmic empire of the Overmind,
Time's buffer state bordering
Eternity,

Too vast for the experience of
man's soul:

All here gathers beneath one
golden sky:

The Powers that build the cosmos
station take

In its house of infinite possibility;

Each god from there builds his
own nature's world;

Ideas are phalanxed like a group
of suns,

Each marshalling his company of
rays.

Thought crowds in masses seized
by one regard;

All Time is one body, Space a
single look:

There is the Godhead's universal
gaze

And there the boundaries of
immortal Mind:

The line that parts and joins the
hemispheres

И раздевают донага
таинственную душу
у всего, что существует.

Там мысли обладают
ясным, словно солнце,
взглядом откровения,

Там Слово, и могучий
вдохновенный Голос
Приходят в самые глубинные покои,
где уединилась Истина,

Срывая прочь завесу
между жизнью и Всевышним.

А дальше тянутся последние просторы
беспредельности конечного,

Космической империи Надразума,
Что окаймляет Вечность
буферною зоной Времени,

И слишком широка для опыта,
познанья человеческой душой:

Всё собирается под золотым
единым небом здесь:

И Силы, что выстраивают космос,
получают для себя основу

В его жилище
нескончаемых возможностей;

Отсюда каждый бог
возводит мир своей природы;

Фалангами, похожие
на яркие созвездья солнц,
стоят идеи,

И каждая ведёт
свою компанию лучей.

Мысль скапливается в большие массы,
которые охвачены
одном вниманием;

Всё Время видится единым телом,
Пространство — как единый облик:

Там есть вселенское
внимательное наблюденье Божества,

Там — пограничные слои
бессмертного Ума:

Граница, отделяющая и соединяющая
эти полусферы,

Closes in on the labour of the Gods Fencing eternity from the toil of Time.	Собой очерчивает труд Богов, И отгораживает вечность от работы Времени.
In her glorious kingdom of eternal light	В своём чудесном царстве вечно существующего света
All-ruler, ruled by none, the Truth supreme,	Все-правлящая, высшая, никем не управляемая Истина,
Omnipotent, omniscient and alone,	Всесильная, всезнающая и единственная,
In a golden country keeps her measureless house;	Хранит своё безмерное жилище в этой золотой стране;
In its corridor she hears the tread that comes	Она в своём огромном коридоре слушает шаги,
Out of the Unmanifest never to return	Которые идут из Непроявленного, и никогда не возвращаются,
Till the Unknown is known and seen by men.	Пока Неведомое не увидят, не узнают люди.
Above the stretch and blaze of cosmic Sight,	Над широтою и сиянием космического Зрения,
Above the silence of the wordless Thought,	И над безмолвной тишиной бессловесной Мысли
Formless creator of immortal forms,	Бесформенный творец бессмертных форм,
Nameless, investitured with the name divine,	Неназванная, но имеющая право на божественное имя,
Transcending Time's hours, transcending Timelessness,	Превосходя часы во Времени, превосходя Вневремяе,
The Mighty Mother sits in lucent calm	Могучая Божественная Мать сидит в сиянии тишины,
And holds the eternal Child upon her knees	Качает на своих коленях вечного Младенца,
Attending the day when he shall speak to Fate.	И ожидает дня, когда начнёт он говорить с Судьбой.
There is the image of our future's hope;	Там — образ наших планов и надежд грядущего;
There is the sun for which all darkness waits,	Там — солнце, по которому давно уже вся тьма заждалась,
There is the imperishable harmony;	Там существует нерушимая гармония;
The world's contradictions climb to her and are one:	К ней поднимаются противоречья мира и в ней становятся едины:
There is the Truth of which the world's truths are shreds,	Там — Истина, перед которой

The Light of which the world's
ignorance is the shade

Till Truth draws back the shade
that it has cast,

The Love our hearts call down to
heal all strife,

The Bliss for which the world's
derelict sorrows yearn:

Thence comes the glory
sometimes seen on earth,

The visits of Godhead to the
human soul,

The Beauty and the dream on
Nature's face.

There the perfection born from
eternity

Calls to it the perfection born in
Time,

The truth of God surprising
human life,

The image of God overtaking
finite shapes.

There in a world of everlasting
Light,

In the realms of the immortal
Supermind

Truth who hides here her head in
mystery,

Her riddle deemed by reason
impossible

In the stark structure of material
form,

Unenigmaed lives, unmasked her
face and there

Is Nature and the common law of
things.

There in a body made of spirit
stuff,

The hearth-stone of the everliving
Fire,

все другие истины вселенной —
лоскутки,

Там — Свет, перед которым
всё невежество вселенной —
лишь защитное стекло,

Что существует лишь пока
та Истина его не уберёт обратно,
Любовь — которую зовут сердца сюда,
чтоб исцелить все споры и раздоры,

Блаженство — то, к чему стремятся
все отвергнутые беды мира:

Оттуда сходит слава,
временами видимая на земле,

Оттуда к человеческой душе
приходит Божество,

Приходит Красота с мечтою
на лице Природы.

Там — совершенство,
рождённое от вечности,

Зовёт другое совершенство,
рождённое во Времени,

Ту истину Всевышнего,
что поражает человеческую жизнь,

Тот образ Бога, что охватывает
все конечные обличия и формы.

В высоком мире
вечно длящегося Света,

И во владениях
бессмертного Сверхразума

Та Истина, которая
здесь прячет голову в мистерии,

И для рассудка кажется
неразрешимую загадкой

Среди застывшей схемы
из материальных форм,

Живёт разгаданной,
с лица откинув маску,

И там есть высшая Природа,
общепринятый закон всего.

Там, в теле, сотворённым
из материала духа,

На сделанном из камня очаге
горящего всегда Огня,

Action translates the movements of the soul,	Любое действие передаёт движения души,
Thought steps infallible and absolute	Мысль движется непогрешимыми и абсолютными шагами,
And life is a continual worship's rite,	А жизнь становится безостановочным богослужением,
A sacrifice of rapture to the One.	И жертвоприношением Единому восторга.
A cosmic vision, a spiritual sense	Космическое зреньё, ощущенье духа,
Feels all the Infinite lodged in finite form	Воспринимает всё как Бесконечность, что живёт в конечной форме,
And seen through a quivering ecstasy of light	И видит всё через экстаз трепещущего света,
Discovers the bright face of the Bodiless,	И открывает для себя живой лик Бестелесного,
In the truth of a moment, in the moment's soul	Который в истине мгновения, в душе момента
Can sip the honey-wine of Eternity.	Способен медленно потягивать медовое вино, напиток Вечности.
A Spirit who is no one and innumerable,	Тот Дух, что не один и не бесчисленный,
The one mystic infinite Person of his world	Единственная бесконечная мистическая Личность в собственной вселенной
Multiplies his myriad personality,	Рождает, множит мириад ему принадлежащих личностей,
On all his bodies seals his divinity's stamp	На всех своих телах он отпечатывает штамп своей божественности,
And sits in each immortal and unique.	И в каждом он сидит, бессмертный и неповторимый.
The Immobile stands behind each daily act,	За всяким делом повседневности стоит тот Неподвижный,
A background of the movement and the scene,	Как задний фон для действия, как сцена,
Upholding creation on its might and calm	Поддерживая всё творение своим могуществом и тишиной,
And change on the Immutable's deathless poise.	А изменение — бессмертным равновесьем Неизменного;
The Timeless looks out from the travelling hours;	Из путешествующих дней, часов на нас глядит Безвремяе,
The Ineffable puts on a robe of speech	Невыразимое накидывает

Where all its words are woven like
 magic threads
 Moving with beauty, inspiring
 with their gleam,
 And every thought takes up its
 destined place
 Recorded in the memory of the world.
 The Truth supreme, vast and
 impersonal
 Fits faultlessly the hour and
 circumstance,
 Its substance a pure gold ever the
 same

But shaped into vessels for the
 spirit's use,
 Its gold becomes the wine jar and
 the vase.

All there is a supreme epiphany:

The All-Wonderful makes a
 marvel of each event,
 The All-Beautiful is a miracle in
 each shape;

The All-Blissful smites with
 rapture the heart's throbs,
 A pure celestial joy is the use of
 sense.

Each being there is a member of
 the Self,

A portion of the million-thoughted
 All,

A claimant to the timeless Unity,
 The many's sweetness, the joy of
 difference

Edged with the intimacy of the
 One.

"But who can show to thee
 Truth's glorious face?
 Our human words can only
 shadow her.

одеянье речи,
 В котором все его слова —
 вплетённые магические нити,
 И движется своею красотой,
 и вдохновляется своим свечением,
 И каждой мысли он даёт своё,
 ей предназначенное место,
 Записанное в память мира.
 Та Истина, широкая, безличная,
 и наивысшая,
 Безукоризненно нам подбирает
 час и обстоятельство,
 Её субстанция — как чистое,
 беспримесное золото,
 всегда одна и та же,
 Но помещённая в сосуды
 для использования духом,
 То золото способно стать
 и вазой, и кувшином для вина.
 Там всё — высокое
 богоявление Всевышнего:
 Там Все-Чудесный необыкновенное
 творит из каждого события,
 Там Все-Прекрасный —
 это чудо в каждой форме;
 Там Все-Блаженный
 восхищает каждое биенье сердца,
 А чистая божественная радость —
 смысл и назначенье чувств.
 Любое существо там входит
 в Высшее Божественное "Я"
 Как часть Всего,
 с его бесчисленными мыслями,
 Как претендент на вечное Единство,
 На сладость множества,
 на радость от различия,
 Что только заостряется
 от близости к Единому.

"Но кто способен показать тебе
 прекрасный облик Истины?
 Обычные слова людей
 её способны только затуманить.

To thought she is an unthinkable rapture of light,	Для мысли Истина — немыслимый восторг сиянья света,
To speech a marvel inexpressible.	Для речи Истина — неописуемое чудо.
O Death, if thou couldst touch the Truth supreme	Бог Смерти, если б ты сумел коснуться высшей Истины,
Thou wouldst grow suddenly wise and cease to be.	То в тот же миг ты стал бы мудрецом и прекратил своё существование.
If our souls could see and love and clasp God's Truth,	И если наши души смогут уловить, увидеть, полюбить Божественную Истину,
Its infinite radiance would seize our hearts,	То бесконечное её сияние окутает сердца
Our being in God's image be remade	И наше существо всё будет перестроено по образу Всевышнего,
And earthly life become the life divine."	И жизнь земная превратится в жизнь божественную."
Then Death the last time answered Savitri:	Затем, в последний раз Бог Смерти отвечал Савитри:
"If Truth supreme transcends her shadow here	"Но если эта Истина так высока и превосходит здесь свою земную тень,
Severed by Knowledge and the climbing vasts,	И так отделена высоким Знанием и восходящими просторами,
What bridge can cross the gulf that she has left	То может ли быть мост, чтоб пересечь ту пропасть, что оставила она
Between her and the dream-world she has made?	Между собой и миром-сном, который ею создан?
Or who could hope to bring her down to men	И кто бы мог надеяться спустить её с высот и принести вниз к людям,
And persuade to tread the harsh globe with wounded feet	И убедить ступить ранимую стопой на грубую планету,
Leaving her unapproachable glory and bliss,	Оставить недоступное своё блаженство и великолепие,
Wasting her splendour on pale earthly air?	И тратить блеск на тусклую земную атмосферу?
Is thine that strength, O beauty of mortal limbs,	В твоих ли силах это, о прекраснейшая среди смертных тел,

O soul who flutterest to escape my
net?

Who then art thou hiding in
human guise?

Thy voice carries the sound of
infinity,

Knowledge is with thee, Truth
speaks through thy words;

The light of things beyond shines
in thy eyes.

But where is thy strength to
conquer Time and Death?

Hast thou God's force to build
heaven's values here?

For truth and knowledge are an
idle gleam

If Knowledge brings not power to
change the world,

If Might comes not to give to
Truth her right.

A blind Force, not Truth has made
this ignorant world,

A blind Force, not Truth orders
the lives of men:

By Power, not Light, the great
Gods rule the world;

Power is the arm of God, the seal
of Fate.

O human claimant to immortality,

Reveal thy power, lay bare thy
spirit's force,

Then will I give back to thee
Satyavan.

Or if the Mighty Mother is with
thee,

Show me her face that I may
worship her;

Let deathless eyes look into the
eyes of Death,

Душа, что бьётся,
чтобы избежать моих сетей?

И кто же ты тогда,
сокрытая под маской человека?

Твой голос отзывается
звучаньем бесконечности,

Ты обладаешь Знанием,
и Истина звучит в твоих словах;

В глазах сияет
отблеск запредельного.

Но где твоё могущество,
чтоб покорить

и Смерть, и Время?

И есть ли сила Бога у тебя,
чтобы установить

здесь ценности небес?

Ведь если Знание не приносит силы
изменить наш мир,

И если Мощь приходит не за тем,
чтоб Истину восстановить в правах.

То истина и знанье
остаются бесполезным блеском,

Слепая Сила, а не Истина
создала наш невежественный мир,

Слепая Сила, а не Истина
распоряжается и направляет
жизнь людей:

И Силой, а не Светом,
управляют миром здесь
великие, неопишуемые Боги;

И Сила здесь — рука Всевышнего,
печать Судьбы.

О человек, ты претендуешь
на бессмертие,

Так покажи свою мне силу,
обнажи мощь духа,

Тогда отдам назад
тебе я Сатьявана.

Иль если за тобой
Могучая Божественная Мать,

То покажи мне лик её,
что я мог перед нею преклониться;

И пусть бессмертные глаза

An imperishable Force touching
brute things
Transform earth's death into
immortal life.
Then can thy dead return to thee
and live.
The prostrate earth perhaps shall
lift her gaze
And feel near her the secret body
of God
And love and joy overtake fleeing
Time."

And Savitri looked on Death and
answered not.
Almost it seemed as if in his
symbol shape
The world's darkness had
consented to Heaven-light
And God needed no more the
Inconscient's screen.
A mighty transformation came on
her.
A halo of the indwelling Deity,
The Immortal's lustre that had lit
her face
And tented its radiance in her
body's house,
Overflowing made the air a
luminous sea.
In a flaming moment of
apocalypse
The Incarnation thrust aside its
veil.
A little figure in infinity
Yet stood and seemed the
Eternal's very house,
As if the world's centre was her
very soul
And all wide space was but its
outer robe.

посмотрят в очи Смерти,
И пусть неувядаемая Мощь,
коснувшись бессознательных вещей
Преобразует здесь земную смерть
в бессмертье жизни.
Тогда, возможно, умерший
к тебе вернётся, сможет жить.
И распростёртая земля,
свой взгляд поднимет вверх,
И ощутит вблизи себя
скрываемое тело Бога,
А радость и любовь
наполнят пролетающее Время."

Савитри кинула свой взгляд
на Бога Смерти, не ответив.
И на мгновенье показалось,
что в этом символическом обличии
Тьма мира согласилась уступить
пред светом из Небес
И ширма Несознания
Богу больше не нужна.
Могучее преображенье
опустилось на неё.
И ореол живущего в ней Божества,
Сияние Бессмертного,
её лицо залило светом,
Наполнило своим сверканием
её телесный дом,
Переполюня воздух,
превратив его в светящееся море.
В пылавшее огнём
мгновенье апокалипсиса
То Воплощение Божественного
сбросило свою вуаль.
Её фигура, маленькая в бесконечности,
Ещё стояла и казалась
самым главным домом Вечного,
Как если бы её душа
отныне стала центром мира,
А всё широкое пространство —
только внешним одеянием.

A curve of the calm hauteur of far
heaven

Descending into earth's humility,
Her forehead's span vaulted the
Omniscient's gaze,

Her eyes were two stars that
watched the universe.

The Power that from her being's
summit reigned,

The Presence chambered in lotus
secrecy,

Came down and held the centre in
her brow

Where the mind's Lord in his
control-room sits;

There throned on concentration's
native seat

He opens that third mysterious eye
in man,

The Unseen's eye that looks at the
unseen,

When Light with a golden ecstasy
fills his brain

And the Eternal's wisdom drives
his choice

And eternal Will seizes the
mortal's will.

It stirred in the lotus of her throat
of song,

And in her speech throbbed the
immortal Word,

Her life sounded with the steps of
the world-soul

Moving in harmony with the
cosmic Thought.

As glides God's sun into the
mystic cave

Where hides his light from the
pursuing gods,

It glided into the lotus of her heart

Спокойная уверенная гордость
отдалённых царств небес,

Сошедших вниз, в смирение земли,
Была в изгибах лба,
увенчиваясь взглядом,

виденьем Всезнающего,
Её глазами, что как две звезды,
смотрели на вселенную.

Та Сила, что царила
на вершине существа её,

И то Присутствие, что поселилось
в тайном лотосе,

Спустились вниз
и овладели центром
меж её бровей,

Где Господин ума
сидит в центральной комнате,
откуда управляет всем;

И там, по праву
сев на троне концентрации,

Он открывает тайный
третий глаз у человека,

Особый глаз Незримого,
что смотрит на невидимое,

Когда Свет золотым экстазом
заполняет мозг

И мудрость Вечного
умело направляет выбор человека,

И вечно существующая Воля
проникает в волю смертного.

Волнуясь песней
в лотосе её гортани,

Пульсируя своим
бессмертным Словом в речи,

Жизнь стала в ней созвучна
шагу мировой души

И двигалась в гармонии
с космической Мыслью.

Как солнце Бога плавно опускается
в мистическую полость,

Где прячет свет свой
от преследования богов,

Она¹ скользнула

And woke in it the Force that
 alters Fate.
 It poured into her navel's lotus
 depth,
 Lodged in the little life-nature's
 narrow home,
 On the body's longings grew
 heaven-rapture's flower
 And made desire a pure celestial
 flame,
 Broke into the cave where coiled
 World-Energy sleeps

 And smote the thousand-hooded
 serpent Force
 That blazing towered and clasped
 the World-Self above,
 Joined Matter's dumbness to the
 Spirit's hush
 And filled earth's acts with the
 Spirit's silent power.
 Thus changed she waited for the
 Word to speak.

 Eternity looked into the eyes of
 Death
 And Darkness saw God's living
 Reality.
 Then a Voice was heard that
 seemed the stillness' self
 Or the low calm utterance of
 infinity
 When it speaks to the silence in
 the heart of sleep.
 "I hail thee, almighty and
 victorious Death,
 Thou grandiose Darkness of the
 Infinite.
 O Void that makest room for all to
 be,
 Hunger that gnawest at the
 universe

в лотос сердца у неё
 И разбудила то Могущество,
 которое способно изменить Судьбу.
 Она влилась
 в глубокий лотос живота,
 И поселилась в узком доме
 маленькой природы жизни,
 Стремленье тела сделала
 цветением небесного восторга,
 Желание — небесным
 чистым пламенем,
 Ворвавшись в нишу,
 где спала, свернувшись кольцами,
 Всемирная Энергия,
 Она ударила по змеевидной Силе
 с тысячами капюшонов,
 Что поднялась, сверкая
 и обняла Мировое "Я" над нею,
 Соединила с тишиною Духа
 немоту Материи,
 Наполнила земные действия
 безмолвной силой Духа.
 Пройдя сквозь эти перемены,
 Савитри ожидала Слова,
 которое она должна сказать.
 И Вечность посмотрела
 в очи бога Смерти,
 И Тьма увидела
 ожившую Реальность Бога.
 Затем стал слышен Голос,
 что казался сутью тишины,
 Спокойным низким тоном,
 отражавшим бесконечность,
 Когда та говорит с безмолвием
 в глубокой сердцевине сна.
 "Приветствую тебя, бог Смерти,
 всемогущий и победоносный,
 Ты — грандиозная
 Тьма Бесконечности.
 О Пустота, что создала пространство
 для всего, что может появиться,
 О голод, что терзает

¹ Сила, прим. пер.

Consuming the cold remnants of
 the suns
 And eatst the whole world with
 thy jaws of fire,
 Waster of the energy that has
 made the stars,
 Inconscience, carrier of the seeds
 of thought,
 Nescience in which
 All-Knowledge sleeps
 entombed
 And slowly emerges in its hollow
 breast
 Wearing the mind's mask of bright
 Ignorance.
 Thou art my shadow and my
 instrument.
 I have given thee thy awful shape
 of dread
 And thy sharp sword of terror and
 grief and pain
 To force the soul of man to
 struggle for light
 On the brevity of his
 half-conscious days.
 Thou art his spur to greatness in
 his works,
 The whip to his yearning for
 eternal bliss,
 His poignant need of immortality.

 Live, Death, awhile, be still my
 instrument.
 One day man too shall know thy
 fathomless heart
 Of silence and the brooding peace
 of Night
 And grave obedience to eternal
 Law
 And the calm inflexible pity in thy
 gaze.
 But now, O timeless Mightiness,
 stand aside

всю вселенную
 И поглощает внутрь себя
 холодные останки солнц,
 А после — пожирает целый мир
 своими огненными челюстями,
 О расточитель той энергии,
 что сотворила звёзды,
 О несознание, что приносит
 семя мысли,
 Неведенье, в котором,
 похороненный,
 спит сам Все-Знающий,
 И постепенно проявляется
 в его пустой груди,
 На ум натягивая
 маску яркого Невежества.
 Ты моя тень,
 и ты — мой инструмент.
 Я некогда дала тебе
 кошмарный образ страха,
 И острый меч мученья,
 ужаса и боли,
 Чтобы заставить душу человека
 пробиваться к свету
 В летящей быстротечности
 его наполовину сознающих дней.
 Ты — шпоры для его
 величия в трудах,
 Ты — хлыст его стремленья
 к вечному блаженству,
 Ты — острая его нужда
 в бессмертии.
 Живи, пока, Бог Смерти,
 послужи ещё моим орудием.
 Однажды человек узнает
 о твоём бездонном сердце тишины,
 Узнает твой задумчивый
 покой Ночи,
 И строгую покорность
 вечному Закону,
 Спокойное и несигаемое
 сострадание в твоих глазах.
 Однако же, сейчас,

And leave the path of my
 incarnate Force.
 Relieve the radiant God from thy
 black mask:
 Release the soul of the world
 called Satyavan
 Freed from thy clutch of pain and
 ignorance
 That he may stand master of life
 and fate,
 Man's representative in the house
 of God,
 The mate of Wisdom and the
 spouse of Light,
 The eternal bridegroom of the
 eternal bride."
 She spoke; Death unconvinced
 resisted still,

 Although he knew refusing still to
 know,
 Although he saw refusing still to
 see.
 Unshakable he stood claiming his
 right.
 His spirit bowed; his will obeyed
 the law
 Of its own nature binding even on
 Gods.
 The Two opposed each other face
 to face.
 His being like a huge fort of
 darkness towered;
 Around it her light grew, an
 ocean's siege.

 Awhile the Shade survived
 defying heaven:
 Assailing in front, oppressing
 from above,
 A concrete mass of conscious
 power, he bore

о вечное Могущество,
 посторонись,
 Освободи путь для моей
 особой, воплощённой Силы.
 Избавь сияющего Бога
 от твоей ужасной чёрной маски:
 Освободи же душу мира,
 что зовётся Сатьяваном,
 И выпусти его
 из хватки боли и невежества,
 Чтоб он мог стать
 хозяином судьбы и жизни,
 И представителем людей
 в жилище Бога,
 Товарищем для Мудрости,
 супругом Света,
 И вечным женихом,
 что обручился с вечною невестой."
 Она сказала; но Бог Смерти,
 до конца неубеждённый
 всё ещё сопротивлялся,
 Хотя он понял,
 он отказывался понимать,
 Хотя он видел,
 он отказывался видеть.
 Неколебимо он стоял,
 отстаивая собственное право.
 Склонился дух его;
 и воля стала подчиняться
 Закону собственной его природы,
 обязательному даже для Богов.
 Так эти Двое противостояли,
 встретившись лицом к лицу.
 Бог Смерти высился
 огромным бастионом тьмы;
 Вокруг же разгорался свет её,
 и осаждал ту крепость
 словно океан.
 Пока что Мрак выдерживал,
 бросая вызов небесам:
 Его атаковала в лоб,
 придавливая сверху
 Своею плотной массой

The tyranny of her divine desire.

A pressure of intolerable force

Weighed on his unbowed head
and stubborn breast;

Light like a burning tongue licked
up his thoughts,

Light was a luminous torture in
his heart,

Light coursed, a splendid agony,
through his nerves;

His darkness muttered perishing in
her blaze.

Her mastering Word commanded
every limb

And left no room for his enormous
will

That seemed pushed out into some
helpless space

And could no more re-enter but
left him void.

He called to Night but she fell
shuddering back,

He called to Hell but sullenly it
retired:

He turned to the Inconscient for
support,

From which he was born, his vast
sustaining self;

It drew him back towards
boundless vacancy

As if by himself to swallow up
himself:

He called to his strength, but it
refused his call.

His body was eaten by light, his
spirit devoured.

At last he knew defeat inevitable

энергия сознания,

Но он выдерживал, пока что, тиранию
её небесного желания.

Давление невыносимой силы
навалилось

На неподатливую грудь,
и на его упрямую

и не склонившуюся голову;

Свет, словно языками пламени,
лизал его идеи, мысли,

Свет превратился в яркую,
сверкающую пытку в сердце,

Свет разливался как
роскошная агония по нервам;

Его тьма бормотала,
исчезая в том сиянии.

Её повелевающее Слово управляло
каждой частью тела у него,

Не оставляя места
для его огромной воли,

Которая была, казалось,
вытолкнута в некое беспомощное,
бесполезное пространство

И не могла войти назад,
ему оставив только пустоту.

Он стал звать Ночь,
но та упала, содрогаясь, навзничь,

Он стал звать Ад,
но тот угрюмо отступил:

Он повернулся за поддержкой
к Несознанию,

Где был рождён, к его широкому,
поддерживающему "я";

Но Несознание стало
вдруг тянуть его назад,
к бездонной пустоте,

Как будто бы хотело
поглотить себя самим собой:

Он стал звать собственную силу,
но она отвергла зов.

Свет пожирал всё тело у него,
уничтожая дух.

И, наконец, признал он

And left crumbling the shape that he had worn, Abandoning hope to make man's soul his prey	неизбежность поражения, Оставил распадавшуюся форму, что одел, И отказался от надежды душу человека превратить в добычу, Бессмертный дух заставить поступать подобно смертному.
And force to be mortal the immortal spirit.	Он улетел куда-то вдаль, сбегая от её ужасного касания, И в отступающей Ночи нашёл себе убежище.
Afar he fled shunning her dreaded touch And refuge took in the retreating Night.	Так в грёзах сумрака об этом символическом мире Исчезла страшная космическая Тень, И растворилась в Пустоте, откуда некогда пришла.
In the dream twilight of that symbol world The dire universal Shadow disappeared Vanishing into the Void from which it came.	И словно потеряв первоначальную причину, То царство сумерек неторопливо исчезало, уходя из душ, И Сатьяван с Савитри оказались здесь одни.
As if deprived of its original cause, The twilight realm passed fading from their souls,	Но ничего не шевельнулось: между их фигурами поднялась Безмолвная, незримая, прозрачная стена.
And Satyavan and Savitri were alone. But neither stirred: between those figures rose A mute invisible and translucent wall.	В той незаполненной и долгой паузе никто не мог ни двинуться, ни шевельнуться.
In the long blank moment's pause nothing could move:	Всё ожидало неизвестной, неисповедимой Воли.
All waited on the unknown inscrutable Will.	

End of Canto Four
End of Book Ten

Конец четвёртой песни
Конец десятой книги

Book Eleven
THE BOOK
OF EVERLASTING DAY

Canto I
THE ETERNAL DAY:
THE SOUL'S CHOICE
AND THE SUPREME
CONSUMMATION

A marvellous sun looked down
from ecstasy's skies
On worlds of deathless bliss,
perfection's home,
Magical unfoldings of the
Eternal's smile
Capturing his secret heart-beats of
delight.
God's everlasting day surrounded
her,
Domains appeared of sempiternal
light
Invading all Nature with the
Absolute's joy.
Her body quivered with eternity's
touch,
Her soul stood close to the founts
of the infinite.
Infinity's finite fronts she lived in,
new
For ever to an everliving sight.

Eternity multiplied its vast
self-look
Translating its endless mightiness
and joy
Into delight souls playing with
Time could share

Книга Одиннадцатая
КНИГА
ВЕЧНО ДЛЯЩЕГОСЯ ДНЯ

Песня I
ВЕЧНЫЙ ДЕНЬ:
ВЫБОР ДУШИ
И ВЫСШЕЕ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ

С небес экстаза вниз смотрело
удивительное солнце
На дом, где обитает совершенство,
и на миры бессмертного блаженства,
И на волшебное раскрытие
улыбки Вечного,
Хранящей тайное своё
сердцебиение восторга.
Сиявший, вечно длящийся День Бога
окружал её,
Открылись сферы
вечно существующего света,
Захватывая всю Природу
наслажденьем Абсолюта.
Всё тело у Савитри трепетало
от касанья вечности,
Душа её стояла рядом
с родниками бесконечности.
Конечные фасады Бесконечного,
в которых до сих пор жила она,
Казались вечно новыми
всегда живому взору.
Здесь Вечность множила
обширный взгляд свой на себя
И превращала нескончаемую
радость и могущество
В восторг души,
играющей со Временем,
способной погрузиться

In grandeurs ever new-born from the unknown depths,	В ту грандиозность вечно нового рожденья из неведомых глубин,
In powers that leaped immortal from unknown heights,	И в силы, что, бессмертные, выпрыгивали из неведомых высот,
In passionate heart-beats of an undying love,	И в страстные сердцебиения неумирающей любви,
In scenes of a sweetness that can never fade.	И в сцены сладости, что никогда не блекнет.
Immortal to the rapturous heart and eyes,	Бессмертная для восхищённых глаз и радостного сердца,
In serene arches of translucent calm	Под безмятежным сводом ясного спокойствия
From Wonder's dream-vasts cloudless skies slid down	Из грёз-пространств безоблачного неба Чуда
An abyss of sapphire; sunlight visited eyes	Скользнула вниз громада синевы; свет солнца падал ей в глаза,
Which suffered without pain the absolute ray	Что выносили без страдания луч абсолюта
And saw immortal clarities of form.	И видели бессмертную прозрачность формы.
Twilight and mist were exiles from that air,	Туман и сумерки из этой атмосферы были изгнаны совсем,
Night was impossible to such radiant heavens.	И Ночь была бы невозможна при таких сиявших небесах.
Firm in the bosom of immensity	Она увидела в глубинах той безмерности
Spiritual breadths were seen, sublimely born	Надёжные духовные просторы, их великое рождение
From a still beauty of creative joy;	Из тихой красоты творящей радости;
Embodied thoughts to sweet dimensions held	И мысли, воплощённые для пониманья радующей многомерности
To please some carelessness of divine peace,	Для наслажденья некой беззаботностью божественного мира и покоя
Answered the deep demand of an infinite sense	Несли ответ глубоким требованиям чувства бесконечности,
And its need of forms to house its bodiless thrill.	Его необходимости свой бестелесный трепет поселить в конкретных формах.
A march of universal powers in Time,	Движенье, марш вселенских сил во Времени,
The harmonic order of self's vastitudes	Наполненный гармонией порядок

In cyclic symmetries and metric planes	просторов внутреннего "я"
Harboured a cosmic rapture's revelry,	В циклических симметриях, метрических проекциях
An endless figuring of the spirit in things	Дал место для космического кутежа восторга
Planned by the artist who has dreamed the worlds;	И нескончаемого проявленья духа в множестве вещей,
Of all the beauty and the marvel here,	Намеченное мастером, задумавшим все эти планы и миры;
Of all Time's intricate variety	Для всех чудес, всего прекрасного, что существует здесь,
Eternity was the substance and the source;	И для всего замысловатого разнообразия, богатства Времени,
Not from a plastic mist of Matter made,	Субстанцией для них, источником всегда являлась Вечность;
They offered the suggestion of their depths	И сотворённые не из пластичной мглы Материи,
And opened the great series of their powers.	Они выслушивали указания своих глубин
Arisen beneath a triple mystic heaven	И, подчиняясь, открывали необъятные ряды своих могуществ.
The seven immortal earths were seen, sublime:	Она увидела, как поднимались под мистичными тройными небесами
Homes of the blest released from death and sleep	Семь гордых и возвышенных земель бессмертных:
Where grief can never come nor any pang	Дома блаженства, ставшего свободным и от смерти, и от сна,
Arriving from self-lost and seeking worlds	Места, куда ни боль, ни горе никогда не доберутся,
Alter Heaven-nature's changeless quietude	Явившись из миров, утративших себя и ищущих себя,
And mighty posture of eternal calm,	Сменяли неизменное спокойствие Божественной природы,
Its pose of ecstasy immutable.	Наполненное силой состоянье вечной тишины,
Plains lay that seemed the expanse of God's wide sleep,	Их позу нерушимого экстаза. Пред нею расстилались вдаль равнины, похожие на продолжение обширного сна Бога,
Thought's wings climbed up towards heaven's vast repose	И мысли воспаряли вверх, на крыльях, к широте отдохновения небес,
Lost in blue deeps of immortality.	Терявшемуся в синей глубине бессмертия.

A changed earth-nature felt the
 breath of peace.
 Air seemed an ocean of felicity

 Or the couch of the unknown
 spiritual rest,
 A vast quiescence swallowing up
 all sound
 Into a voicelessness of utter bliss;
 Even Matter brought a close
 spiritual touch,
 All thrilled with the immanence of
 one divine.
 The lowest of these earths was
 still a heaven
 Translating into the splendour of
 things divine
 The beauty and brightness of
 terrestrial scenes.
 Eternal mountains ridge on
 gleaming ridge
 Whose lines were graved as on a
 sapphire plate
 And etched the borders of
 heaven's lustrous noon
 Climbed like piled temple stairs
 and from their heads

 Of topless meditation heard below

 The approach of a blue pilgrim
 multitude
 And listened to a great arriving
 voice
 Of the wide travel hymn of
 timeless seas.
 A chanting crowd from mountain
 bosoms slipped
 Past branches fragrant with a sigh
 of flowers
 Hurrying through sweetnesses
 with revel leaps;
 The murmurous rivers of felicity

Земная изменённая природа
 ощущала неизменное дыхание покоя.
 Сам воздух здесь казался
 океаном счастья
 Иль ложем для духовного
 неведомого отдыха,
 Обширной неподвижностью,
 что поглощала всякий звук
 В безмолвии предельного блаженства;
 И даже от Материи
 шло близкое духовное касание,
 Всё трепетало от единой
 неотъемлемой божественности.
 В тех землях даже низший уровень
 всё ж оставался небесами,
 Что делали божественным
 великолепием
 И красоту, и яркость
 наших сцен земли.
 Здесь вечные вершины громоздились
 на мерцающих других вершинах,
 Чьи очертанья были словно вырезаны
 на сапфировом листе
 С гравюрой постепенных уровней
 сияния небесного зенита,
 И, поднимаясь, словно лестница
 к какому-то огромному
 неведомому храму,
 С вершин предельной медитации
 они могли услышать далеко внизу
 Как приближались многочисленные,
 верные им пилигримы,
 И вслушаться в великий,
 нараставший голос
 Широкого блуждающего гимна
 вечных океанов.
 Поющая толпа
 легко спустилась с гор
 Сквозь аромат ветвей
 со вздохами цветов,
 Спеша по этой сладости
 весёлыми прыжками;
 Слегка рокошующие реки счастья

Divinely rippled honey-voiced
desires,
Mingling their sister eddies of
delight,
Then, widening to a pace of
calm-lipped muse,
Down many-glimmered estuaries
of dream
Went whispering into lakes of
liquid peace.
On a brink held of senseless
ecstasy
And guarding an eternal poise of
thought
Sat sculptured souls dreaming by
rivers of sound
In changeless attitudes of marble
bliss.
Around her lived the children of
God's day
In an unspeakable felicity,

A happiness never lost, the
immortal's ease,
A glad eternity's blissful
multitude.
Around, the deathless nations
moved and spoke,
Souls of a luminous celestial joy,

Faces of stark beauty, limbs of the
moulded Ray;
In cities cut like gems of
conscious stone

And wonderful pastures and on
gleaming coasts
Bright forms were seen, eternity's
luminous tribes.
Above her rhythming godheads
whirled the spheres,
Rapt mobile fixities here blindly
sought

Журча божественно-медовым
голосом желаний
Сливались со своими сёстрами —
водоворотами восторга,
Затем, расширившись до поступи
спокойного гудящего раздумья,
До устья грёз со множеством
блестящих бликов,
Входили, с шёпотом,
в озёра плавного, тягучего покоя.
Там, на краю, попав во власть
неощутимого экстаза,
И охраняя вечно существующее
равновесье мысли,
Сидели души, словно изваянья,
грезившие реками из звука,
В их неизменных положениях
застывшего блаженства.
Вокруг Савитри жили
дети дня Всевышнего,
В неопишемом словами
празднике и счастье,
Что не проходит никогда,
с их лёгкостью бессмертных,
И в сладостном разнообразии
весёлой вечности.
Вокруг гуляли, говорили меж собой
бессмертные народы,
С их душами небесной светлой радости,
с их совершенной красотой на лицах,
И с телом, сформированным
Божественным Лучом;
В их городах, что вырезаны,
словно самоцветы,
из сознательного камня,
И на чудесных пастбищах,
и на сверкавших побережьях,
Глаз видел яркие фигуры,
светлые народы вечности.
Над нею боги ритма
раскручивали сферы,
Пытаясь отыскать вслепую
текучую устойчивость восторга

By the huge erring orbits of our
 stars.
 Ecstatic voices smote at hearing's
 chords,
 Each movement found a music all
 its own;
 Songs thrilled of birds upon
 unfading boughs
 The colours of whose plumage
 had been caught
 From the rainbow of imagination's
 wings.
 Immortal fragrance packed the
 quivering breeze.
 In groves that seemed moved
 bosoms and trembling depths

 The million children of the
 undying spring
 Bloomed, pure unnumbered stars
 of hued delight
 Nestling for shelter in their
 emerald sky:
 Faery flower-masses looked with
 laughing eyes.
 A dancing chaos, an iridescent sea

 Eternised to Heaven's
 ever-wakeful sight
 The crowding petal-glow of
 marvel's tints
 Which float across the curtained
 lids of dream.
 Immortal harmonies filled her
 listening ear;
 A great spontaneous utterance of
 the heights
 On Titan wings of rhythmic
 grandeur borne
 Poured from some deep spiritual
 heart of sound,
 Strains trembling with the secrets
 of the gods.

Гигантскими блуждавшими
 орбитами сиявших звёзд.
 Все голоса экстаза
 распадались на аккорды слуха
 И каждое движение находило для себя
 во всём особенную музыку;
 С неувядающих ветвей
 неслись волнующие трели птиц,
 Украшенных цветастым оперением,
 которое он смогли поймать
 Из крыльев радуги
 воображения и фантазии.
 Бессмертный аромат струился
 по волнующему бризу.
 И в рощах, что казались
 трепетанием глубин,
 вздымающейся грудью,
 Цвели несметные количества
 детей неумирающей весны,
 Бесчисленные, целомудренные звёзды
 разноцветного восторга
 Гнездились под укрытием
 из изумрудной зелени своих небес:
 То феерическое множество цветов
 смотрело в мир весёлыми глазами.
 Танцующий и кружащийся хаос,
 радужное море
 Увековечивали каждый
 пробуждённый взгляд на Небеса,
 Переполюющую яркость лепестков,
 с чудесными оттенками,
 Что проплывали сквозь видения
 с закрытыми глазами.
 Бессмертные гармонии наполнили
 её внимательное ухо;
 Великие спонтанные слова,
 пришедшие с высот
 К ней на крылах
 ритмичного великолепия Титана
 Пролившись из глубокого
 божественного сердца звука,
 Несли черты,
 трепещущие тайнами богов.

A spirit wandered happily in the
wind,
A spirit brooded in the leaf and
stone;
The voices of thought-conscious
instruments
Along a living verge of silence
strayed,
And from some deep, a wordless
tongue of things
Unfathomed, inexpressible,
chantings rose
Translating into a voice the
Unknown.
A climber on the invisible stair of
sound,
Music not with these few and
striving steps

Aspired that wander upon
transient strings,
But changed its ever new
uncounted notes
In a passion of unforeseeing
discovery,
And kept its old unforgotten
ecstasies
A growing treasure in the mystic
heart.
A consciousness that yearned
through every cry
Of unexplored attraction and
desire,
It found and searched again the
unsatisfied deeps
Hunting as if in some deep secret
heart
To find some lost or missed
felicity.
In those far-lapsing symphonies
she could hear,
Breaking through enchantments of
the ravished sense,

Один дух, полный счастья,
проносился в ветерке,
Другой дух размышлял о чём-то
в камнях и листве;
Там голоса осознающих мысли
инструментов
Блуждали вдоль живого
края тишины,
И бессловесным языком вещей,
из некой глубины
Вставало пенье,
необъятное, невыразимое,
Передавая в голосе своём
Неведомое.
Взбираясь по незримой
лестнице звучания,
Совсем другими, чем нечастые
и полные борьбы
шаги у человека,
Вверх устремлялась музыка,
блуждавшая по бранным струнам,
Но вечно изменяющая новые,
бесчисленные ноты
В высокой страстности
непредсказуемых открытий,
И сохраняя прежние
незабываемые ощущения экстаза,
Сокровища, растущего в мистическом,
сокрытом сердце.
Сознание, что устремлялось
в каждом зове
Желания и притяжения
от неисследованного,
То находило, то искало заново
неутолённые глубины,
Стараясь в глубине
какой-то тайной сердцевины
Найти какое-то потерянное
иль упущенное счастье.
В тех затухающих вдали симфониях
она могла услышать,
Прорвавшись сквозь очарование
восторженного чувства

The lyric voyage of a divine soul	Лирическое путешествие божественной души,
Mid spume and laughter tempting with its prow	Средь хохота и пены, искушающей своим челном,
The charm of innocent Circean isles,	Очарование невинных островов Цирцеи,
Adventures without danger beautiful	И приключенье красоты, не знавшее опасности,
In lands where siren Wonder sings its lures	На тех далёких островах, куда влекут своими песнями сирены Чуда,
From rhythmic rocks in ever-foaming seas.	Из ритма скал среди вечно пузырящихся морей.
In the harmony of an original sight	В гармонии с первоначальным виденьем,
Delivered from our limiting ray of thought,	Освобождённая от ограниченного света нашей мысли,
And the reluctance of our blinded hearts	И от сопротивления слепых людских сердец,
To embrace the Godhead in whatever guise,	Стремясь обнять собою Божество под каждой маской,
She saw all Nature marvellous without fault.	Она ¹ увидела, что вся Природа — удивительна, и без изъянов.
Invaded by beauty's universal revel	Захваченные тем вселенским буйством красоты,
Her being's fibre reached out vibrating	Все фибры существа её отбросили сомнения
And claimed deep union with its outer selves,	И жаждали глубокого единства со своими "я" во внешнем,
And on the heart's chords made pure to seize all tones	И на аккордах сердца, ставшего кристально чистым,
Heaven's subtleties of touch unwearying forced	Они теперь охватывали все тона небесной утончённости неутомимого касания,
More vivid raptures than earth's life can bear.	И делали восторги ярче и живее, чем способна вынести земная жизнь.
What would be suffering here, was fiery bliss.	Что было бы страданьем здесь, там становилось сказочным блаженством.
All here but passionate hint and mystic shade	Здесь всё — лишь страстные намёки и мистическая тень,

¹ Савитри, прим. пер.

Divined by the inner prophet who perceives	Догадки внутреннего существа, провидца, что воспринимает
The spirit of delight in sensuous things,	Дух наслаждения в вещах, доступных чувствам,
Turned to more sweetness than can now be dreamed.	И обращённый к сладости, что больше, чем способны мы вообразить.
The mighty signs of which earth fears the stress,	Наполненные силой знаки, чьих ударов опасается земля,
Trembling because she cannot understand,	И от чего она дрожит, не в силах их понять,
And must keep obscure in forms strange and sublime,	И вынуждена затемнять их странными, утонченными формами,
Were here the first lexicon of an infinite mind	Здесь были азбукой для бесконечного ума,
Translating the language of eternal bliss.	Переводящим это на язык блаженства вечности.
Here rapture was a common incident;	Здесь восхищенье заурядное событие;
The lovelinesses of whose captured thrill	Очарование, чей трепет, мы воспринимаем в виде человеческого наслаждения
Our human pleasure is a fallen thread,	Там было лишь оброненную нитью,
Lay, symbol shapes, a careless ornament,	Которая ложится символом, небрежного орнамента
Sewn on the rich brocade of Godhead's dress.	На красочном парчовом одеяньи Божества.
Things fashioned were the imaged homes where mind	Здесь всё, что получило форму, становилось созданным воображеньем домом,
Arrived to fathom a deep physical joy;	Где ум стремился испытать глубокую физическую радость;
The heart was a torch lit from infinity,	Здесь сердце было факелом, зажжённым бесконечностью,
The limbs were trembling densities of soul.	А члены тела — трепетными сгустками души.
These were the first domains, the outer courts	Здесь расстилались сферы, что возникли с самого начала,
Immense but least in range and least in price,	И области для внешнего, хотя и необъятные,
The slightest ecstasies of the undying gods.	Но всё же меньшие по уровню и своему значению, С легчайшими экстазами

Higher her swing of vision swept
and knew,

Admitted through large sapphire
opening gates

Into the wideness of a light
beyond,

These were but sumptuous
decorated doors

To worlds nobler, more
feliculously fair.

Endless aspired the climbing of
those heavens;

Realm upon realm received her
soaring view.

Then on what seemed one crown
of the ascent

Where finite and the infinite are
one,

Immune she beheld the strong
immortals' seats

Who live for a celestial joy and
rule,

The middle regions of the
unfading Ray.

Great forms of deities sat in
deathless tiers,

Eyes of an unborn gaze towards
her leaned

Through a transparency of crystal
fire.

In the beauty of bodies wrought
from rapture's lines,

Shapes of entrancing sweetness
spilling bliss,

Feet glimmering upon the
sunstone courts of mind,

Heaven's cupbearers bore round
the Eternal's wine.

неумирающих богов.

Размах того,
что видела она и понимала,
становился всё объемнее,

Она смогла пройти
сквозь широко открытые
сапфирные врата

В просторы света
за пределами всего,

Где были лишь роскошно
изукрашенные двери

К мирам ещё возвышенней,
счастливей и прекрасней.

Так бесконечно устремлялись
дальше, в высь, те небеса;

Один план за другим
вбирал её парящий взгляд.

Затем на том, что виделось
единственным венцом
всего подъёма,

Там, где конечное и бесконечное
сливаются в одно,

Освобождённая, она увидела места,
где обитали сильные бессмертные,

Живущие, чтоб управлять
и чувствовать божественную радость,

Срединные районы
негасимого Луча.

Возвышенные облики богов
сидели там бессмертными рядами,

И направляли взгляд свой,
нерождённый, на неё

Через прозрачную субстанцию
кристального огня.

И в красоте своих чудесных тел,
написанных чертами радости,

И формах, наполняющих блаженством
и чарующих своею сладостью,

Сверкая быстрыми стопами
по мощёным солнцем
площадям ума,

Те виночерпии небес
всем разносили кубки Вечного.

A tangle of bright bodies, of moved souls	Переплетенье ярких тел, вздымающихся душ,
Tracing the close and intertwined delight,	Очерчивало близкий и закрученный в клубок восторг,
The harmonious tread of lives for ever joined	И гармоничное течение жизней, что соединились меж собой навеки
In the passionate oneness of a mystic joy	В горячем, страстном единении мистического наслаждения,
As if sunbeams made living and divine,	Как если бы лучи от солнца ожили и стали божествами,
The golden-bosomed Apsara goddesses,	Богинями, Апсарами, с их золотыми грудями;
In groves flooded from an argent disk of bliss	В лесах, что заливают серебристый диск блаженства,
That floated through a luminous sapphire dream,	Плывущий через озарённое сапфирное видение,
In a cloud of raiment lit with golden limbs	Богини эти, в облаке своих одежд, светились золотистыми телами,
And gleaming footfalls treading faery swards,	Мерцавшими стопами проходили по волшебным травам,
Virgin motions of bacchant innocences	Невинною походкой девственных вакханок,
Who know their riot for a dance of God,	Что видели в своём разгуле танец Бога,
Whirled linked in moonlit revels of the heart.	И там, сплетёнными телами, под луной, они кружились в пиршестве сердец.
Impeccable artists of unerring forms,	Творцы непогрешимых форм и безупречные художники,
Magician builders of sound and rhythmic words,	Волшебники, творящие звучание и ритмы слов,
Wind-haired Gandharvas chanted to the ear	Гандхарвы, с гривой волос, подобной ветру,
The odes that shape the universal thought,	Поющие для уха оды, наделяющие формой мысль вселенной
The lines that tear the veil from Deity's face,	Со строками, срывающими пелену с лица Божественного,
The rhythms that bring the sounds of wisdom's sea.	И с ритмами, которые приносят звуки океана мудрости.
Immortal figures and illumined brows,	Бессмертные фигуры, озаряемые лики,
Our great forefathers in those splendours moved;	Возвышенные наши праотцы

Termless in power and satisfied of
light,
They enjoyed the sense of all for
which we strive.

High seers, moved poets saw the
eternal thoughts

That, travellers from on high,
arrive to us
Deformed by our search, tricked
by costuming mind,
Like gods disfigured by the pangs
of birth,
Seized the great words which now
are frail sounds caught
By difficult rapture on a mortal
tongue.
The strong who stumble and sin
were calm proud gods.

There lightning-filled with glory
and with flame,
Melting in waves of sympathy and
sight,
Smitten like a lyre that throbs to
others' bliss,

Drawn by the cords of ecstasies
unknown,
Her human nature faint with
heaven's delight,
She beheld the clasp to earth
denied and bore
The imperishable eyes of veiless
love.

More climbed above, level to level
reached,
Beyond what tongue can utter or
mind dream:

гуляли в тех великолепиях;
Наполненные светом,
безграничные по силе,
Они там наслаждались
ощущением всего,
ради чего мы боремся.
Высокие провидцы,
движимые импульсом поэты
Способны были видеть
мысли вечности,
Которые, как путники,
приходят к нам с высот,
Хотя и искажённые от наших поисков,
обманутые одеяньями ума,
Как боги, что обезображены
мучением рождения,
Улавливая те великие слова,
что ныне стали хрупким звуком,
С трудами и восторгом
пойманные смертным языком.
Те сильные, что оступаются, грешат,
предстали гордыми
спокойными богами.
Наполнившись сверканием
великолепия и пламени,
И растворяясь в волнах
видения и симпатии,
Охватывая звуком, словно лира,
которая пульсирует
для радости других,
Притянутая нитями
неведомых экстазов,
Её¹ природа человека
таяла от наслаждения небес,
Попав в объятия,
которые запретны для земли,
Она испытывала на себе
непреходящий взгляд любви,
свободной от покровов.
Она всё выше поднималась,
уровень за уровнем,
За грань того, что может

¹ Савитри, прим. пер.

Worlds of an infinite reach
 crowned Nature's stir.
 There was a greater tranquil
 sweetness there,
 A subtler and profounder ether's
 field
 And mightier scheme than
 heavenliest sense can give.
 There breath carried a stream of
 seeing mind,
 Form was a tenuous raiment of the
 soul:
 Colour was a visible tone of
 ecstasy;
 Shapes seen half immaterial by
 the gaze

And yet voluptuously palpable
 Made sensible to touch the
 indwelling spirit.
 The high perfected sense
 illumined lived
 A happy vassal of the inner ray,
 Each feeling was the Eternal's
 mighty child
 And every thought was a sweet
 burning god.
 Air was a luminous feeling, sound
 a voice,
 Sunlight the soul's vision and
 moonlight its dream.

On a wide living base of wordless
 calm
 All was a potent and a lucid joy.
 Into those heights her spirit went
 floating up
 Like an upsoaring bird who
 mounts unseen
 Voicing to the ascent his
 throbbing heart

выразить язык и ум вообразить:
 Миры неограниченных богатств
 венчали всё движение Природы.
 Была там и спокойная
 возвышенная сладость,
 И более глубокие
 и тонкие поля эфира,
 И замысел, способный одарить сильнее,
 чем самое божественное чувство.
 Дыхание несло
 потоки виденья ума,
 И форма становилась
 тонким одеянием души:
 Цвет становился
 зримыми оттенками экстаза;
 И нематериальные тела,
 доступные для глаза
 лишь наполовину,
 Но всё же страстно осязаемые,
 Там становились ощутимыми
 для пониманья внутреннего духа.
 И чувство совершенства,
 озарённое, высокое,
 Там жило полным счастья
 подчинённым внутреннего света,
 Любое ощущение становилось там
 могучим сыном Вечного,
 Любая мысль была
 пылающим и нежным богом.
 Вся атмосфера стала
 озарённым чувством,
 Звучанье стало голосом,
 свет солнца — виденьем души,
 а лунный свет — её мечтою.
 На той широкой и живой основе
 бессловесного спокойствия
 Всё превращалось в сильную,
 светящуюся радость.
 И в те высоты дух её вошёл,
 всплывая вверх,
 Как воспаряющая птица,
 что незримо поднимается,
 И в паузах смыкающихся крыльев

Of melody till a pause of closing
wings
Comes quivering in his last
contented cry

And he is silent with his soul
discharged,
Delivered of his heart's burden of
delight.
Experience mounted on joy's
coloured breast
To inaccessible spheres in spiral
flight.

There Time dwelt with eternity as
one;

Immense felicity joined rapt
repose.

As one drowned in a sea of
splendour and bliss,
Mute in the maze of these
surprising worlds,
Turning she saw their living knot
and source,
Key to their charm and fount of
their delight,
And knew him for the same who
snarers our lives
Captured in his terrifying pitiless
net,
And makes the universe his prison
camp
And makes in his immense and
vacant vasts
The labour of the stars a circuit
vain
And death the end of every human
road
And grief and pain the wages of
man's toil.

поёт мелодию,
Чтоб поддержать
своё забившееся сердце,
И входит, трепеща,
в последний свой
победоносный клич,
И замолкает, наконец,
изливши душу,
Освобождённая от бремени
сердечного восторга.
По красочной груди
веселья, радости
Переживание поднималось,
восходя спиралью,
к недоступным сферам.
Там Время вместе с вечностью
существовали заодно,
единым целым,
Безмерность счастья сочеталась
с наслаждением покоя.

Почти что утопая
в море блеска и блаженства,
Немея в лабиринтах
этих поразительных миров,
Она, увидела, вдруг повернувшись,
их живой источник, центр,
Ключ к их очарованию,
родник их наслаждения;
Она его узнала — он был тот,
кто ловит наши жизни,
Пленённые в его ужасные,
безжалостные сети,
И делает вселенную
своим тюремным лагерем,
И превращает на своих огромных
и пустых просторах
Труд звёзд —
в напрасное кружение,
Смерть делает концом
любой дороги человека,
А боль и горе —

One whom her soul had faced as Death and Night A sum of all sweetness gathered into his limbs And blinded her heart to the beauty of the suns. Transfigured was the formidable shape. His darkness and his sad destroying might Abolishing for ever and disclosing The mystery of his high and violent deeds, A secret splendour rose revealed to sight Where once the vast embodied Void had stood. Night the dim mask had grown a wonderful face. The vague infinity was slain whose gloom Had outlined from the terrible unknown The obscure disastrous figure of a god, Fled was the error that arms the hands of grief, And lighted the ignorant gulf whose hollow deeps Had given to nothingness a dreadful voice. As when before the eye that wakes in sleep Is opened the sombre binding of a book, Illumined letterings are seen which kept A golden blaze of thought inscribed within, A marvellous form responded to her gaze	платой за его тяжёлый труд. И тот, кого её душа встречала в виде бога Смерти, в виде Ночи, Вобрал в своё огромное тело всё, что было сладостно на свете И сердце ослепил в ней красотою солнц. Теперь его ужасный облик стал другим. Его унылая всё-разрушающая сила, темнота, Всегда уничтожавшая, разоблачавшая Мистерию своих неистовых, высоких дел, Явила взгляду тайное великолепье розы, Где ранее стояло воплощённое обширное Ничто. И Ночь, неясная личина, стала удивительным лицом. Была убита неопределённость бесконечности, Чей мрак очерчивал из страшной неизвестности Неясную, губительную, тёмную фигуру бога, Ушла ошибка, что протягивает руки горя, И осветила всю невежественную пучину, чья пустота и глубина Давали этому ничто пугающий, ужасный голос. Как будто пред её глазами, после пробуждения, Открылись тёмные и мрачные страницы книги И можно было видеть озарённые слова, Которые внутри хранили золотой свет мысли, Чудесный облик открывался
--	--

Whose sweetness justified life's
 blindest pain;
 All Nature's struggle was its easy
 price,
 The universe and its agony
 seemed worth while.
 As if the choric calyx of a flower
 Aerial, visible on music's waves,
 A lotus of light-petalled ecstasy
 Took shape out of the tremulous
 heart of things.
 There was no more the torment
 under the stars,
 The evil sheltered behind Nature's
 mask;
 There was no more the dark
 pretence of hate,
 The cruel rictus on Love's altered
 face.
 Hate was the grip of a dreadful
 amour's strife;
 A ruthless love intent only to
 possess
 Has here replaced the sweet
 original god.
 Forgetting the Will-to-love that
 gave it birth,
 The passion to lock itself in and to
 unite,
 It would swallow all into one
 lonely self,
 Devouring the soul that it had
 made its own,
 By suffering and annihilation's
 pain
 Punishing the unwillingness to be
 one,
 Angry with the refusals of the world,
 Passionate to take but knowing
 not how to give.

перед взглядом,
 Чья сладость извиняла
 безысходные страдания жизни;
 Вся долгая борьба Природы
 стала маленькой ценой,
 И вся вселенная и вся её агония,
 казалось, стоили того.
 Как будто хор
 поющих чашечек цветков,
 Увиденный на музыкальных волнах,
 Воздушный лотос
 ярких лепестков экстаза
 Предстал как трепетное сердце
 для всего.
 Здесь больше не было
 мучения под звёздами
 И зла, укрытого
 под маскою Природы;
 И не было здесь
 чёрного притворства ненависти,
 Безжалостной ухмылки губ
 на перекошенном лице Любви.
 Здесь ненависть была объёмом
 грозного возлюбленного в ссоре;
 Жестокая, немилосердная любовь,
 нацеленная только обладать,
 Сменилась нежным,
 изначальным божеством.
 Забыв Стремление любить,
 которое её и породило,
 Её азарт и страсть
 замкнуться у себя внутри
 и присоединять,
 Она хотела бы весь мир вобрать
 в одно единственное "я",
 Терзая душу,
 что присвоила себе,
 При помощи страдания
 и боли разрушения,
 Наказывая нежеланье
 быть с ней заодно,
 Разгневанная на отказы мира,
 Желая страстно брать,

Death's sombre cowl was cast
 from Nature's brow;
 There lightened on her the
 godhead's lurking laugh.
 All grace and glory and all
 divinity
 Were here collected in a single
 form;
 All worshipped eyes looked
 through his from one face;

 He bore all godheads in his
 grandiose limbs.
 An oceanic spirit dwelt within;

 Intolerant and invincible in joy

 A flood of freedom and
 transcendent bliss
 Into immortal lines of beauty rose.

 In him the fourfold Being bore its
 crown
 That wears the mystery of a
 nameless Name,
 The universe writing its
 tremendous sense
 In the inexhaustible meaning of a
 word.
 In him the architect of the visible
 world,
 At once the art and artist of his
 works,
 Spirit and seer and thinker of
 things seen,
 Virat, who lights his camp-fires in
 the suns

 And the star-entangled ether is his
 hold,
 Expressed himself with Matter for
 his speech:

не зная, как давать.
 Со лба Природы был отброшен
 смерти мрачный капюшон,
 И на её лице сверкнула
 затаённая улыбка божества.
 Вся милость, слава,
 вся божественность её
 Отныне были собраны
 в единый образ;
 Все обожаящие взгляды
 устремились сквозь него
 с единого лица;
 Он нёс все божества
 в своём огромном теле.
 Подобный океану дух
 жил у него внутри;
 Непобедимое в своей особой радости,
 нетерпящее ничего другого,
 Течение свободы,
 трансцендентного блаженства
 Вставало в тех бессмертных
 очертаньях красоты.
 В нём Существо из четырёх частей
 несло свою корону,
 Одевшись в таинство
 неопишущего Имени,
 Вселенную, что вписывает
 свой огромный смысл
 В неисчерпаемое и неистоцимое
 значенье слова.
 В нём архитектор
 видимого мира
 Одновременно — и искусство,
 и художник собственных творений,
 Дух, и провидец,
 и мыслитель зримого,
 Вират, кто зажигает для себя
 походные костры
 под видом солнц,
 Его владения — эфир,
 с переплетеньем звёзд,
 Он выражал себя Материей
 как речью:

<p>Objects are his letters, forces are his words,</p> <p>Events are the crowded history of his life,</p> <p>And sea and land are the pages for his tale.</p> <p>Matter is his means and his spiritual sign;</p> <p>He hangs the thought upon a lash's lift,</p> <p>In the current of the blood makes flow the soul.</p> <p>His is the dumb will of atom and of clod;</p> <p>A Will that without sense or motive acts,</p> <p>An Intelligence needing not to think or plan,</p> <p>The world creates itself invincibly;</p> <p>For its body is the body of the Lord</p> <p>And in its heart stands Virat, King of Kings.</p> <p>In him shadows his form the Golden Child</p> <p>Who in the Sun-capped Vast cradles his birth:</p> <p>Hiranyagarbha, author of thoughts and dreams,</p> <p>Who sees the invisible and hears the sounds</p> <p>That never visited a mortal ear,</p> <p>Discoverer of unthought realities</p> <p>Truer to Truth than all we have ever known,</p> <p>He is the leader on the inner roads;</p> <p>A seer, he has entered the forbidden realms;</p>	<p>Объекты выступали в роли букв его, а силы — в роли слов, Поток событий был историей его богатой жизни, Моря и страны становились в ней страницами его рассказа. Материя — и средство для него, и символ духа;</p> <p>Он поднимает плетть и к ней цепляет мысль,</p> <p>И в токе крови создаёт течение души.</p> <p>Он — та немая воля, что и в атоме, и в облаке, Та Воля, что работает без чувств и побуждений,</p> <p>Тот Интеллект, которому не нужно думать и планировать, Тот мир, что непреодолимо создает себя;</p> <p>Ведь тело у него — есть тело Господина, А в сердце у него — Вират, Царь всех Царей.</p> <p>Внутри него его обличье затеняет Золотой Ребёнок, Который, с Солнцем в виде колпака, баюкает своё рождение в Просторе, Хираньягарбха, автор мыслей и видений;</p> <p>Который видит то, что нам незримо, И слышит звуки, что не посещают ухо смертного;</p> <p>Он первооткрыватель тех немислимых реальностей, Которые для Истины верней всего, что мы когда-то знали;</p> <p>Он — предводитель внутренних путей;</p> <p>Провидец, он проник в запретную страну;</p>
--	---

A magician with the omnipotent wand of thought,	Волшебник с всемогущим жезлом мысли,
He builds the secret uncreated worlds.	Он строит тайные, ещё не сотворённые миры.
Armed with the golden speech, the diamond eye,	Вооружённый золотою речью и алмазным взглядом,
His is the vision and the prophecy:	Он — и способность видеть, и пророчество:
Imagist casting the formless into shape,	Создатель образов, бросающий бесформенное в форму,
Traveller and hewer of the unseen paths,	Первопроходец, прорубающий незримые пути,
He is the carrier of the hidden fire,	Он — переносчик скрытого огня,
He is the voice of the Ineffable,	Он — голос, что принадлежит Невыразимому,
He is the invisible hunter of the light,	Он — никому не видимый охотник за лучами света,
The Angel of mysterious ecstasies,	Он — Ангел тайных и загадочных экстазов,
The conqueror of the kingdoms of the soul.	Завоеватель, покоритель царств души.
A third spirit stood behind, their hidden cause,	За ними третий дух стоял, их скрытая причина,
A mass of superconscience closed in light,	Громада сверхсознания, запертая в свете,
Creator of things in his all-knowing sleep.	Творец всего в своём осознающем всё на свете сне.
All from his stillness came as grows a tree;	Как дерево растёт, к нам всё приходит из его спокойствия;
He is our seed and core, our head and base.	Он наше семя, сердцевина, вершина наша и основа,
All light is but a flash from his closed eyes:	Весь свет — всего лишь отблеск из его закрытых глаз:
An all-wise Truth is mystic in his heart,	Всезнающая Истина — мистическая тайна в сердце у него,
The omniscient Ray is shut behind his lids:	Всеведающий Луч скрывается под веками его:
He is the Wisdom that comes not by thought,	Он — это Мудрость, что приходит не от мысли,
His wordless silence brings the immortal word.	Его беззвучное молчание несёт бессмертные слова.

He sleeps in the atom and the
 burning star,
 He sleeps in man and god and
 beast and stone:
 Because he is there the
 Inconscient does its work,
 Because he is there the world
 forgets to die.
 He is the centre of the circle of
 God,
 He the circumference of Nature's
 run.
 His slumber is an Almightyness in
 things,
 Awake, he is the Eternal and
 Supreme.
 Above was the brooding bliss of
 the Infinite,

 Its omniscient and omnipotent
 repose,
 Its immobile silence absolute and
 alone.
 All powers were woven in
 countless concords here.
 The bliss that made the world in
 his body lived,
 Love and delight were the head of
 the sweet form.
 In the alluring meshes of their
 snare
 Recaptured, the proud blissful
 members held
 All joys outrunners of the panting
 heart
 And fugitive from life's
 outstripped desire.
 Whatever vision has escaped the
 eye,
 Whatever happiness comes in
 dream and trance,
 The nectar spilled by love with
 trembling hands,

Он дремлет в атоме
 и в полыхающей звезде,
 Он дремлет в человеке,
 в боге, в звере, в камне:
 Благодаря его существованию
 свою работу выполняет Несознание,
 Благодаря его существованию
 мир забывает умирать.
 Он — самый центр
 круговорота Бога,
 Он — та окружность,
 по которой бегают Природа.
 Его сон — это Всемогущество
 внутри вещей,
 Проснувшись, он становится
 Всевышним, Вечным.
 А далее, над нею
 расстилается размышлявшее
 блаженство Бесконечного,
 Его покой,
 всезнающий и всемогущий,
 И неподвижное молчанье,
 абсолютное, уединённое.
 Все силы там сплелись
 в бесчисленные соглашения.
 Блаженство, сотворившее весь мир,
 живёт в его огромном теле,
 Любовь и наслаждение
 венчали эту сладостную форму.
 Пленённые чарующею сетью
 их силков,
 Блаженные и гордые тела
 вкушали все на свете радости
 Предвестниками
 жаждущего сердца
 И что-то еле уловимое
 в опережающих желаньях жизни.
 Любое видение,
 ускользнувшее от глаза,
 Любое счастье,
 приходящее в мечтах и трансе,
 Нектар, любовно пролитый
 из трепетных ладоней,

The joy the cup of Nature cannot hold,	И радость, что не может поместиться в кубок, созданный Природой,
Had crowded to the beauty of his face,	Всё было сконцентрировано в красоте его лица
Were waiting in the honey of his laugh.	И ожидало в мёде смеха и веселья.
Things hidden by the silence of the hours,	Всё то, что скрыто за безмолвием часов,
The ideas that find no voice on living lips,	Идеи, что не удаётся выразить устами смертных,
The soul's pregnant meeting with infinity	Наполненная смыслом встреча бесконечности с душой,
Had come to birth in him and taken fire:	Пришли родиться в нём и взять его огонь:
The secret whisper of the flower and star	Секретное шептанье меж собой цветов и звёзд
Revealed its meaning in his fathomless look.	В его бездонном взгляде открывали весь свой смысл.
His lips curved eloquent like a rose of dawn;	Как роза расцветающей зари — его струились губы,
His smile that played with the wonder of the mind	Его улыбка поражала ум своей игрой,
And stayed in the heart when it had left his mouth	И с уст его сойдя, надолго оставалась в сердце,
Glimmered with the radiance of the morning star	Лучась своим сиянием утренней звезды,
Gemming the wide discovery of heaven.	Как драгоценный камень среди широкого раскрытия небес.
His gaze was the regard of eternity;	Его взгляд был вниманием вечности;
The spirit of its sweet and calm intent	Дух сладостного, тихого намеренья
Was a wise home of gladness and divulged	В нём становился понимающим домом радости
The light of the ages in the mirth of the hours,	И свет эпох переводил в весёлый ход часов,
A sun of wisdom in a miracled grove.	Как солнце мудрости в лесу, наполненному чудесами.
In the orchestral largeness of his mind	В той оркестровой широте его ума
All contrary seekings their close kinship knew,	Все противоположные исканья находили близкое родство,

Rich-hearted, wonderful to each
other met

In the mutual marvelling of their
myriad notes
And dwelt like brothers of one
family
Who had found their common and
mysterious home.

As from the harp of some ecstatic
god
There springs a harmony of lyric
bliss

Striving to leave no heavenly joy
unsung,
Such was the life in that embodied
Light.

He seemed the wideness of a
boundless sky,

He seemed the passion of a
sorrowless earth,

He seemed the burning of a
world-wide sun.

Two looked upon each other, Soul
saw Soul.

Then like an anthem from the
heart's lucent cave
A voice soared up whose magic
sound could turn
The poignant weeping of the earth
to sobs
Of rapture and her cry to spirit
song.

"O human image of the deathless
word,

How hast thou seen beyond the
topaz walls

The gleaming sisters of the divine
gate,

Summoned the genii of their
wakeful sleep,

Богатые сердцами,
удивляясь друг на друга,
все они встречались,
Взаимно восхищаясь
мирадами своих звучащих нот,
И жили словно братья
из одной семьи,
Что наконец нашли свой
общий и непостижимый дом.

И словно с арфы
экстатического бога
Лилась гармония
лиричного блаженства,
Стараясь не оставить невоспетой
ни одной небесной радости,

Такой была жизнь
в этом воплощённом Свете.
Он виделся простором
нескончаемого неба,
Он виделся как страсть
безгорестной земли,
Он виделся как полыханье солнца,
широкого как мир.

Друг в друга вглядывались эти двое,
и Душа смотрела на другую Душу.

Затем, подобно гимну,
из сиявшего сердечного укрытия
Поднялся, воспаряя, голос,
чей волшебный звук мог обратить
Все горькие рыдания земли —
в плач радости,
А крик её —
в возвышенную песню духа.

"О вечное, неумирающее слово
в человеческом облиции,

Как ты сумела видеть
за пределами топазных стен,
Мерцающих сестёр

божественных ворот,
И вызвать гения их пробуждённого,
осознанного сна,

And under revelation's arches forced	Под аркой откровения заставить распахнуться,
The carved thought-shrouded doors to swing apart,	Резные, защищённые от мысли двери,
Unlocked the avenues of spiritual sight	Открыть широкую аллею взгляда духа,
And taught the entries of a heavenlier state	И научиться проникать в небесное, особенное состояние
To thy rapt soul that bore the golden key?	Своей души восторга, что дарует золотой, секретный ключ?
In thee the secret sight man's blindness missed	Тот тайный взгляд в тебе, минуя слепоту людей,
Has opened its view past Time, my chariot-course,	Открыл и виденье того, что было в прошлом Времени, и путь моей повозки,
And death, my tunnel which I drive through life	И смерть, тот мой туннель, который я веду сквозь жизнь,
To reach my unseen distances of bliss.	Чтобы достичь моих незримых перспектив блаженства.
I am the hushed search of the jealous gods	Я — молчаливый поиск ревностных богов,
Pursuing my wisdom's vast mysterious work	Которые преследуют широкую, наполненную тайнами,
Seized in the thousand meeting ways of heaven.	Работу мудрости моей, пытаются найти её во встрече тысячи путей небес.
I am the beauty of the unveiled ray	Я — красота луча, сорвавшего с себя вуаль,
Drawing through the deep roads of the infinite night	За кем, глубокими путями бесконечной ночи,
The unconquerable pilgrim soul of earth	Идёт душа земли — непобедимый путник
Beneath the flaring torches of the stars.	Под полыхающими факелами звёзд.
I am the inviolable Ecstasy;	Я — нерушимый, вечно-существующий Экстаз;
They who have looked on me, shall grieve no more.	Те, кто взглянули на меня, не знают больше горя.
The eyes that live in night shall see my form.	Глаза, живущие в ночи, ещё увидят облик мой.
On the pale shores of foaming steely straits	На бледных берегах холодных пенистых проливов,
That flow beneath a grey tormented sky,	Текущих под измученным

Two powers from one original
ecstasy born
Pace near but parted in the life of
man;
One leans to earth, the other
yearns to the skies:
Heaven in its rapture dreams of
perfect earth,
Earth in its sorrow dreams of
perfect heaven.
The two longing to join, yet walk
apart,

Idly divided by their vain
conceits;
They are kept from their oneness
by enchanted fears;
Sundered mysteriously by miles of
thought,
They gaze across the silent gulfs
of sleep.
Or side by side reclined upon my
vast
Like bride and bridegroom
magically divorced
They wake to yearn, but never can
they clasp

While thinly flickering hesitates
uncrossed
Between the lovers on their
nuptial couch
The shadowy eidolon of a sword.

But when the phantom flame-edge
fails undone,
Then never more can space or
time divide

The lover from the loved; Space
shall draw back
Her great translucent curtain,
Time shall be

унылым небом,
Две силы, что родились
из единого первоначального экстаза,
Шагают рядом, в жизни человека,
но разделены;
Одна склоняется к земле,
другая же стремится в поднебесье:
Есть Небеса, с восторженной мечтой
о совершенстве на земле,
И есть Земля, с мучительной мечтой
о совершенных небесах.
Те двое, страстно думая о том,
как им объединиться,
всё ж идут поврозь,
Напрасно разделённые
своим пустым тщеславием;
Они удерживаются от своего единства
колдовскими страхами;
Непостижимо разлучаемые
милями пространства мысли,
Они глядят сквозь
молчаливые пучины сна.
Бывает, что они лежат,
бок о бок, на моих просторах,
Подобно жениху с невестой,
разлучённые какой-то магией,
В них просыпается стремление,
но никогда они не смогут
радостно обняться,
Пока не перейдут границу
трепетного тонкого стеснения
Между влюблёнными
на брачном ложе,
Пока не смогут обойти
неясное видение меча.
Когда же призрак с огненным клинком
исчезнет, побеждённый,
То больше никогда
ни время, ни пространство
не сумеют разделять
Влюблённого с любимой;
Пространство уберёт назад
Свою великую

The quivering of the spirit's
 endless bliss.
 Attend that moment of celestial
 fate.
 Meanwhile you two shall serve
 the dual law

Which only now the scouts of
 vision glimpse
 Who pressing through the forest
 of their thoughts
 Have found the narrow bridges of
 the gods.
 Wait patient of the brittle bars of
 form
 Making division your delightful
 means

Of happy oneness rapturously
 enhanced
 By attraction in the throbbing air
 between.
 Yet if thou wouldst abandon the
 vexed world,
 Careless of the dark moan of
 things below,

Tread down the isthmus, overleap
 the flood,
 Cancel thy contract with the
 labouring Force;
 Renounce the tie that joins thee to
 earth-kind,
 Cast off thy sympathy with mortal
 hearts.
 Arise, vindicate thy spirit's
 conquered right:
 Relinquishing thy charge of
 transient breath,
 Under the cold gaze of the
 indifferent stars
 Leaving thy borrowed body on the
 sod,

полупрозрачную завесу,
 А Время станет трепетаньем
 бесконечного блаженства духа.
 Дождись того мгновения
 божественной судьбы.
 А до тех пор, вы двое
 будете служить
 двойному моему закону,
 Через который ныне лишь
 разведчики намёков виденья,
 Что продираются,
 как будто через лес,
 Сквозь собственные мысли,
 находят узкие мосты богов.
 Вам надо терпеливо ждать,
 пока непрочные преграды формы,
 Что создают из разделенья
 замечательные способы
 счастливого единства,
 Расширятся в восторге
 вашего влечения
 В волнуемой атмосфере
 между вами.
 Но если ты захочешь распротиться
 с этим мучающим миром,
 Не думая, и не заботясь
 о печальных столах
 остающихся внизу,
 Шагни по перешейку вниз,
 перескачи через поток,
 И отмени контракт
 с работающей Силой,
 Оставь те узы, что тебя соединяют
 с расою земли,
 Отбрось симпатию
 к сердцам у смертных,
 Встань, подтверди
 тобою завоёванное право духа:
 Отбросив бремя
 своего недолговечного дыхания,
 Под безучастным взглядом
 равнодушных звёзд,
 Оставив взятое на время

Ascend, O soul, into thy blissful
home.
Here in the playground of the
eternal Child
Or in domains the wise Immortals
tread
Roam with thy comrade splendour
under skies
Spiritual lit by an unsetting sun,
As godheads live who care not for
the world
And share not in the toil of
Nature's powers:
Absorbed in their self-ecstasy they
dwell.
Cast off the ambiguous myth of
earth's desire,
O immortal, to felicity arise."

On Savitri listening in her
tranquil heart
To the harmony of the ensnaring
voice
A joy exceeding earth's and
heaven's poured down,
The bliss of an unknown eternity,
A rapture from some waiting
Infinite.
A smile came rippling out in her
wide eyes,
Its confident felicity's messenger
As if the first beam of the morning
sun
Rippled along two wakened
lotus-pools.
"O besetter of man's soul with life
and death
And the world's pleasure and pain
and Day and Night,
Tempting his heart with the far
lure of heaven,

тело на траве,
И поднимайся, о, душа, в свой дом,
наполненный блаженством.
Здесь, на площадке,
где играет вечное Дитя,
Иль в сферах, где ступают
мудрые Бессмертные,
Броди с твоим прекрасным другом
под небесами духа,
Под никогда не заходящим солнцем,
Живите, словно боги, что не думают
и не заботятся о мире,
И не вовлечены в тяжёлую работу
сил Природы:
Они захвачены экстазом
собственного внутреннего "я".
Отбрось неясный миф
желания земли,
И поднимайся к счастью,
о бессмертная."

И на Савитри, слушавшую
тихим и спокойным сердцем
Гармонию влекущего
и обольстительного голоса,
Потоком проливалась радость,
превышающая и земное, и небесное,
И неведанное ранее
блаженство вечности,
Восторг какой-то
ожидающей их Бесконечности.
Пришла улыбка, что светилась
из её распахнутых очей,
Посланицей уверенного счастья,
Как если б первый лучик
утреннего солнца
Струился вдоль двух
просыпающихся лotosовых заводей.
"О, окруживший душу человека
жизнью, и одновременно, смертью,
То наслаждением, то болью мира,
Днём, и Ночью,
О искушающий сердца

Testing his strength with the close touch of hell,	далёкими соблазнами небес, И проверяющий, насколько человек силён, касанием близким ада,
I climb not to thy everlasting Day,	Я не войду, не поднимусь в твой вечно продолжающийся День,
Even as I have shunned thy eternal Night.	Как ранее сумела избежать твоей извечной Ночи.
To me who turn not from thy terrestrial Way,	Прошу я — мне, что не свернула с твоего земного трудного Пути
Give back the other self my nature asks.	Отдай назад другое "я", которого моя природа просит.
Thy spaces need him not to help their joy;	Твоим пространствам он не нужен в помощи для наслажденья;
Earth needs his beautiful spirit made by thee	Земле же нужен этот превосходный дух, тобою сотворённый,
To fling delight down like a net of gold.	Чтоб вниз спустить восторг, подобный золотой сети.
Earth is the chosen place of mightiest souls;	Земля — особенное, избранное место самых сильных душ;
Earth is the heroic spirit's battlefield,	Земля есть поле битвы героического духа,
The forge where the Archmason shapes his works.	Та кузница, в которой Главный каменщик творит свои шедевры.
Thy servitudes on earth are greater, King,	Твоё порабощенье на земле величественнее, Владыка,
Than all the glorious liberties of heaven.	Чем все роскошные свободы в небесах.
The heavens were once to me my natural home,	Да, небеса когда-то были для меня родимым домом,
I too have wandered in star-jewelled groves,	И я бродила тоже в рощах, что сверкали звёздами, как бриллианты,
Paced sun-gold pastures and moon-silver swards	Шагала в золотисто-солнечных угодьях, по серебристо-лунным травам,
And heard the harping laughter of their streams	И слышала похожий на звучанье арфы смех их ручейков,
And lingered under branches dropping myrrh;	И трепетала под ветвями капающей мирры;
I too have revelled in the fields of light	Я тоже пировала среди полей из света,
Touched by the ethereal raiment of the winds,	Меня касались ветры,

Thy wonder-rounds of music I
 have trod,
 Lived in the rhyme of bright
 unlabouring thoughts,
 I have beat swift harmonies of
 rapture vast,

 Danced in spontaneous measures
 of the soul
 The great and easy dances of the
 gods.
 O fragrant are the lanes thy
 children walk
 And lovely is the memory of their
 feet
 Amid the wonder-flowers of
 Paradise:
 A heavier tread is mine, a mightier
 touch.
 There where the gods and demons
 battle in night
 Or wrestle on the borders of the
 Sun,
 Taught by the sweetness and the
 pain of life
 To bear the uneven strenuous beat
 that throbs
 Against the edge of some divinest
 hope,

 To dare the impossible with these
 pangs of search,
 In me the spirit of immortal love

 Stretches its arms out to embrace
 mankind.
 Too far thy heavens for me from
 suffering men.

 Imperfect is the joy not shared by
 all.
 O to spread forth, O to encircle
 and seize

с их эфирными одеждами,
 Я поднималась по твоим чудесным,
 удивительным ступеням музыки,
 Жила средь рифм из
 ярких, беззаботных мыслей,
 И пульсом ощущала
 быстрые гармонии
 широкого восторга,
 И танцевала под
 спонтанный ритм души
 Затянутая лёгкими,
 возвышенными танцами богов.
 О, как благоухают тропы,
 где твои гуляют дети,
 Как восхитительны воспоминания
 об их стопах
 Среди того чудесного
 цветенья Рая:
 Моё касание становится сильнее,
 шаг мой —тяжелее.
 И там, где демоны и боги
 бьются средь ночи,
 Или воюют где-то,
 на границах с Солнцем,
 Касаясь сладостью
 и болью жизни,
 Чтоб вынести неровный
 напряжённый ритм,
 Пульсирующий на краю
 какой-то лучшей
 из божественных надежд,
 Чтобы осмелиться на невозможное
 в тех муках поиска,
 Во мне дух
 вечно существующей любви
 Протягивает руки,
 обнимая человечество.
 Но для меня — уж слишком
 отдалённы небеса твои
 от бед людей.
 Несовершенны радости,
 неразделяемые всеми.
 Прошу, распространяйся дальше,

More hearts till love in us has filled thy world!	окужай, захватывай, Всё больше человеческих сердец, пока любовь в нас не заполнит весь твой мир!
O life, the life beneath the wheeling stars!	О жизнь, о эта жизнь, под каруселью звёзд!
For victory in the tournament with death,	Чтоб победить в жестоком состязании со смертью,
For bending of the fierce and difficult bow,	Чтоб натянуть безжалостный, тяжёлый лук,
For flashing of the splendid sword of God!	Чтоб засверкал роскошный меч Всевышнего!
O thou who soundst the trumpet in the lists,	О ты, звучащий, как труба перед турниром,
Part not the handle from the untried steel,	Не убирай руки с клинка, не испытай его,
Take not the warrior with his blow unstruck.	Не забирай бойца, что не успел свой нанести удар.
Are there not still a million fights to wage?	И разве впереди не ждут нас миллионы битв?
O king-smith, clang on still thy toil begun,	О царь-кузнец, гремящий звон твоих трудов лишь начался,
Weld us to one in thy strong smithy of life.	Объедини нас всех в одно твоей могучей кузницею жизни.
Thy fine-curved jewelled hilt call Savitri,	Твой изукрашенный алмазами и тонкою резьбой эфес зовут Савитри,
Thy blade's exultant smile name Satyavan.	Восторг улыбки твоего клинка назвали Сатьяваном.
Fashion to beauty, point us through the world.	Ты создал нас для красоты, так прострели же нами этот мир.
Break not the lyre before the song is found;	Не разбивай на части лиру до того, как спета песня;
Are there not still unnumbered chants to weave?	И разве нам не предстоит ещё сложить бесчисленные гимны?
O subtle-souled musician of the years,	Душевный тонкий музыкант всех этих лет,
Play out what thou hast fluted on my stops;	Сыграй мне то, что выводил на флейте на моих привалах;
Arise from the strain their first wild plaint divined	Встань выше напряженья первых необдуманных

And that discover which is yet
unsung.

I know that I can lift man's soul to
God,

I know that he can bring the
Immortal down.

Our will labours permitted by thy
will

And without thee an empty roar of
storm,

A senseless whirlwind is the
Titan's force

And without thee a snare the
strength of gods.

Let not the inconscient gulf
swallow man's race

That through earth's ignorance
struggles towards thy Light.

O Thunderer with the lightnings
of the soul,

Give not to darkness and to death
thy sun,

Achieve thy wisdom's hidden firm
decree

And the mandate of thy secret
world-wide love."

Her words failed lost in thought's
immensities

Which seized them at the limits of
their cry

And hid their meaning in the
distances

That stir to more than ever speech
has won

From the Unthinkable, end of all
our thought,

And the Ineffable from whom all
words come.

и предсказуемых стенаний,
Чтоб обнаружить то,
что не воспето.

Я знаю, что способна душу человека
вознести до Бога,

Я знаю, он способен вниз спустить
и принести Бессмертное.

Но наша воля трудится
лишь с разрешения
твоей высокой воли,

И без тебя становится
пустым рычанием штормов,

Энергия Титана превращается
в бессмысленные ураганы,

И без тебя становится
ловушкой могущества богов.

Не дай пучине несознания
поглотить людскую расу,

Что сквозь невежество земли
стремится прорубить
путь к Свету твоему.

О Громовержец
с молниями душ,

Не отдавай же своё солнце
темноте и смерти,

Так воплоти же
скрытое и непреложное решенье
мудрости твоей,

Мандат твоей таинственной,
широкой словно мир, любви."

Её слова упали вниз,
и затерялись в необъятностях
ему принадлежащей мысли,

Что обняла их на границах
зова этих слов

И спрятала их смысл
в своих просторах,

Распространяющихся дальше,
чем любая речь
способна покорить,

От Невообразимого,
конца всех наших мыслей,

И до Невыразимого,

откуда к нам приходят все слова.

Then with a smile august as
 noonday heavens

The godhead of the vision
 wonderful:
 "How shall earth-nature and man's
 nature rise
 To the celestial levels, yet earth
 abide?
 Heaven and earth towards each
 other gaze
 Across a gulf that few can cross,
 none touch,
 Arriving through a vague ethereal
 mist
 Out of which all things form that
 move in space,
 The shore that all can see but
 never reach.
 Heaven's light visits sometimes
 the mind of earth;
 Its thoughts burn in her sky like
 lonely stars;

In her heart there move celestial
 seekings soft
 And beautiful like fluttering wings
 of birds,
 Visions of joy that she can never
 win
 Traverse the fading mirror of her
 dreams.
 Faint seeds of light and bliss bear
 sorrowful flowers,
 Faint harmonies caught from a
 half-heard song
 Fall swooning mid the wandering
 voices' jar,

Затем, с улыбкою,
 наполненной величием,
 как небо в полдень,
 То божество чудесного видения
 ответило Савитри:
 "Но как поднимется природа человека
 и вообще, земная,
 До уровня небес,
 при этом оставаясь на земле?
 Земля и небо смотрят друг на друга
 через пропасть,
 Которую немногие способны пересечь,
 так ничего и не коснувшись,
 Пройдя по смутному
 эфирному туману,
 Который формирует всё,
 что движется в пространстве,
 На берег, что все могут видеть,
 но никто не может до него дойти.
 Небесный свет, бывает,
 посещает ум земли,
 И мысли света
 посреди земного неба
 Горят как одинокие
 сияющие звёзды,
 А в сердце у неё блуждают
 мягкие небесные искания,
 И восхитительные, словно
 трепетанье птичьих крыл,
 Виденья радости, которые она
 не сможет никогда завоевать,
 Проходят по тускнеющему
 отражению её мечтаний.
 Из слабых зёрен света и блаженства
 вырастают жалкие цветы,
 Неясные гармонии улавливаются
 в почти неслышной песне,
 И, замирая, падают
 средь дребезжания
 гуляющих повсюду голосов,

Foam from the tossing luminous
 seas where dwells
 The beautiful and far delight of
 gods,
 Raptures unknown, a miracled
 happiness
 Thrill her and pass half-shaped to
 mind and sense.

Above her little finite steps she
 feels,
 Careless of knot or pause, worlds
 which weave out
 A strange perfection beyond law
 and rule,
 A universe of self-found felicity,

An inexpressible rhythm of
 timeless beats,
 The many-movemented
 heart-beats of the One,

Magic of the boundless harmonies
 of self,
 Order of the freedom of the infinite,
 The wonder-plastics of the
 Absolute.
 There is the All-Truth and there
 the timeless bliss.

But hers are fragments of a
 star-lost gleam,
 Hers are but careless visits of the
 gods.
 They are a Light that fails, a Word
 soon hushed
 And nothing they mean can stay
 for long on earth.
 There are high glimpses, not the
 lasting sight.
 A few can climb to an unperishing
 sun,

Средь пены и волнения
 светлых океанов, где живёт
 Восторг богов,
 далёкий и прекрасный,
 Неведомые наслаждения
 и удивительное счастье,
 Что заставляют трепетать её
 и переходят в ум и чувство
 в виде полу-образов.
 А выше тех конечных небольших шагов
 она способна ощутить,
 Не думая о промежутках и узлах —
 миры, которые свивают
 Неведомое совершенство
 за пределом правил и законов,
 Вселенную само собою
 обретаемого счастья,
 Невыразимый ритм
 вневременных биений,
 Сердечный пульс Единого,
 что проявляется
 во множестве движений,
 И магию неограниченных гармоний
 внутреннего "я",
 И строй свободы бесконечности,
 И полную чудес
 пластичность Абсолюта.
 Есть Всеобъемлющая Истина,
 и есть блаженство
 за пределом времени.
 Но у неё¹ — лишь некие осколки
 от растерянного звёздами сияния,
 Но у неё — лишь посещения
 беззаботных, легкомысленных богов.
 Они — тот Свет, что гаснет,
 Слово что стихает,
 И ничего из их намерений не может
 долго оставаться на земле.
 Они — высокие намёки,
 но не виденье, что остаётся.
 Немногие способны подниматься
 до негаснущего солнца,

¹ земли, прим. пер.

Or live on the edges of the mystic moon
 And channel to earth-mind the wizard ray.
 The heroes and the demigods are few
 To whom the close immortal voices speak
 And to their acts the heavenly clan are near.
 Few are the silences in which Truth is heard,
 Unveiling the timeless utterance in her deeps;
 Few are the splendid moments of the seers.
 Heaven's call is rare, rarer the heart that heeds;

 The doors of light are sealed to common mind

 And earth's needs nail to earth the human mass,

 Only in an uplifting hour of stress

 Men answer to the touch of greater things:
 Or, raised by some strong hand to breathe heaven-air,
 They slide back to the mud from which they climbed;
 In the mud of which they are made, whose law they know
 They joy in safe return to a friendly base,

 And, though something in them weeps for glory lost
 And greatness murdered, they accept their fall.
 To be the common man they think the best,

Иль жить на самом краешке мистического утра,
 Пронзая ум земли магическим лучом.
 Героев и полубогов — немного,
 Немного тех, с кем говорит бессмертный близкий голос,
 Кто по делам своим приблизились до клана небожителей.
 Немного тех безмолвий, где можно слышать Истину,
 Приоткрывающую проявления вневременья в своих глубинах;
 Немного замечательных мгновений у провидцев.
 И редко возникает зов Небес, а ещё реже — сердце, что его услышит;

 Так двери света закрываются печатью для обычного ума,
 И множество людей пригвождены к земле земными нуждами,
 И только в поднимающие их часы особенного напряжения способны люди отвечать касанью более великого:
 Иль, поднятые некоей сильною рукою, вдохнуть небесной атмосферы,
 Они соскальзывают снова в грязь, откуда поднимались;
 А в той грязи, в которой созданы они, и чьи законы знают,
 Они вновь рады безопасности, вернувшись к дружеской, понятной им основе,
 И хоть в них что-то плачет по утраченным великолепиям,
 И по загубленным величиям, они всё ж соглашаются с падением.
 Быть как обычный человек — они считают лучшим,

To live as others live is their
delight.

For most are built on Nature's
early plan

And owe small debt to a superior
plane;

The human average is their level
pitch,

A thinking animal's material
range.

In the long ever-mounting
hierarchy,

In the stark economy of cosmic
life

Each creature to its appointed task
and place

Is bound by his nature's form, his
spirit's force.

If this were easily disturbed, it
would break

The settled balance of created
things;

The perpetual order of the
universe

Would tremble, and a gap yawn in
woven Fate.

If men were not and all were
brilliant gods,

The mediating stair would then be
lost

By which the spirit awake in
Matter winds

Accepting the circuits of the
middle Way,

By heavy toil and slow aeonic
steps

Reaching the bright miraculous
fringe of God,

Into the glory of the Oversoul.

Жить, как живут другие —
наслаждение для них.

Ведь в большинстве своём
они сотворены по самым
первым замыслам Природы,

И мало чем обязаны другим,
высоким планам;

Их планка —
средний уровень людей,

Быть мыслящим животным —
их материальные пределы.

Средь длинной,
постоянно восходящей иерархии,

И в строгой экономии
космического бытия

Любое существо привязано
к своим определённым
месту и задаче

И силой собственного духа,
и формой собственной природы.

И если б это можно было
так легко сломать,

Нарушилось бы установленное
равновесие творения;

И зашатался б вечный распорядок
во вселенной,

И пропасть бы разверзлась
в сотканной Судьбе.

И если б не было людей,
а были б все сверкающими,
как алмаз, богами,

Была б потеряна
та промежуточная стадия,

При помощи которой
дух стремится пробудить
крыла в Материи,

Сам соглашаясь
на витки срединного Пути,

Стремясь тяжёлыми трудами,
медленными эпохальными шагами

Достичь чудесной ослепительной
границы Бога,

Входя в великолепье Сверхдуши.

My will, my call is there in men and things;	Моё намеренье, мой зов, есть в людях и вещах,
But the Inconscient lies at the world's grey back	Но Несознание ложится рядом с серою спиною мира
And draws to its breast of Night and Death and Sleep.	И тянет этот мир к своей груди Сна, Смерти и Ночи.
Imprisoned in its dark and dumb abyss	И заточив в свою немую, чёрную пучину,
A little consciousness it lets escape	Лишь малой порции сознанья разрешает убежать,
But jealous of the growing light holds back	Но в ревности к всё время возрастающему свету, тянет снова, прочь, назад,
Close to the obscure edges of its cave	Поближе к неотчётливым краям своей пещеры,
As if a fond ignorant mother kept her child	Как если б любящая, но невежественная мать, держала бы дитя,
Tied to her apron strings of Nescience.	К халату привязав его верёвками Незнания.
The Inconscient could not read without man's mind	Но Несознание не может прочитать без человека, без его ума
The mystery of the world its sleep has made:	Мистерию, загадку мира, сотворённого его огромным сном:
Man is its key to unlock a conscious door.	Для Несознанья человек — тот ключ, что открывает дверь сознания.
But still it holds him dangled in its grasp:	Но до сих пор оно лишь дразнит человека, не пуская из своих тисков:
It draws its giant circle round his thoughts,	Оно очерчивает свой гигантский круг, рисует для него границу мыслей,
It shuts his heart to the supernal Light.	Оно захлопывает сердце у него перед небесным Светом.
A high and dazzling limit shines above,	Высокий, ослепительный предел сияет наверху,
A black and blinding border rules below:	И чёрный, ослепляющий рубеж всем управляет ниже:
His mind is closed between two firmaments.	Его ум стиснут между этой парой небосводов.
He seeks through words and images the Truth,	Через слова и образы он ищет Истину,

And, poring on surfaces and brute
outsides

Or dipping cautious feet in
shallow seas,

Even his Knowledge is an
Ignorance.

He is barred out from his own
inner depths;

He cannot look on the face of the
Unknown.

How shall he see with the
Omniscient's eyes,

How shall he will with the
Omnipotent's force?

O too compassionate and eager
Dawn,

Leave to the circling aeons' tardy
pace

And to the working of the
inconscient Will,

Leave to its imperfect light the
earthly race:

All shall be done by the long act
of Time.

Although the race is bound by its
own kind,

The soul in man is greater than his
fate:

Above the wash and surge of
Time and Space,

Disengaging from the cosmic
commonalty

By which all life is kin in grief
and joy,

Delivered from the universal Law

The sunlike single and
transcendent spirit

Can blaze its way through the
mind's barrier wall

And burn alone in the eternal sky,

То досконально изучая грубую
поверхностную сторону вещей,

То осторожно погружая ноги
в мелкие моря,

Но всё же Знание его —
всегда Невежество.

Он отделён от
внутренних своих глубин;

Не может он взглянуть
в лицо Неведомого.

И как же будет он смотреть
глазами Всеосознающего

И как же будет действовать он
с силой Всемогущего?

О, слишком сострадательная,
страстная Заря,

Оставь земную расу
для неторопливой поступи
циклических эпох,

И для работы
неосознающей Воли,

Оставь её на тот несовершенный свет,
который уже есть:

Всё будет совершаться через
длительное действие Времени.

Хоть эта раса ограничена
особенностью вида,

Душа у человека выше,
чем его судьба:

Поднявшись выше волн, прибоев
Времени, Пространства,

И отделившись
от космической общины,

Из-за чего вся жизнь
сродни то радости, то горю,

Освободившись
от вселенского Закона,

Отдельный, трансцендентный дух,
подобный солнцу,

Способен проложить свой путь
сквозь стену, сквозь барьер ума

И в одиночку засиять
в эфирном небе,

Inhabitant of a wide and endless
calm.
O flame, withdraw into thy
luminous self.
Or else return to thy original
might
On a seer-summit above thought
and world;
Partner of my unhour'd eternity,
Be one with the infinity of my
power:
For thou art the World-Mother
and the Bride.
Out of the fruitless yearning of
earth's life,
Out of her feeble unconvincing
dream,
Recovering wings that cross
infinity
Pass back into the Power from
which thou cam'st.
To that thou canst uplift thy
formless flight,
Thy heart can rise from its
unsatisfied beats
And feel the immortal and
spiritual joy
Of a soul that never lost felicity.
Lift up the fallen heart of love
which flutters
Cast down desire's abyss into the
gulfs.
For ever rescued out of Nature's
shapes
Discover what the aimless cycles
want,
There intertwined with all thy life
has meant,
Here vainly sought in a terrestrial
form.
Break into eternity thy mortal
mould;

Став обитателем широкого
и бесконечного покоя.
О пламя, уходи назад,
в своё светящееся "я".
Иль возвращайся
к изначальному могуществу
На запредельной высоте провидцев,
выше мысли, выше мира;
Партнёром вечности моей,
не знающей часов,
Объединяйся с бесконечностью
моей энергии и силы,
Ведь ты Мать Мира,
ты — Невеста.
Из бесполезного стремленья
жизни на земле,
Из немощных её,
неубедительных мечтаний,
Расправив крылья,
что расходятся до бесконечности,
Вернись назад, в ту Силу,
из которой ты пришла.
До этой Силы можешь ты возвысить
свой бесформенный полёт,
А сердце может у тебя подняться
над неудовлетворённым пульсом
И ощутить духовную,
не знающую смерти радость
Души, что никогда
и не теряла счастья.
Так поднимись же над своим
влюблённым беспокойным сердцем,
И брось пучину своего желанья
в бездну.
Освободись же навсегда
от форм Природы,
Узнай — чего хотят
бессмысленные циклы,
И для чего предназначалась
жизнь твоя, переплетённая со всем,
И что напрасно здесь искать
в земном облиции.
Швырни же в вечность

Melt, lightning, into thy invisible
flame!
Clasp, Ocean, deep into thyself
thy wave,
Happy for ever in the
embosoming surge.
Grow one with the still passion of
the depths.
Then shalt thou know the Lover
and the Loved,
Leaving the limits dividing him
and thee.
Receive him into boundless
Savitri,
Lose thyself into infinite
Satyavan.
O miracle, where thou beganst,
there cease!"

But Savitri answered to the
radiant God:
"In vain thou temptst with solitary
bliss
Two spirits saved out of a
suffering world;
My soul and his indissolubly
linked
In the one task for which our lives
were born,
To raise the world to God in
deathless Light,
To bring God down to the world
on earth we came,
To change the earthly life to life
divine.
I keep my will to save the world
and man;
Even the charm of thy alluring
voice,
O blissful Godhead, cannot seize
and snare.
I sacrifice not earth to happier
worlds.

ты свой смертный прах;
И влейся, молния,
в своё невидимое пламя!
Пусть Океан в твоих глубинах
обнимет, наконец, свою волну,
Стань навсегда счастливой
в прижимающем к груди валу.
О, слейся воедино
с тихой страстностью глубин.
Тогда узнаешь ты
и Любящего, и Любимого,
Оставив все пределы,
разделяющие вас.
Прими его
в бескрайнюю Савитри,
И потеряй себя
в том бесконечном Сатьяване.
О чудо, так остановись же там,
где началось!"

Но отвечала так Савитри
этому сияющему Богу:
"Напрасно искушаешь
одиноким ты блаженством
Два духа, отделяя
от страдающего мира;
Моя душа с его душою
неразрывно связаны
В одной задаче, для которой
наши жизни рождены,
Поднять мир к Богу,
и в бессмертный Свет,
И Бога принести на землю,
в мир, куда мы с ним пришли,
Чтоб переделать жизнь земную
в жизнь божественную.
Моё намеренье спасти людей и мир
не изменилось;
И даже чары твоего
пленяющего голоса,
О полное блаженства Божество,
не могут ни поймать, ни зацепить.
Я не пожертвую землёй

Because there dwelt the Eternal's
 vast Idea
 And his dynamic will in men and
 things,
 So only could the enormous scene
 begin.
 Whence came this profitless
 wilderness of stars,
 This mighty barren wheeling of
 the suns?
 Who made the soul of futile life in
 Time,
 Planted a purpose and a hope in
 the heart,
 Set Nature to a huge and
 meaningless task
 Or planned her million-aeoned
 effort's waste?
 What force condemned to birth
 and death and tears
 These conscious creatures
 crawling on the globe?
 If earth can look up to the light of
 heaven
 And hear an answer to her lonely
 cry,
 Not vain their meeting, nor
 heaven's touch a snare.
 If thou and I are true, the world is
 true;
 Although thou hide thyself behind
 thy works,
 To be is not a senseless paradox;
 Since God has made earth, earth
 must make in her God;
 What hides within her breast she
 must reveal.
 I claim thee for the world that
 thou hast made.

для более счастливых царств.
 Ведь широта, простор
 Идеи Вечного
 И динамичное его намеренье
 живут и в людях, и в вещах,
 И только так могла начаться
 эта грандиозного размера сцена.
 Откуда же пришла
 вся эта масса бесполезных звёзд,
 Могучее бесплодное
 вращенье солнц?
 Кто создал душу для
 поверхностного бытия
 во Времени,
 Посеял в сердце семена
 надежд и цели,
 Кто дал Природе необъятную задачу,
 не имеющую смысла,
 И запланировал пустую трату
 миллионо-вековых усилий?
 Какая сила осудила
 на рожденье, смерть и слёзы
 Все эти сознающие создания,
 которыми кишит планета?
 И хоть земля не может
 взгляд поднять свой в свет небес,
 Услышать там ответ
 на одинокий свой призыв,
 То всё же не напрасна эта встреча,
 и касанье неба — не ловушка.
 И если ты и я есть истина,
 мир — тоже истина;
 Хоть ты себя скрываешь
 за своим творением,
 Быть — не бессмысленный,
 абсурдный парадокс;
 И так же, как Бог создал землю,
 земля должна создать
 в своих глубинах Бога;
 Она должна открыть всё то,
 что до сих пор
 скрывается в её груди.
 Я требую — тебя —

If man lives bound by his
 humanity,
 If he is tied for ever to his pain,

 Let a greater being then arise from
 man,

 The superhuman with the Eternal
 mate
 And the Immortal shine through
 earthly forms.
 Else were creation vain and this
 great world
 A nothing that in Time's moments
 seems to be.
 But I have seen through the
 insentient mask;
 I have felt a secret spirit stir in
 things
 Carrying the body of the growing
 God:
 It looks through veiling forms at
 veilless truth;
 It pushes back the curtain of the
 gods;
 It climbs towards its own
 eternity."
 But the god answered to the
 woman's heart:
 "O living power of the incarnate
 Word,
 All that the Spirit has dreamed
 thou canst create:
 Thou art the force by which I
 made the worlds,
 Thou art my vision and my will
 and voice.
 But knowledge too is thine, the
 world-plan thou knowest
 And the tardy process of the pace
 of Time.
 In the impetuous drive of thy heart
 of flame,

для мира, что ты создал.
 И если человек живёт
 в цепях своей природы,
 И если навсегда привязан
 к собственному горю,
 То пусть другое существо
 поднимется из человека,
 более великое,
 Пусть обручится с Вечностью
 сверхчеловек,
 И сквозь земные формы
 засияет сам Бессмертный.
 Иначе будет всё творение напрасным,
 а великий этот мир — ничем,
 Хотя в какие-то мгновенья Времени,
 и кажется, что мир наш существует.
 Однако же я научилась видеть
 сквозь бесчувственную маску;
 Я ощутила тайный дух,
 что движется во всём,
 Поддерживая тело
 постепенно вырастающего Бога:
 Он через прикрывающие формы
 видит неприкрытый облик истины,
 И в сторону отодвигает
 занавес богов;
 Он поднимается всё выше,
 до ему принадлежащей вечности."
 Однако сердцу женщины
 бог дал такой ответ:
 "О ты, живая сила
 воплотившегося Слова,
 Ты можешь сотворить всё то,
 о чём мечтает Дух:
 Ты — то могущество,
 которым я творил миры,
 Ты — моё виденье,
 моё намеренье, мой голос.
 Но у тебя есть знание тоже,
 ты знаешь план вселенной,
 И ведомо тебе неторопливое движенье
 шага Времени.
 В стремительном твоём движеньи

In thy passion to deliver man and earth,	И в страстном устремлении твоём освободить людей и землю,
Indignant at the impediments of Time	Не принимая во вниманье затрудненья Времени,
And the slow evolution's sluggard steps,	Ленивые шаги неторопливой эволюции,
Lead not the spirit in an ignorant world	Не заставляй же дух в невежественном мире
To dare too soon the adventure of the Light,	Отважиться на чересчур поспешное рискованное приключенье Света,
Pushing the bound and slumbering god in man	Подталкивая связанного, дремлющего бога в человеке
Awakened mid the ineffable silences	Проснуться средь неописуемых безмолвий,
Into endless vistas of the unknown and unseen,	Войти в те нескончаемые перспективы неизвестного, незримого,
Across the last confines of the limiting Mind	И пересечь последние заставы рубежей Ума,
And the Superconscient's perilous border line	Рискованную линию границы Сверхсознания,
Into the danger of the Infinite.	И вторгнуться в опасность Бесконечности.
But if thou wilt not wait for Time and God,	Но если ты не хочешь ждать ни Времени, ни Бога,
Do then thy work and force thy will on Fate.	То выполняй свою работу, волю примени к Судьбе.
As I have taken from thee my load of night	Как я тебя освободил от бремени моей ночи
And taken from thee my twilight's doubts and dreams,	И сбросил прочь с тебя сомнения и грёзы сумерек,
So now I take my light of utter Day.	Так я сейчас возьму назад свет совершенства Дня.
These are my symbol kingdoms but not here	Всё это символические царства, и не здесь
Can the great choice be made that fixes fate	Возможен тот великий выбор, что определит судьбу,
Or uttered the sanction of the Voice supreme.	Иль выразит согласие божественного Голоса.
Arise upon a ladder of greater worlds	Иди же вверх, по лестнице великих планов и миров
To the infinity where no world can be.	До бесконечности, где никакой мир больше невозможен.

But not in the wide air where a
greater Life
Uplifts its mystery and its miracle,

And not on the luminous peaks of
summit Mind,
Or in the hold where subtle
Matter's spirit
Hides in its light of shimmering
secrecies,
Can there be heard the Eternal's
firm command
That joins the head of destiny to
its base.

These only are the mediating
links;
Not theirs is the originating sight

Nor the fulfilling act or last
support
That bears perpetually the cosmic
pile.

Two are the Powers that hold the
ends of Time;
Spirit foresees, Matter unfolds its
thought,
The dumb executor of God's
decrees,
Omitting no iota and no dot,

Agent unquestioning, inconscient,
stark,

Evolving inevitably a charged
content,
Intention of his force in Time and
Space,

In animate beings and inanimate
things;

Immutably it fulfils its ordered
task,

It cancels not a tittle of things
done;

Но не в широкой атмосфере,
где великая, возвышенная Жизнь
Возносит к небесам
свою мистерию и чудо,

И не на светлых пиках
высочайших гор Ума,
Не там, где тонкая Материя,
где дух её
Скрывается в лучах
её мерцающих укрытий,
Услышать можно
твёрдую команду Вечного,
Которая соединяет
направление судьбы
с её основой.

Всё это только
промежуточные связи;
Не им принадлежит
дающее начало виденье,

И наполняющее действие,
последняя опора,
Что вечно держат и несут
космическое здание.

Есть только два Могущества,
что держат Время за его края;
Дух, что предвидит, и Материя,
что раскрывает мысли Духа,

Немая исполнительница
указаний Бога,

Не отступающая
ни на йоту, ни на шаг,

Посредница, не задающая вопросов,
непреклонная, не сознающая,

Неотвратимо разворачивает
эволюцию того, что поручили ей,

Намерение сил его
в Пространстве и во Времени,

В одушевлённых существах,
и в неодушевлённом;

Она всё время, неизменно,
выполняет заданный ей план,

Не отменяя ни малейшей капли
из того, что сделано;

Unswerving from the oracular command	Не отклоняясь от предвидящего указания,
It alters not the steps of the Unseen.	Не спотыкаясь в поступи Незримого.
If thou must indeed deliver man and earth	И если ты действительно должна освободить людей и землю,
On the spiritual heights look down on life,	То посмотри на жизнь с духовной высоты,
Discover the truth of God and man and world;	Открой же истину о Боге, человеке, мире;
Then do thy task knowing and seeing all.	И после выполняй свою задачу, зная всё и наблюдая всё.
Ascend, O soul, into thy timeless self;	Так поднимись же, о душа, в своё вневременное "я";
Choose destiny's curve and stamp thy will on Time."	Там выбери вираж судьбы, поставь на Времени печать своих намерений."
He ended and upon the falling sound	Он смолк, и на волне стихающего звука
A power went forth that shook the founded spheres	Возникла сила, что потрянула созданные сферы,
And loosed the stakes that hold the tents of form.	Ослабила опоры, что держали перекрытья форм.
Absolved from vision's grip and the folds of thought,	Освобождённые от хватки виденья, от складок мысли,
Rapt from her sense like disappearing scenes	Из чувств её похищенные, словно исчезающие сцены,
In the stupendous theatre of Space The heaven-worlds vanished in spiritual light.	Огромного театра — Космоса, Небесные миры терялись в свете духа.
A movement was abroad, a cry, a word,	Везде распространялось слово, зов, движение,
Beginningless in its vast discovery,	Не знавшее начала в том широком проявлении,
Momentless in its unthinkable return:	Не разделяемое на мгновения в своём невообразимом возвращении:
Chaired in calm seas she heard the eternal Thought	Она слышала хор вечной Мысли в океанах тишины,
Rhythming itself abroad unutterably	Которая безмолвно задавала ритм себе везде —
In spaceless orbits and on timeless roads.	И на орбитах вне пространства, и на дорогах, что вне времени.
In an ineffable world she lived fulfilled.	Она ¹ жила, исполнившая всё,

An energy of the triune Infinite,	в невыразимом мире.
In a measureless Reality she dwelt,	Энергия той триединой
A rapture and a being and a force,	Бесконечности,
A linked and myriad-motioned plenitude,	Она существовала в той
A virgin unity, a luminous spouse,	неизмеримости Реальности,
Housing a multitudinous embrace	В восторге, силе
To marry all in God's immense delight,	и существовании,
Bearing the eternity of every spirit,	В том изобилье, тесно связанном,
Bearing the burden of universal love,	с бесчисленным движением,
A wonderful mother of unnumbered souls.	В том девственном единстве,
All things she knew, all things imagined or willed:	в светлом браке,
Her ear was opened to ideal sound,	И в многочисленных объятиях,
Shape the convention bound no more her sight,	которые пришли
A thousand doors of oneness was her heart.	Чтоб всё на свете обручить
A crypt and sanctuary of brooding light	в безмерном наслажденьи Бога,
Appeared, the last recess of things beyond.	Несущем вечность
Then in its rounds the enormous fiat paused,	в каждом духе,
Silence gave back to the Unknowable	Несущем ношу
All it had given. Still was her listening thought.	всеобъемлющей любви,
The form of things had ceased within her soul.	Чудесной матерью
	неисчислимых душ.
	Она познала всё,
	всё, что придумано или задумано:
	Её слух стал открыт
	для звуков идеального,
	Условные ограничения облика
	не связывали больше взгляд,
	И сердце у Савитри стало
	тысячью дверей единства.
	Святынище и потайное место
	погружённого в раздумья света,
	Возникли перед ней,
	последнее убежище
	для запредельного.
	Затем огромное намеренье
	остановило собственные циклы,
	Безмолвие вернуло всё,
	что было у него,
	Непознаваемому.
	Затихшей стала
	слушавшая мысль Савитри.
	И облик всех вещей

¹ Савитри, прим. пер.

Invisible that perfect godhead now.	погас внутри её души. Незримым стал
Around her some tremendous spirit lived,	тот совершенный бог. Вокруг неё теперь жил
Mysterious flame around a melting pearl,	некий необъятный дух, Загадочное пламя окружало
And in the phantom of abolished Space	плавающий жемчуг, И в призраке исчезнувшего на глазах
There was a voice unheard by ears that cried:	Пространства, Явился голос, не доступный для ушей,
"Choose, spirit, thy supreme choice not given again;	что закричал: "Решайся, дух, твой высший выбор
For now from my highest being looks at thee	я разрешаю только раз; Ведь на тебя сейчас
The nameless formless peace where all things rest.	из высшего существования смотрит Неописуемый бесформенный покой,
In a happy vast sublime cessation know, -	где отдыхает всё. В, счастливой широте
An immense extinction in eternity,	возвышенного прекращения Познай безмерность
A point that disappears in the infinite, -	угасанья в вечности, И точку, исчезающую
Felicity of the extinguished flame, Last sinking of a wave in a boundless sea,	в этой бесконечности, И счастье затухающего пламени, Последней, опадающей волны
End of the trouble of thy wandering thoughts,	в безбрежном море, Конец тревог твоих
Close of the journeying of thy pilgrim soul.	скитающихся мыслей, И завершенье путешествия
Accept, O music, weariness of thy notes,	паломника — твоей души. Прими, о музыка,
O stream, wide breaking of thy channel banks."	усталость ног твоих, Река, раздайся вширь, и вырвись, наконец,
The moments fell into eternity.	из берегов своих." Мгновенья эти
But someone yearned within a bosom unknown	потонули в вечности. Но всё же кто-то устремился
And silently the woman's heart replied:	из неведомой груди И тихо сердце женщины
"Thy peace, O Lord, a boon within to keep	ответило ему: "Покой твой, о Господь — то благо, что хранят внутри,

Amid the roar and ruin of wild
 Time
 For the magnificent soul of man
 on earth.
 Thy calm, O Lord, that bears thy
 hands of joy."
 Limitless like ocean round a
 lonely isle
 A second time the eternal cry
 arose:
 "Wide open are the ineffable gates
 in front.
 My spirit leans down to break the
 knot of earth,
 Amorous of oneness without
 thought or sign
 To cast down wall and fence, to
 strip heaven bare,
 See with the large eye of infinity,

 Unweave the stars and into silence
 pass."
 In an immense and
 world-destroying pause
 She heard a million creatures cry
 to her.
 Through the tremendous stillness
 of her thoughts
 Immeasurably the woman's nature
 spoke:
 "Thy oneness, Lord, in many
 approaching hearts,
 My sweet infinity of thy
 numberless souls."
 Mightily retreating like a sea in
 ebb
 A third time swelled the great
 admonishing call:
 "I spread abroad the refuge of my
 wings.
 Out of its incommunicable deeps
 My power looks forth of mightiest
 splendour, stilled

Средь рёва и руин
 неистового Времени
 Для изумительной души
 земного человека.
 Твой спокойствие, Господь,
 несут твои ладони радости."
 И беспредельный, словно океан,
 что окружает одинокий остров,
 Второй раз зазвучал
 зов вечного:
 "Перед тобой распахнуты
 врата невыразимого.
 Мой дух склонился
 узел разрубить земли,
 Что очарована единством
 без каких-то символов и мыслей,
 Желая опрокинуть стены и ограды,
 обнажить божественные небеса,
 Смотреть на всё
 широким взглядом бесконечности,
 Распутать эти звёзды
 и попасть в безмолвие."
 В безмерной паузе,
 способной разрушать миры,
 Она услышала, как к ней зывают
 миллион созданий.
 Сквозь потрясающую
 тишину в её уме
 Безмерным был ответ
 природы этой женщины:
 "Твоё единство, о Господь,
 во многих устремившихся сердцах
 Моя любимая и сладостная бесконечность
 твоих неисчислимых душ."
 В могучем отступлении,
 как море при отливе,
 Поднялся в третий раз
 великий убеждающий призыв:
 "Убежище из крыл моих
 я распростёр повсюду.
 Из этих непередаваемых глубин
 Моя энергия и сила видят дальше
 самого могучего великолепия,

Into its majesty of sleep,
 withdrawn
 Above the dreadful whirlings of
 the world."
 A sob of things was answer to the
 voice,
 And passionately the woman's
 heart replied:
 "Thy energy, Lord, to seize on
 woman and man,
 To take all things and creatures in
 their grief
 And gather them into a mother's
 arms."
 Solemn and distant like a seraph's
 lyre
 A last great time the warning
 sound was heard:
 "I open the wide eye of solitude

 To uncover the voiceless rapture
 of my bliss,
 Where in a pure and exquisite
 hush it lies
 Motionless in its slumber of ecstasy,

 Resting from the sweet madness
 of the dance
 Out of whose beat the throb of
 hearts was born."
 Breaking the Silence with appeal
 and cry
 A hymn of adoration tireless
 climbed,
 A music beat of winged uniting
 souls,
 Then all the woman yearningly
 replied:
 "Thy embrace which rends the
 living knot of pain,
 Thy joy, O Lord, in which all
 creatures breathe,
 Thy magic flowing waters of deep
 love,

 То успокоившись
 в величественном сне,
 То поднимаясь выше
 самых страшных вихрей мира."
 Рыдание всего на свете
 стало откликом на этот голос,
 И страстно сердце женщины
 ему ответило:
 "Так пусть твоя энергия, Господь,
 охватит женщину с мужчиной,
 Пусть примет все творенья
 и создания в их горе,
 И соберёт их всех
 в объятьях матери."
 Торжественно, издалека,
 как лира серафима,
 В последний раз послышался
 предупреждавший голос:
 "Я открываю для тебя
 широкий взгляд уединения
 Чтобы явить беззвучные восторги
 моего блаженства,
 Где в утончённой,
 чистой тишине
 Лежит оно бездвижно,
 в дремоте экстаза,
 На отдыхе от сладкого безумия
 мистического танца,
 Откуда и рождается
 пульс всех сердец на свете."
 Нарушив то Безмолвие
 призывами и криком
 Неутомимо начал подниматься
 гимн любви
 И мелодичное биение
 объединяющихся окрылённых душ,
 Затем, желая и стремясь,
 всё в этой женщине ответило:
 "Твоё объятие, что рассечёт
 животрепещущий комок страдания,
 И радость, о Господь, твою,
 которой дышит всякое творение,
 И магию твою, которая течёт

Thy sweetness give to me for
earth and men."

Then after silence a still blissful
cry

Began, such as arose from the
Infinite

When the first whisperings of a
strange delight

Imagined in its deep the joy to
seek,

The passion to discover and to
touch,

The enamoured laugh which
rhymed the chanting worlds:

"O beautiful body of the incarnate
Word,

Thy thoughts are mine, I have
spoken with thy voice.

My will is thine, what thou hast
chosen I choose:

All thou hast asked I give to earth
and men.

All shall be written out in destiny's
book

By my trustee of thought and plan
and act,

The executor of my will, eternal
Time.

But since thou hast refused my
mainless Calm

And turned from my termless
peace in which is expunged

The visage of Space and the shape
of Time is lost,

And from happy extinction of thy
separate self

In my uncompanied lone
eternity, -

как океан глубин любви,
Твою особенную сладость —
дай мне для земли и для людей."

Затем, после минутной тишины,
блаженный тихий голос,

Возник из Бесконечности,
как будто поднимался он

Когда лишь первое шептанье
странного восторга

Там, в глубине своей,
вообразило радость поиска

И страстное стремленье
открывать и прикасаться,

Чарующий, прекрасный смех,
что рифмовал поющие миры:

"О восхитительное тело
воплотившегося Слова,

Все мысли у тебя — мои,
и голосом твоим — я говорил.

И воля у меня — твоя,
что выбирала ты —
то сам я выбирал:

Всё что просила ты —
я дам земле и людям.

Всё в книгу судеб
будет внесено

Моим поверенным всех мыслей,
планов, действий

И исполнителем моей высокой воли —
вечным Временем.

Но раз ты отказалось от
непотревоженного
моего Спокойствия

И отвернулась прочь от
беспредельного покоя моего,

Там, где стирается
лик самого Пространства,
и утерян облик Времени,

От счастья угасанья
твоего самостоятельного "я"

В моей ни с кем не говорящей

For not for thee the nameless worldless Nought, Annihilation of thy living soul	одинокой вечности, — Не для тебя моё неопишное бессловесное Ничто И растворение твоей живой души,
And the end of thought and hope and life and love In the blank measureless Unknowable, -	Конец надежды, жизни, мысли и любви В неизмеримом и пустом Непознаваемом, —
I lay my hands upon thy soul of flame, I lay my hands upon thy heart of love,	Я руки положу свои на душу пламени твою, Я руки положу свои на сердце полное любви,
I yoke thee to my power of work in Time. Because thou hast obeyed my timeless will,	И вовлеку тебя в моё могущество работ во Времени. И раз ты подчинилась моему намеренью вне времени,
Because thou hast chosen to share earth's struggle and fate And leaned in pity over earth-bound men And turned aside to help and yearned to save,	Решила разделить и битву, и судьбу земли, Склонилась, сострадав над людьми, что связаны землёю, И обернулась им помочь, и захотела их спасти,
I bind by thy heart's passion thy heart to mine And lay my splendid yoke upon thy soul. Now will I do in thee my marvellous works.	Соединяю я страсть сердца твоего с моим, Впрягаю душу я твою в моё роскошное ярмо. Отныне буду я творить в тебе свои чудесные дела.
I will fasten thy nature with my cords of strength, Subdue to my delight thy spirit's limbs And make thee a vivid knot of all my bliss And build in thee my proud and crystal home.	Я укреплю твою природу струнами моих могуществ, сил, И подчиню восторгу своему все элементы духа твоего, И сделаю тебя живым узлом всего блаженства моего, И выстрою в тебе моё хрустальное и гордое жилище.
Thy days shall be my shafts of power and light, Thy nights my starry mysteries of joy And all my clouds lie tangled in thy hair	Твои дни станут копьями моей энергии и света, А ночи — звёздными мистериями радости, Все облака мои повиснут, путаясь в копне твоих волос,

And all my springtides marry in
 thy mouth.
 O Sun-Word, thou shalt raise the
 earth-soul to Light
 And bring down God into the lives
 of men;
 Earth shall be my work-chamber
 and my house,

 My garden of life to plant a seed
 divine.

 When all thy work in human time
 is done
 The mind of earth shall be a home
 of light,
 The life of earth a tree growing
 towards heaven,

 The body of earth a tabernacle of
 God.
 Awakened from the mortal's
 ignorance
 Men shall be lit with the Eternal's
 ray
 And the glory of my sun-lift in
 their thoughts
 And feel in their hearts the
 sweetness of my love
 And in their acts my Power's
 miraculous drive.
 My will shall be the meaning of
 their days;
 Living for me, by me, in me they
 shall live.
 In the heart of my creation's
 mystery
 I will enact the drama of thy soul,

 Inscribe the long romance of Thee
 and Me.
 I will pursue thee across the
 centuries;

И все мои весенние ручьи
 сольются на твоих губах.
 О Солнце-Слово, ты земную душу
 к Свету вознесёшь
 И спустишь Бога
 в жизнь людей;
 И станет вся Земля
 моею мастерскою
 и домом для меня,
 И превратится в мой сад жизни,
 чтобы прорастить
 божественные семена.
 Когда во времени людей
 весь труд твой завершится,
 То станет ум земли —
 жилищем света,
 И жизнь земли —
 высоким деревом,
 растущим к небесам,
 А тело у земли —
 священным храмом Бога.
 От смертного незнания,
 невежества проснувшись,
 Все люди будут залиты
 лучами Вечного,
 Моею славой солнечных подъёмов
 в их смертных мыслях,
 Они почувствуют в своих сердцах
 всю сладость моей любви
 В своих делах — чудесное движение
 моей Энергии.
 Моё намерение, воля
 станут смыслом для их дней;
 Тогда они начнут жить для меня,
 жить мною, жить во мне.
 И в самом центре
 тайны моего творения
 Я разыграю драматическое действие
 твоей души,
 И посвящёнье долгому роману
 меж Тобой и Мной —
 И буду я преследовать тебя
 сквозь все столетия;

Thou shalt be hunted through the world by love,	Моей любовью будешь ты гонима через всю вселенную,
Naked of ignorance' protecting veil	С тебя слетит защитная вуаль невежества,
And without covert from my radiant gods.	И у тебя не будет никаких укрытий от моих сияющих богов.
No shape shall screen thee from my divine desire,	И никакому облику не скрыть тебя от моего небесного желания,
Nowhere shalt thou escape my living eyes.	И никуда тебе не убежать от моего живого взгляда.
In the nudity of thy discovered self,	Так, в наготе раскрывшегося внутреннего "я",
In a bare identity with all that is,	И в оголённом тождестве со всем, что существует,
Disrobed of thy covering of humanity,	Отбросив от себя покровы человечества,
Divested of the dense veil of human thought,	И скинув плотную завесу мысли человека,
Made one with every mind and body and heart,	Единой став со всяким сердцем, телом и умом,
Made one with all Nature and with Self and God,	Единой став со всей Природой, с Высшим "Я" и Богом,
Summing in thy single soul my mystic world	Объединив в твоей одной душе мистический мой мир,
I will possess in thee my universe,	Я буду обладать в тебе моей вселенной,
The universe find all I am in thee.	Вселенная найдёт в тебе всё, чем являюсь я.
Thou shalt bear all things that all things may change,	И всё на свете будешь ты переносить, чтоб это всё смогло бы измениться,
Thou shalt fill all with my splendour and my bliss,	Ты всё наполнишь роскошью моей, моим блаженством,
Thou shalt meet all with thy transmuting soul.	И встретишь всё своей преобразующей душой.
Assailed by my infinitudes above,	Моими бесконечностями атакованная свыше,
And quivering in immensities below,	И трепеща в моих безмерностях внизу,
Pursued by me through my mind's wall-less vast,	И мной преследуемая в просторах моего ума без стен,
Oceanic with the surges of my life,	Похожему на океан, с валами мне принадлежащей жизни,

A swimmer lost between two
 leaping seas
 By my outer pains and inner
 sweetnesses
 Finding my joy in my opposite
 mysteries
 Thou shalt respond to me from
 every nerve.
 A vision shall compel thy
 coursing breath,

 Thy heart shall drive thee on the
 wheel of works,
 Thy mind shall urge thee through
 the flames of thought,
 To meet me in the abyss and on
 the heights,
 To feel me in the tempest and the
 calm,
 And love me in the noble and the
 vile,
 In beautiful things and terrible
 desire.
 The pains of hell shall be to thee
 my kiss,
 The flowers of heaven persuade
 thee with my touch.
 My fiercest masks shall my
 attractions bring.

 Music shall find thee in the voice
 of swords,
 Beauty pursue thee through the
 core of flame.
 Thou shalt know me in the rolling
 of the spheres
 And cross me in the atoms of the
 whirl.

 The wheeling forces of my
 universe
 Shall cry to thee the summons of
 my name.

Пловцом, потерянным
 среди двух прыгнувших морей,
 Моих страданий внешнего
 и сладостей внутри,
 Ты будешь радость находить мою
 среди мистерии моих противоречий,
 И станешь каждым нервом
 откликаться мне.
 Иное видение подчинит
 твою, идущую иным маршрутом
 жизнь,
 И сердце поведёт тебя
 по колесу работ,
 Твой ум начнёт проталкивать тебя
 сквозь пламя мыслей,
 Чтоб повстречать меня
 и в бездне, и на высших пиках,
 Чтоб ощутить меня
 и в потрясении, и в тишине,
 Любить меня
 и в благородном, и в дурном,
 В прекраснейших вещах,
 и в ужасающем желании.
 И муки ада станут для тебя
 моими поцелуями,
 Цветы небес начнут упрашивать
 тебя моим прикосновением.
 И самые мои свирепые,
 безжалостные маски
 будут лишь тянуть тебя ко мне.
 И даже в грохоте мечей
 ты повстречаешь музыку,
 И в сердце пламени
 тебя догонит красота.
 Ты станешь узнавать меня
 в круженье сфер,
 И проходить через меня
 в мельчайших атомах
 того круговорота.
 Огромное вращенье
 сил моей вселенной
 Тебя оглушит гимнами,
 где будут воспевать меня.

Delight shall drop down from my nectarous moon,	С моей, похожей на нектар, луны, вниз будет капать наслаждение,
My fragrance seize thee in the jasmine's snare,	Мой аромат тебя поймает в западне жасмина,
My eye shall look upon thee from the sun.	Мой глаз посмотрит на тебя из солнца.
Mirror of Nature's secret spirit made,	Дух превратится в зеркало секретов, тайн Природы,
Thou shalt reflect my hidden heart of joy,	Ты станешь отраженьем моего скрываемого сердца радости,
Thou shalt drink down my sweetness unalloyed	Ты будешь пить до дна мою ничем не разбавляемую сладость,
In my pure lotus-cup of starry brim.	Из кубков чистых лотосов моих со звёздами по краю.
My dreadful hands laid on thy bosom shall force	Мои ужасные ладони, лёгшие тебе на грудь, заставят
Thy being bathed in fiercest longing's streams.	Всё существо твоё купаться в струях жесточайшего желания.
Thou shalt discover the one and quivering note,	И ты откроешь для себя единую, трепещущую ноту,
And cry, the harp of all my melodies,	И зов, и звуки арфы всех моих мелодий,
And roll, my foaming wave in seas of love.	И качку, и мою бурлящую волну в морях любви.
Even my disasters' clutch shall be to thee	И даже хватка бед моих, несчастий, станет для тебя
The ordeal of my rapture's contrary shape:	Лишь испытанием моей обратной стороны восторга,
In pain's self shall smile on thee my secret face:	И в самой сердцевине боли улыбнётся для тебя мой тайный лик:
Thou shalt bear my ruthless beauty unabridged	Ты вынесешь мою безжалостную красоту сполна
Amid the world's intolerable wrongs,	Средь нестерпимых заблуждений мира
Trampled by the violent misdeeds of Time	Растоптанная яростным злодейством Времени,
Cry out to the ecstasy of my rapture's touch.	Взывая об экстазе моего касания восторга.
All beings shall be to thy life my emissaries;	Все существа отныне станут в жизни у тебя моими эмиссарами;
Drawn to me on the bosom of thy friend,	Ко мне притянутые

Compelled to meet me in thy
 enemy's eyes,
 My creatures shall demand me
 from thy heart.

Thou shalt not shrink from any
 brother soul.

Thou shalt be attracted helplessly
 to all.

Men seeing thee shall feel my
 hands of joy,
 In sorrow's pangs feel steps of the
 world's delight,
 Their life experience its
 tumultuous shock
 In the mutual craving of two
 opposites.

Hearts touched by thy love shall
 answer to my call,
 Discover the ancient music of the
 spheres
 In the revealing accents of thy
 voice
 And nearer draw to me because
 thou art:
 Enamoured of thy spirit's
 loveliness
 They shall embrace my body in
 thy soul,
 Hear in thy life the beauty of my
 laugh,
 Know the thrilled bliss with which
 I made the worlds.
 All that thou hast, shall be for
 others' bliss,
 All that thou art, shall to my hands
 belong.

I will pour delight from thee as
 from a jar,
 I will whirl thee as my chariot
 through the ways,
 I will use thee as my sword and as
 my lyre,

на груди твоих друзей,
 И вынужденные встречать меня
 в глазах твоих врагов,
 Мои создания отныне
 будут требовать меня
 из сердца твоего.

Ни от одной из этих братских душ
 не уклонишься ты.

Тебя беспомощно начнёт
 притягивать ко всем.

И люди, глядя на тебя,
 почувствуют мои ладони радости,
 И в муках боли смогут ощутить
 шаги восторга мира,
 И жизни испытают
 беспорядочные шумные удары
 Взаимного стремления
 двух противоположностей.

Сердца, задетые касанием твоей любви,
 ответят на мой зов,
 Они откроют древнее звучанье
 музыки тех сфер
 В оттенках твоего
 разоблачающего голоса,
 И будет ближе их тянуть ко мне,
 из-за того, что есть на свете ты:

Влюблённые в очарованье
 духа твоего,
 Они в твоей душе
 моё обнимут тело,
 Услышат через жизнь твою
 мой удивительно прекрасный смех,
 Узнают то вибрирующее блаженство,
 с которым я творил миры.

Всё, чем ты обладаешь,
 будет лишь для радости других,
 Всё то, что есть в тебе,
 я положу в мои ладони.

Я буду из тебя, как из кувшина,
 лить восторг
 Я буду мчать тебя
 своею колесницей по дорогам,
 Я буду действовать тобою

I will play on thee my minstrelsies
 of thought.
 And when thou art vibrant with all
 ecstasy,
 And when thou liv'st one spirit
 with all things,
 Then will I spare thee not my
 living fires,
 But make thee a channel for my
 timeless force.
 My hidden presence led thee
 unknowing on
 From thy beginning in earth's
 voiceless bosom
 Through life and pain and time
 and will and death,
 Through outer shocks and inner
 silences
 Along the mystic roads of Space
 and Time
 To the experience which all
 Nature hides.
 Who hunts and seizes me, my
 captive grows:
 This shalt thou henceforth learn
 from thy heart-beats.
 For ever love, O beautiful slave of
 God!
 O lasso of my rapture's widening
 noose,
 Become my cord of universal
 love.
 The spirit ensnared by thee force
 to delight
 Of creation's oneness sweet and
 fathomless,
 Compelled to embrace my myriad
 unities

как своим мечом,
 и как своею лирой,
 Я буду на тебе играть
 моими менестрелями
 идей и мысли.
 Когда ты станешь резонировать
 с любимым экстазом,
 Когда ты станешь жить
 со всем на свете, заодно,
 в едином духе
 Тогда не стану я щадить тебя,
 спасая от моих живых огней,
 А сделаю тебя каналом силы,
 что вне времени.
 Ведь скрытое присутствие моё
 вело тебя, не знавшую об этом,
 От самого начала,
 в не имевшей голоса груди земли,
 И через жизнь, и через боль,
 и через время, и желание, и смерть,
 И через внешние удары,
 и по безмолвиям внутри,
 И по мистическим дорогам
 Времени-Пространства,
 К тому переживанию,
 которое скрывает вся Природа.
 Те, кто преследуют меня,
 и кто схватил меня —
 становятся моими пленниками:
 Отныне будешь ты учиться
 у биенья собственного сердца.
 Люби ж всегда, о ты,
 прекрасная рабыня Бога!
 О лассо для моей, летящий вширь,
 петли восторга,
 Пусть станешь ты моей струной
 космической любви.
 Дух, пойманный тобой,
 заставит наслаждаться
 Бездонным сладостным единством
 моего творения,
 Он вынудит обнять
 мои неисчислимые объединения,

And all my endless forms and
divine souls.

O Mind, grow full of the eternal
peace;

O Word, cry out the immortal
litany:

Built is the golden tower, the
flame-child born.

"Descend to life with him thy
heart desires.

O Satyavan, O luminous Savitri,
I sent you forth of old beneath the
stars,

A dual power of God in an
ignorant world,
In a hedged creation shut from
limitless self,

Bringing down God to the
insentient globe,

Lifting earth-beings to
immortality.

In the world of my knowledge and
my ignorance

Where God is unseen and only is
heard a Name

And knowledge is trapped in the
boundaries of mind

And life is hauled in the drag-net
of desire

And Matter hides the soul from its
own sight,

You are my Force at work to
uplift earth's fate,

My self that moves up the
immense incline

Between the extremes of the
spirit's night and day.

He is my soul that climbs from
nescient Night

Мои все нескончаемые формы
и божественные души.

О Ум, стань полон до краёв
покоем вечности;

О Слово, зазвучи
бессмертной литанией:

Пусть будет выстроена золотая башня,
и родится сын огня.

"Спускайся к жизни вместе с тем,
кого твоё желает сердце.

О Сатьяван, о светлая Савитри,
Вас посылаю дальше я
всего существовавшего
под звёздами,

Двойную силу Бога —
в мой невежественный мир,
В ограничение творения,
закрытого от беспредельного,
неограниченного "я",

Ту силу, что несёт вниз Бога
на бесчувственную землю,
И будет поднимать земные существа
к бессмертию.

И в мире знания моего,
и в мире моего невежества,

Где Бог незрим
и только слышно Имя,

И знание попадает в западню
ограничений мысли и ума,

А жизнь утаскивают
неводом желания,

И где Материя скрывает душу
от своих очей,

Вы будете моею действующей Силой,
поднимающей судьбу земли,

Тем "я", что движется
по необъятным склонам

Средь крайних проявлений
дня и ночи духа.

Он, Сатьяван — моя душа,
которая восходит
из незнания Ночи,

Through life and mind and
supernature's Vast
To the supernal light of
Timelessness
And my eternity hid in moving
Time
And my boundlessness cut by the
curve of Space.
It climbs to the greatness it has
left behind
And to the beauty and joy from
which it fell,

To the closeness and sweetness of
all things divine,
To light without bounds and life
illimitable,
Taste of the depths of the
Ineffable's bliss,
Touch of the immortal and the
infinite.
He is my soul that gropes out of
the beast

To reach humanity's heights of
lucent thought

And the vicinity of Truth's
sublime.

He is the godhead growing in
human lives
And in the body of earth-being's
forms:

He is the soul of man climbing to
God

In Nature's surge out of earth's
ignorance.

O Savitri, thou art my spirit's
Power,

The revealing voice of my
immortal Word,

The face of Truth upon the roads
of Time

И через жизнь, и через ум,
и через Необъятность сверхприроды
Всё выше поднимается
в небесный свет Вневременья,
Восходит к вечности моей,
скрываемой в движеньи Времени,
И к безграничности моей,
урезанной кривой Пространства.
Она¹ взбирается к величию,
которое осталось позади,
И к красоте, и к радости,
и к наслажденью,
из которых пала,

И к близости, и к сладости
всего божественного,
И к свету без границ,
и к беспредельной жизни,
И к вкусу глубины
блаженств Невыразимого,
К касанию бессмертного
и бесконечного.

Он — та моя душа,
что ищет выход, ощупью,
из зверя,

Чтобы достичь высот
прозрачной, ясной
мысли человека,

И тесной близости
к величию Истины.

Он — божество, что прорастает
в жизнях у людей,

И через формы тел
земных существ:

Он — та душа,
которая восходит к Богу

Выходит из невежества земли
среди волн Природы.

А ты, Савитри —
Сила духа моего,

Ты голос моего бессмертного,
разоблачающего Слова

Лик Истины на многочисленных

¹ душа, прим. пер.

Pointing to the souls of men the
 routes to God.
 While the dim light from the
 veiled Spirit's peak
 Falls upon Matter's stark
 unconscious sleep
 As if a pale moonbeam on a dense
 glade,
 And Mind in a half-light moves
 amid half-truths
 And the human heart knows only
 human love
 And life is a stumbling and
 imperfect force
 And the body counts out its
 precarious days,
 You shall be born into man's
 dubious hours
 In forms that hide the soul's
 divinity
 And show through veils of the
 earth's doubting air
 My glory breaking as through
 clouds a sun,
 Or burning like a rare and inward
 fire,
 And with my nameless influence
 fill men's lives.
 Yet shall they look up as to peaks
 of God

 And feel God like a
 circumambient air
 And rest on God as on a
 motionless base.
 Yet shall there glow on mind like
 a horned moon
 The Spirit's crescent splendour in
 pale skies

 And light man's life upon his
 Godward road.

дорогах Времени,
 Что человеческой душе
 указывает на маршруты к Богу.
 Пока неясный свет с вершин
 покрытого завесой Духа
 Спускается на бессознательный,
 окоченевший сон Материи,
 Как бледный лунный луч
 в густые заросли,
 Пока Ум в полусвете
 движется среди полуистин,
 И человеческое сердце
 знает лишь о человеческой любви,
 И жизнь — несовершенная
 и ковыляющая сила,
 И тело не осознаёт
 насколько ненадёжны дни,
 Ты будешь продолжать рождаться
 в колеблющемся времени людей,
 В обличиях, скрывающих
 божественность души,
 Показывать через вуаль
 земного воздуха сомнения
 Моё великолепие, что пробивается
 как солнце через облака,
 Или горит, как редкий
 внутренний огонь,
 И всем моим неописуемым влияньем
 будешь наполнять людские жизни,
 Пока они, в конце концов,
 не взглянут вверх,
 на горные вершины Бога,
 И не почувствуют Его
 как окружающую атмосферу,
 Не отдохнут на Боге
 как на неподвижном основании.
 Наступит час, когда ум засияет
 как новорождённый месяц,
 Как полумесяц роскоши,
 великолепия духа
 в бледных небесах,
 И озарит жизнь человека
 на его пути, ведущем к Богу.

But more there is concealed in God's Beyond	Но большая часть этого сокрыта в Запредельности Всевышнего
That shall one day reveal its hidden face.	Чтобы однажды проявить его незримый, тайный лик.
Now mind is all and its uncertain ray,	Сейчас же ум и ненадёжный луч его — для человека всё,
Mind is the leader of the body and life,	Сейчас ум главный и для тела, и для жизни,
Mind the thought-driven chariot of the soul	Ум — управляемая мыслью колесница для души,
Carrying the luminous wanderer in the night	Несущая светящегося странника сквозь ночь
To vistas of a far uncertain dawn,	К широкому простору зыбкого далёкого рассвета,
To the end of the Spirit's fathomless desire,	И к воплощению бездонного желанья Духа,
To its dream of absolute truth and utter bliss.	К его мечте об абсолютной истине, и к высшему блаженству.
There are greater destinies mind cannot surmise	Есть более великие предназначенья у ума, о чём он не подозревает
Fixed on the summit of the evolving Path	На высшей точке медленно идущего Пути,
The Traveller now treads in the Ignorance,	Они ждут Путника, идущего сейчас в Невежестве,
Unaware of his next step, not knowing his goal.	Не зная ни очередного шага, ни своей конечной цели.
Mind is not all his tireless climb can reach,	Ум — далеко не всё, к чему, неумоимо поднимаясь, может он добраться,
There is a fire on the apex of the worlds,	Там, на вершине всех миров, горит огонь,
There is a house of the Eternal's light,	Там — дом для света Вечного,
There is an infinite truth, an absolute power.	Там — бесконечность истины и абсолютное могущество.
The Spirit's mightiness shall cast off its mask;	И там мощь Духа сбросит маску, наконец;
Its greatness shall be felt shaping the world's course:	Его величье станет ощутимым, направляя курс вселенной:
It shall be seen in its own veillless beams,	И сам он станет видимым в своих лучах, открывшихся для взгляда,
A star rising from the Inconscient's night,	Как некая звезда,

A sun climbing to Supernature's
peak.
Abandoning the dubious middle
Way,
A few shall glimpse the
miraculous Origin
And some shall feel in you the
secret Force
And they shall turn to meet a
nameless tread,
Adventurers into a mightier Day.

Ascending out of the limiting
breadths of mind,
They shall discover the world's
huge design
And step into the Truth, the Right,
the Vast.
You shall reveal to them the
hidden eternities,
The breath of infinitudes not yet
revealed,
Some rapture of the bliss that
made the world,
Some rush of the force of God's
omnipotence,
Some beam of the omniscient
Mystery.
But when the hour of the Divine
draws near
The Mighty Mother shall take
birth in Time
And God be born into the human
clay
In forms made ready by your
human lives.
Then shall the Truth supreme be
given to men:
There is a being beyond the being
of mind,
An Immeasurable cast into many
forms,

что поднимается
из ночи Несознания,
Как солнце, что восходит
к пику Сверхприроды.
Покинув свой сомнительный
срединный Путь,
Немногие мельком увидят
чудодейственный Источник,
И кто-то ощутит в тебе
таинственную Силу,
И повернётся, чтобы встретиться
с неописуемою поступью
Рискованных искателей
в ином, могущественном Дне.
Они поднимутся
из ограниченного виденья ума,
Откроют для себя
гигантский замысел вселенной,
И сделают шаг в Истину,
Простор и Справедливость.
Ты приоткроешь им невидимые,
спрятанные вечности,
Дыхание ещё пока что неоткрытых
бесконечностей,
И ощущение восторга от блаженства,
сотворившего вселенную,
Какой-то натиск силы
всемогущества Всевышнего,
Какой-то луч
всезнающей Мистерии.
Когда же час Божественного
станет ближе,
Могучая Божественная Мать
пройдёт через рождение во Времени,
И Бог родится
в прахе человека,
В обличьях, подготовленных
твоими человеческими жизнями.
Тогда получит человек
дар наивысшей Истины:
Возникнет существо,
превосходящее любое существо ума,
То будет сам Неизмеримый,

A miracle of the multitudinous One,	брошенный во множество обличий, И чудо многогранного, неисчислимого Единого,
There is a consciousness mind cannot touch,	Появится сознание недоступное касанию ума,
Its speech cannot utter nor its thought reveal.	Его словами не опишешь, не раскроешь мыслью,
It has no home on earth, no centre in man,	Нет у него ни дома на земле, ни центра в человеке,
Yet is the source of all things thought and done,	И всё ж оно — начало для всего что существует в мыслях или сделано,
The fount of the creation and its works,	Источник этого творенья и его работ,
It is the origin of all truth here,	Первопричина для всех истин в этом мире,
The sun-orb of mind's fragmentary rays,	Оно подобно солнечной орбите для разрозненных лучей ума,
Infinity's heaven that spills the rain of God,	И небу Бесконечности, что проливается дождём Божественного,
The Immense that calls to man to expand the Spirit,	Оно и та Безмерность, что зовёт людей раскинуть крылья Духа,
The wide Aim that justifies his narrow attempts,	И та большая Цель, которая оправдывает узкие его попытки,
A channel for the little he tastes of bliss.	Канал той малости, что он отведал от блаженства.
Some shall be made the glory's receptacles	Кому-то надо стать сосудами великолепия,
And vehicles of the Eternal's luminous power.	Проводниками озарённой силы Вечного.
These are the high forerunners, the heads of Time,	И будут для людей они высокими предвестниками, лидерами Времени,
The great deliverers of earth-bound mind,	Великими освободителями связанных землёй умов,
The high transfigurers of human clay,	Возвышенными преобразователями праха человека,
The first-born of a new supernal race.	И первенцами новой высшей расы.
The incarnate dual Power shall open God's door,	Двойная воплотившаяся Сила

Eternal supermind touch earthly
 Time.
 The superman shall wake in
 mortal man
 And manifest the hidden demigod

 Or grow into the God-Light and
 God-Force
 Revealing the secret deity in the
 cave.
 Then shall the earth be touched by
 the Supreme,
 His bright unveiled
 Transcendence shall illumine
 The mind and heart and force the
 life and act
 To interpret his inexpressible
 mystery
 In a heavenly alphabet of
 Divinity's signs.
 His living cosmic spirit shall
 enring,
 Annulling the decree of death and
 pain,
 Erasing the formulas of the
 Ignorance,
 With the deep meaning of beauty
 and life's hid sense,
 The being ready for immortality,

 His regard crossing infinity's
 mystic waves
 Bring back to Nature her early joy
 to live,
 The metred heart-beats of a lost
 delight,
 The cry of a forgotten ecstasy,
 The dance of the first
 world-creating Bliss.
 The Immanent shall be the witness
 God
 Watching on his many-petalled
 lotus-throne

отворит дверь Бога,
 Сверхразум Вечного коснётся
 нашего, земного Времени.
 Сверхчеловек проснётся
 в смертном человеке,
 И явит миру
 спрятанного полубога,
 Или поднимется до Бога-Света
 и до Бога-Силы,
 Разоблачая тайное,
 невидимое божество в укрытии.
 Тогда земля почувствует
 касанье Высшего,
 Его открытая живая Трансцендентность
 озарит
 И ум, и сердце,
 и дела, и силу жизни,
 Стремясь перевести
 его невыразимую мистерию
 В небесный алфавит
 из символов Божественности.
 Его живой вселенский дух
 со всех сторон окружит,
 Своё распоряжение
 о смерти и страдании отменяя,
 Стирая напрочь
 формулы Невежества,
 Глубоким пониманьем красоты
 и скрытых смыслов жизни
 То существо,
 готовое к бессмертию,
 И взгляд его пронзит
 мистические волны бесконечности,
 И заново вернёт Природе
 радость жизни, что была в начале,
 Размеренный сердечный пульс
 утраченного наслаждения,
 Зов позабытого экстаза,
 И танец первого,
 творящего миры Блаженства.
 Сам Имманентный станет
 наблюдающим всё Богом,
 Взирающим со своего

	возвышенного трона-лотоса из многих лепестков,
His actionless being and his silent might	Из своего безмолвного могущества и бытия, не вовлекаемого в действие,
Ruling earth-nature by eternity's law,	Земной природой управляя с помощью закона вечности,
A thinker waking the Inconscient's world,	Мыслителем, что пробуждает весь мир Несознания,
An immobile centre of many infinitudes	И неподвижным центром многих бесконечностей,
In his thousand-pillared temple by Time's sea.	В своём небесном храме с тысячью колонн у моря Времени.
Then shall the embodied being live as one	Тогда-то, воплотившееся существо начнёт жить в мире,
Who is a thought, a will of the Divine,	И станет мыслью и намерением Божественного,
A mask or robe of his divinity,	Как маска или одеяние его божественности,
An instrument and partner of his Force,	Как инструмент и как партнёр его Могущества,
A point or line drawn in the infinite,	Как точка или линия, прочерченная в бесконечности,
A manifest of the Imperishable.	Как проявление Непреходящего.
The supermind shall be his nature's fount,	Сверхразум станет для него источником его природы,
The Eternal's truth shall mould his thoughts and acts,	И истиною Вечного начнут формироваться мысли и дела его,
The Eternal's truth shall be his light and guide.	И правда Вечного отныне станет для него проводником и светом.
All then shall change, a magic order come	Всё переменится тогда, придёт магический порядок,
Overtopping this mechanical universe.	Превосходящий эту механичную вселенную.
A mightier race shall inhabit the mortal's world.	И будет в смертном мире жить другая раса, более могучая.
On Nature's luminous tops, on the Spirit's ground,	На светлых пиках гор Природы, и на почве Духа
The superman shall reign as king of life,	Появится сверхчеловек, и будет править как царь жизни,

Make earth almost the mate and
 peer of heaven,
 And lead towards God and truth
 man's ignorant heart
 And lift towards godhead his
 mortality.
 A power released from
 circumscribing bounds,
 Its height pushed up beyond
 death's hungry reach,
 Life's tops shall flame with the
 Immortal's thoughts,
 Light shall invade the darkness of
 its base.
 Then in the process of evolving
 Time
 All shall be drawn into a single
 plan,
 A divine harmony shall be earth's
 law,
 Beauty and joy remould her way
 to live:
 Even the body shall remember
 God,
 Nature shall draw back from
 mortality
 And Spirit's fires shall guide the
 earth's blind force;
 Knowledge shall bring into the
 aspirant Thought
 A high proximity to Truth and
 God.
 The supermind shall claim the
 world for Light
 And thrill with love of God the
 enamoured heart
 And place Light's crown on
 Nature's lifted head
 And found Light's reign on her
 unshaking base.
 A greater truth than earth's shall
 roof-in earth

Он землю сделает
 почти своим товарищем
 и ровней небесам,
 Направит к истине и Богу
 не знающее сердце человека,
 До божества поднимет
 смертное его существование.
 Из ограничивавших уз
 освободится сила,
 Её высоты вытолкнут
 пространство жадной смерти прочь,
 Вершины жизни вспыхнут
 мыслями Бессмертного,
 И свет охватит темноту
 своей основы.
 Затем, в процессе
 разворачиванья Времени,
 Всё будет втянуто
 в единый план,
 Гармония божественного
 станет для земли законом,
 А красота и радость перестроят
 образ жизни на земле:
 Отныне даже тело
 будет помнить Бога,
 Природа отодвинется назад
 из смертных человеческих существ,
 И пламя Духа будет направлять
 земли слепую силу;
 В стремленье Мысли
 знание внесёт
 Высокое соседство
 с Истиной и Богом.
 Сверхразум станет требовать
 весь мир для Света
 И затрепещет очарованное сердце
 от любви к Всевышнему,
 И водрузит корону Света
 на поднимающую голову Природы,
 И обоснует царство Света
 на её надёжном,
 непоколебимом основании.
 Другая, более возвышенная истина

And shed its sunlight on the roads
 of mind;
 A power infallible shall lead the
 thought,
 A seeing Puissance govern life
 and act,
 In earthly hearts kindle the
 Immortal's fire.
 A soul shall wake in the
 Inconscient's house;
 The mind shall be God-vision's
 tabernacle,
 The body intuition's instrument,

 And life a channel for God's
 visible power.
 All earth shall be the Spirit's
 manifest home,
 Hidden no more by the body and
 the life,
 Hidden no more by the mind's
 ignorance;
 An unerring Hand shall shape
 event and act.
 The Spirit's eyes shall look
 through Nature's eyes,
 The Spirit's force shall occupy
 Nature's force.
 This world shall be God's visible
 garden-house,
 The earth shall be a field and
 camp of God,
 Man shall forget consent to
 mortality

 And his embodied frail
 impermanence.
 This universe shall unseal its
 occult sense,
 Creation's process change its
 antique front,
 An ignorant evolution's hierarchy

накроет землю, словно крышей,
 И светом солнечным своим
 зальёт пути ума,
 И безошибочная сила
 поведёт мышление за собой,
 И видящее всё Могущество
 начнёт влиять на действие и жизнь,
 И зажигать в земных сердцах
 огонь Бессмертного.
 Душа проснётся
 в доме Несознания;
 Шатром Божественного видения
 станет ум,
 И тело обернётся
 инструментом интуиции,
 А жизнь — каналом
 зримой силы Бога.
 Так станет вся земля
 проявленным жилищем Духа,
 Что больше не скрывается
 за телом или жизнью
 Что больше не скрывается
 невежеством ума;
 И будет безошибочная, верная Рука
 формировать событие и действие.
 Взгляд Духа будет видеть
 через взгляд Природы,
 И сила Духа завладеет
 силою Природы.
 Мир этот станет зримым
 домом-садом Бога,
 Земля вся — полем действия
 и лагерем для Бога,
 И человек забудет
 про своё согласие
 со смертным состоянием,
 Про воплощенье
 хрупкой мимолётности.
 Вселенная ему раскроет
 свой оккультный смысл,
 Развитие творенья переделает её,
 оставшийся от древности, фасад,
 Иерархичность

Release the Wisdom chained
below its base.

The Spirit shall be the master of
his world

Lurking no more in form's
obscurity

And Nature shall reverse her
action's rule,

The outward world disclose the
Truth it veils;

All things shall manifest the
covert God,

All shall reveal the Spirit's light
and might

And move to its destiny of
felicity.

Even should a hostile force cling
to its reign

And claim its right's perpetual
sovereignty

And man refuse his high spiritual
fate,

Yet shall the secret Truth in things
prevail.

For in the march of all-fulfilling
Time

The hour must come of the
Transcendent's will:

All turns and winds towards his
predestined ends

In Nature's fixed inevitable course

Decreed since the beginning of the
worlds

In the deep essence of created
things:

Even there shall come as a high
crown of all

The end of Death, the death of
Ignorance.

эволюции невежества
Освободит ту Мудрость,
что в цепях лежала
под её основой.

Дух станет господином
собственного мира,

Не прячась больше
за неясной темнотою формы,

Природа, наконец, отменит
царство собственного действия,

И внешний мир раскроет Истину,
которую скрывал;

Все вещи станут проявлением
скрытого в них Бога,

Всё будет обнаруживать в себе
и свет, и силу Духа,

Шагая к счастью —
своему предназначению.

И даже злые силы захотят
соединиться с этим царством,

И станут предъявлять претензии
на право вечной независимости,

И чтобы людям отказали в их
высокой и божественной судьбе,

Но всё же тайная,
невидимая Истина во всём
восторжествует.

И в марше всё на свете
исполняющего Времени

Когда-нибудь придёт
час воли Трансцендентного:

Всё повернётся и откроется
к своим предназначениям

В предустановленном и неизменном
направлении Природы,

Что было задано
с начала всех миров

В глубокой сути
сотворённого,

И более того —
придёт возвышенный венец
для всех вещей на свете —

Конец для Смерти,

But first high Truth must set her
feet on earth
And man aspire to the Eternal's
light
And all his members feel the
Spirit's touch
And all his life obey an inner
Force.

This too shall be; for a new life
shall come,

A body of the Superconscient's
truth,
A native field of Supernature's
mights:
It shall make earth's nescient
ground Truth's colony,
Make even the Ignorance a
transparent robe

Through which shall shine the
brilliant limbs of Truth
And Truth shall be a sun on
Nature's head

And Truth shall be the guide of
Nature's steps
And Truth shall gaze out of her
nether deeps.
When superman is born as
Nature's king

His presence shall transfigure
Matter's world:
He shall light up Truth's fire in
Nature's night,
He shall lay upon the earth Truth's
greater law;
Man too shall turn towards the
Spirit's call.
Awake to his hidden possibility,

смерть Невежества.
Но поначалу, та возвышенная Истина
должна поставить ноги на земле,
А человек — начать стремиться
к свету Вечного,
Все части в нём —
почувствовать касанье Духа,
И вся жизнь человека —
подчиниться внутренней
незримой Силе.
Всё это тоже будет;
потому что новая,
иная жизнь придёт,
Основа правды
Сверхсознания,
Родное поле для
могуществ Сверхприроды,
И превратит незнающую почву на земле
в колонию небесной Истины,
И даже из Невежества
она сумеет сотворить
прозрачные одежды,
Через которое начнёт сиять
сверкающее тело Истины,
И станет Истина светить
с вершин Природы,
словно солнце,
И станет Истина руководителем
шагов Природы,
И станет Истина смотреть
из самой низшей глубины.
Когда сверхчеловек
родится на земле
царём Природы,
Его присутствие преобразит
весь мир Материи:
Он Истины огонь
зажжёт в ночи Природы,
Он установит на земле иные,
более высокие законы Истины;
Обычный человек сумеет
тоже повернуться к зову Духа.
Проснувшись к скрытым

Awake to all that slept within his
 heart
 And all that Nature meant when
 earth was formed

 And the Spirit made this ignorant
 world his home,

 He shall aspire to Truth and God
 and Bliss.
 Interpreter of a diviner law

 And instrument of a supreme
 design,
 The higher kind shall lean to lift
 up man.
 Man shall desire to climb to his
 own heights.
 The truth above shall wake a
 nether truth,
 Even the dumb earth become a
 sentient force.
 The Spirit's tops and Nature's base
 shall draw
 Near to the secret of their separate
 truth
 And know each other as one deity.

 The Spirit shall look out through
 Matter's gaze
 And Matter shall reveal the
 Spirit's face.
 Then man and superman shall be
 at one

 And all the earth become a single
 life.
 Even the multitude shall hear the
 Voice
 And turn to commune with the
 Spirit within
 And strive to obey the high
 spiritual law:

собственным возможностям,
 Проснувшись ко всему,
 что спало в сердце у него,
 Ко всем вещам, которые Природа
 наметила ещё во времена
 творения земли,
 Когда Дух превращал
 невежественный мир
 в свой дом,
 Он устремится к Истине,
 к Блаженству, к Богу.
 Как толкователь
 более божественных законов,
 Как инструмент
 высокого намеренья,
 Другой, высокий вид склонится,
 чтобы поднимать вверх человека.
 Тогда захочет человек
 добраться до своих высот.
 Та истина, что выше,
 разбудит истину, что ниже,
 И даже молчаливая земля
 отныне станет чувствующей силой.
 Так основание Природы
 и вершины Духа
 Притянутся и станут ближе
 к их тайне разделённой истины,
 И, наконец, узнают, что они —
 одно и то же божество.
 И Дух начнёт смотреть
 сквозь взгляд Материи,
 Материя начнёт показывать
 обличье Духа.
 Тогда сверхчеловек
 с обычным человеком
 станут заодно,
 И станет вся земля
 единой жизнью.
 И множество людей
 услышат Голос,
 И повернутся к разговору с Духом
 у себя внутри,
 И пожелают подчинить себя

<p>This earth shall stir with impulses sublime, Humanity awake to deepest self, Nature the hidden godhead recognise. Even the many shall some answer make And bear the splendour of the Divine's rush And his impetuous knock at unseen doors. A heavenlier passion shall upheave men's lives, Their mind shall share in the ineffable gleam, Their heart shall feel the ecstasy and the fire. Earth's bodies shall be conscious of a soul; Mortality's bondslaves shall unloose their bonds, Mere men into spiritual beings grow And see awake the dumb divinity. Intuitive beams shall touch the nature's peaks, A revelation stir the nature's depths; The Truth shall be the leader of their lives, Truth shall dictate their thought and speech and act, They shall feel themselves lifted nearer to the sky, As if a little lower than the gods. For knowledge shall pour down in radiant streams</p>	<p>высокому духовному закону: Тогда планета эта станет двигаться высоким побуждением, И человечество начнёт осознавать своё "я" в самой глубине, И распознает доселе скрываемое божество Природа. И многие на это всё дадут какой-то свой ответ, Выдерживая роскошь натиска Божественного, И пылкий стук его в невидимые двери. Страсть устремленья к небесам поднимет жизнь людей, Их ум вберёт в себя сверкание невыразимого, Их сердце сможет ощутить экстаз и пламя. Тела людей начнут осознавать в глубинах собственную душу, Раб смерти, наконец, развяжет собственные узы, Обычный человек поднимется и станет одухотворённым существом, И сможет видеть пробуждение немой божественности. Свет интуиции коснётся высших уровней природы, А в глубине её встряхнётся откровение; Так Истина начнёт вести их жизни, И станет диктовать их мысли, речи и дела, Они почувствуют себя приподнятыми, ближе к небесам, И лишь немного ниже уровнем богов. И знание польётся вниз лучистыми потоками,</p>
--	---

And even darkened mind quiver
 with new life
 And kindle and burn with the
 Ideal's fire
 And turn to escape from mortal
 ignorance.
 The frontiers of the Ignorance
 shall recede,
 More and more souls shall enter
 into light,
 Minds lit, inspired, the occult
 summoner hear

 And lives blaze with a sudden
 inner flame
 And hearts grow enamoured of
 divine delight
 And human wills tune to the
 divine will,
 These separate selves the Spirit's
 oneness feel,
 These senses of heavenly sense
 grow capable,
 The flesh and nerves of a strange
 ethereal joy
 And mortal bodies of immortality.
 A divine force shall flow through
 tissue and cell
 And take the charge of breath and
 speech and act
 And all the thoughts shall be a
 glow of suns
 And every feeling a celestial thrill.

 Often a lustrous inner dawn shall
 come
 Lighting the chambers of the
 slumbering mind;
 A sudden bliss shall run through
 every limb
 And Nature with a mightier
 Presence fill.

И даже затемнённые умы
 начнут вибрировать
 синхронно с новой жизнью,
 Воспламятся и начнут гореть
 огнями Идеала,
 И повернутся чтоб уйти
 из смертного незнания.
 Всё дальше будут отступать
 границы их Невежества,
 Всё больше, больше душ
 войдёт в тот свет,
 Умы их станут
 озарёнными и вдохновлёнными,
 Они услышат скрытого,
 оккультного глашатая,
 Их жизни засверкают
 внутреннем огнём,
 Сердца их будут очарованы
 божественным восторгом,
 И воля в людях станет сонастроена
 с божественною волей.
 Те "я", которые сейчас разделены,
 почувствуют единство Духа,
 И чувства их откроются
 божественному чувству,
 Плоть с нервами —
 неведомой эфирной радости,
 А смертные тела — бессмертию.
 Божественная сила потечёт
 по клеткам и по тканям,
 И на себя возьмёт всю ношу
 речи, действия, дыхания,
 Все мысли превратятся
 в яркое сверканье солнц,
 Любое ощущение —
 в небесную вибрацию.
 Всё чаще станет приходить
 сверканье внутренней зари
 И освещать палаты
 дремлющих умов;
 Внезапное блаженство
 побежит по каждой части тела,
 Могучее Присутствие

<p>Thus shall the earth open to divinity And common natures feel the wide uplift, Illumine common acts with the Spirit's ray And meet the deity in common things. Nature shall live to manifest secret God, The Spirit shall take up the human play, This earthly life become the life divine."</p>	<p>наполнит всю Природу. Вот так земля откроется божественной природе, И существа с обычной природой почувствуют широкую поддержку, Обычные дела их озарятся светом Духа, И встретят божество среди обыденных вещей. Природа станет жить, чтоб обнаружить тайного Всевышнего, Дух примет под своё начало человеческое действие, И жизнь земная превратится в жизнь божественную."</p>
--	---

<p>The measure of that subtle music ceased. Down with a hurried swimming floating lapse Through unseen worlds and bottomless spaces forced Sank like a star the soul of Savitri. Amidst a laughter of unearthly lyres She heard around her nameless voices cry Triumphing, an innumerable sound. A choir of rushing winds to meet her came. She bore the burden of infinity And felt the stir of all ethereal space. Pursuing her in her fall, implacably sweet, A face was over her which seemed a youth's, Symbol of all the beauty eyes see not,</p>	<p>Ритм этой тонкой музыки стал замолкать и стих. Вниз, в быстро уплывающем и тянущем падении, Через незримые миры, бездонные пространства пронесясь, Слетела как звезда, душа Савитри. Средь смеха неземных, чудесных лир Она слышала вокруг себя зов неизвестных голосов, Ликующих в неисчислимых звуках. Хоры стремительных ветров летели ей навстречу. Она несла груз бесконечности И ощущала оживание всего эфирного пространства. Преследуя её в падении, неумолимо нежное Над нею виделось лицо, которое казалось юным ликом И символом всей красоты,</p>
---	--

Crowned as with peacock plumes
of gorgeous hue
Framing a sapphire, whose
heart-disturbing smile
Insatiably attracted to delight,
Voluptuous to the embraces of her
soul.

Changed in its shape, yet
rapturously the same,

It grew a woman's dark and
beautiful
Like a mooned night with drifting
star-gemmed clouds,

A shadowy glory and a stormy
depth,
Turbulent in will and terrible in
love.

Eyes in which Nature's blind
ecstatic life

Sprang from some spirit's
passionate content,
Missioned her to the whirling
dance of earth.

Amidst the headlong rapture of
her fall

Held like a bird in a child's
satisfied hands,
In an enamoured grasp her spirit
strove

Admitting no release till Time
should end,

And, as the fruit of the mysterious
joy,

She kept within her strong
embosoming soul

Like a flower hidden in the heart
of spring

The soul of Satyavan drawn down
by her

Inextricably in that mighty lapse.

невидимой для глаз,
С короной, словно из павлиньих перьев,
удивительных оттенков,
Пылающее как сапфир;
его улыбка волновала сердце,
Тянула к ненасытному восторгу,
И в сладострастные
объятия её души.

Переменившись в облике,
но продолжая быть
восторженным как прежде,

Оно ей виделось прекрасным,
тёмным женским ликом,
Подобным лунной ночи
среди плывущих облаков
и драгоценных звёзд,

Наполненное мрачной славой
и глубинами штормов,

Ужасное в любви,
и с непокорной волей.

И взгляд, в котором безрассудная
и экстатическая жизнь Природы

Выскакивала родником из
страстного согласия духа,

Послал её к земле,
к её кружащемуся танцу.

Среди неудержимого восторга
своего падения,

Держа, как птицу
в радостных руках ребёнка,

И во влюблённой хватке
собственного духа, что боролся,

Не соглашаясь отпустить,
пока не вышло Время,

И, словно плод
непостижимой радости,

Она держала в сильной
обнимающей душе,

Как будто это был цветок,
сокрытый в сердце у весны,

Другую душу — душу Сатьявана,
неразрывно связанную с ней,

И увлекала вниз её

Invisible heavens in a thronging
flight
Soared past her as she fell. Then
all the blind
And near attraction of the earth
compelled
Fearful rapidities of downward
bliss.
Lost in the giddy proneness of that
speed,
Whirled, sinking, overcome she
disappeared,
Like a leaf spinning from the tree
of heaven,
In broad unconsciousness as in a
pool;
A hospitable softness drew her in

Into a wonder of miraculous
depths,
Above her closed a darkness of
great wings
And she was buried in a mother's
breast.

Then from a timeless plane that
watches Time,
A Spirit gazed out upon destiny,

In its endless moment saw the
ages pass.
All still was in a silence of the
gods.
The prophet moment covered
limitless Space
And cast into the heart of hurrying
Time
A diamond light of the Eternal's
peace,
A crimson seed of God's felicity;

A glance from the gaze fell of
undying Love.

в могучем собственном падении.
Невидимые небеса
в том переполненном полёте,
Пока она снижалась,
пролетали мимо.
Затем всё притяжение земли,
слепое, близкое,
Наполнилось ужасной быстротой
вниз устремлённого блаженства.
Теряясь в головокружительном пике
той скорости,
Кружась и падая, она,
вся обессиленная, растворилась,
Как лист, слетевший
с дерева небес,
В широком несознании
как в омуте;
И вот — гостеприимная
земная мягкость
Её втянула в чудо
удивительных глубин,
Над ней сомкнулась темнота
великих крыльев,
Она зарылась с головой
на материнской ласковой груди.

А после, из вневременного плана,
наблюдающего Время,
Дух посмотрел
на ход её судьбы,
И в это бесконечное мгновение
увидел ход веков.
Всё продолжало оставаться
среди безмолвия богов.
Мгновение пророчества накрыло
беспредельное Пространство
И бросило внутрь сердцевины
торопящегося Времени
Алмазный свет
покоя Вечного,
Малиновое семя
счастья Бога;
И блеск неумирающей Любви

A wonderful face looked out with
 deathless eyes;
 A hand was seen drawing the
 golden bars
 That guard the imperishable
 secrecies.
 A key turned in a mystic lock of
 Time.
 But where the silence of the gods
 had passed,
 A greater harmony from the
 stillness born
 Surprised with joy and sweetness
 yearning hearts,
 An ecstasy and a laughter and a
 cry.
 A power leaned down, a happiness
 found its home.
 Over wide earth brooded the
 infinite bliss.

End of Canto One
End of Book Eleven

сверкнул в том взоре.
 Явилось чудное лицо
 с бессмертным взглядом;
 Была видна рука,
 что открывала золотой засов,
 Хранящий за собой
 бессмертные секреты.
 Ключ повернулся и открылся
 Времени мистический замок.
 А там, где уходило прочь
 безмолвие богов,
 Из тишины рождалась
 величайшая гармония,
 Что поражала устремлённые сердца
 и радостью, и сладостью,
 Экстазом, громким смехом
 и призывом.
 Могущество спустилось вниз,
 и счастье обрело жилище.
 И над широкою землею распростёрлось
 бесконечное блаженство.

Конец первой песни
Конец одиннадцатой книги

Book Twelve
EPILOGUE

Книга Двенадцатая
ЭПИЛОГ

Epilogue
THE RETURN TO EARTH

Эпилог
ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ

Out of abysmal trance her spirit
woke.
Lain on the earth-mother's calm
inconscient breast
She saw the green-clad branches
lean above
Guarding her sleep with their
enchanted life,

And overhead a blue-winged
ecstasy
Fluttered from bough to bough
with high-pitched call.
Into the magic secrecy of the woods
Peering through an emerald
lattice-window of leaves,
In indolent skies reclined, the
thinning day
Turned to its slow fall into
evening's peace.
She pressed the living body of
Satyavan:
On her body's wordless joy to be
and breathe
She bore the blissful burden of his
head
Between her breasts' warm labour
of delight,
The waking gladness of her
members felt
The weight of heaven in his limbs,
a touch

Из бездны транса
просыпался дух её¹.
И лёжа на спокойной, материнской
бессознательной груди земли
Она увидела зелёное убранство
веток над собой,
Которые, склонившись,
охраняли сон её
своей волшебной жизнью,
А над своею головой —
экстаз на синих крыльях,
Порхавший по ветвям
со звонким криком.
В магическое таинство лесов
Проглядывая через изумрудные,
завешенные листьями просветы,
Откинувшись в ленивых небесах,
редевший день
Неторопливо угасая,
шёл к вечернему покою.
Живое тело Сатьявана
слегка давило на неё:
В телесной молчаливой радости
дышать и быть
Она держала голову его
блаженным грузом
Между грудей, окутав
тёплой заботой наслажденья,
И просыпавшаяся радость
её членов ощутила
Небесный груз во всякой части тела

¹ Савитри, прим. пер.

Summing the whole felicity of
things,
And all her life was conscious of
his life
And all her being rejoiced
enfolding his.
The immense remoteness of her
trance had passed;
Human she was once more, earth's
Savitri,
Yet felt in her illimitable change.

A power dwelt in her soul too
great for earth,
A bliss lived in her heart too large
for heaven;
Light too intense for thought and
love too boundless
For earth's emotions lit her skies
of mind

And spread through her deep and
happy seas of soul.
All that is sacred in the world
drew near
To her divine passivity of mood.

A marvellous voice of silence
breathed its thoughts.
All things in Time and Space she
had taken for hers;

In her they moved, by her they
lived and were,

The whole wide world clung to
her for delight,
Created for her rapt embrace of
love.

Now in her spaceless self released
from bounds
Unnumbered years seemed
moments long drawn out,

и прикосновение,
Вобравшее в себя
всё окружающее счастье;
Вся жизнь её
осознавала жизнь его,
Всё существо её окутало его
и наслаждалось.
Прошла её безмерная, неопиcуемая
отстранённость транса;
Она опять была земною,
человеческой Савитри,
Но всё же ощущала
беспредельность перемены.
В душе её отныне обитала сила,
чересчур большая для земли,
А в сердце у неё — блаженство,
слишком необъятное для неба;
Свет, слишком сильный,
чтобы думать, и любовь,
Что слишком безгранична
для земных эмоций,
заливали небеса её ума
И проникали сквозь глубокие,
счастливые моря её души.
И всё духовное вокруг
тянулось ближе
К божественной инертности
её настроения.
Чудесный голос тишины
жил в каждой мысли.
И всё что есть во Времени,
в Пространстве,
она воспринимала как себя;
Всё это двигалось внутри неё,
и ей благодаря
существовало, жило,
Весь необъятный мир
прильнул к ней в наслаждении,
Мир, созданный для
восхищённого её объятия любви.
Отныне внепространственному "я" её,
освобождённому от уз
Бесчисленные годы виделись

The brilliant time-flakes of
 eternity.
 Outwings of a bird from its
 bright home,
 Her earthly morns were radiant
 flights of joy.
 Boundless she was, a form of
 infinity.
 Absorbed no longer by the
 moment's beat
 Her spirit the unending future felt

 And lived with all the
 unbeginning past.
 Her life was a dawn's victorious
 opening,
 The past and unborn days had
 joined their dreams,
 Old vanished eves and far arriving
 noons
 Hinted to her a vision of prescient
 hours.
 Supine in musing bliss she lay
 awhile
 Given to the wonder of a waking
 trance;
 Half-risen then she sent her gaze
 around,
 As if to recover old sweet trivial
 threads,
 Old happy thoughts, small
 treasured memories,

 And weave them into one
 immortal day.
 Ever she held on the paradise of
 her breast

 Her lover charmed into a
 fathomless sleep,
 Lain like an infant spirit unaware

затынутым мгновением,
 Сиявшими слоями времени,
 что отделяются от вечности.
 Летящие на крыльях,
 словно птицы из сияющего дома,
 Её земные утра были
 лучезарными полётами веселья.
 Она была безбрежной,
 формой бесконечности.
 Не поглощённый более
 пульсацией мгновений,
 Её дух ощущал просторы
 бесконечного грядущего,
 И жил со всем,
 не знающим начала, прошлым.
 Победоносными приходами рассвета
 стала жизнь её,
 Прошедшие и неродившиеся дни
 объединяли в ней свои мечты,
 А старые, исчезнувшие вечера и полдни,
 приходящие издалека,
 Несли намёк на откровение
 предвидящих часов.
 Она немного полежала в том ленивом,
 размышляющем блаженстве
 Отдавшись чуду
 транса пробуждения;
 Затем, наполовину приподнявшись,
 осмотрела всё вокруг,
 Как будто восстанавливая старые,
 обычные и сладостные нити
 Счастливых прежних мыслей,
 и маленьких,
 Но драгоценных, как сокровища,
 воспоминаний,
 Стремясь сплести из них
 один бессмертный день.
 Она по-прежнему держала
 на своей груди,
 в тех райских куцах,
 Её любимого, пленённого
 бездонным сном,
 Лежавшего, как дух ребёнка,

Lulled on the verge of two
 consenting worlds.
 But soon she leaned down over
 her loved to call
 His mind back to her with her
 travelling touch

On his closed eyelids; settled was
 her still look
 Of strong delight, not yearning
 now, but large

With limitless joy or sovereign
 last content,

Pure, passionate with the passion
 of the gods.
 Desire stirred not its wings; for all
 was made
 An overarching of celestial rays

Like the absorbed control of sky
 on plain,

Heaven's leaning down to embrace
 from all sides earth,

A quiet rapture, a vast security.

Then sighing to her touch the
 soft-winged sleep
 Rose hovering from his flowerlike
 lids and flew
 Murmurous away. Awake, he
 found her eyes
 Waiting for his, and felt her hands,
 and saw
 The earth his home given back to
 him once more
 And her made his again, his
 passion's all.
 With his arms' encircling hold
 around her locked,

ни о чём не зная,
 Укачиваемый на грани между двух
 согласных меж собой миров.
 Но вот она склонилась
 к своему любимому позвать,
 Его ум возвратиться к ней,
 от лёгкого касания
 к его закрытым векам;
 И к ней пришёл
 его спокойный взгляд
 Осознанного, ясного восторга,
 сейчас уже не устремлённый,
 а широкий,
 И с беспредельной радостью,
 и с высшим, окончательным
 согласием,
 Влюблённый, чистый взгляд,
 со страстностью богов.
 Желание не шевельнуло
 крыльями;
 Всё было сделано небесными лучами
 в форме свода,
 Что выглядело, словно небо
 увлечённо исправляло
 что-то на земле,
 Как будто небеса склонились вниз,
 стремясь обнять
 со всех сторон планету
 Спокойной радостью
 и необъятною защитой.
 Затем, вздохнув от этого касания,
 сон с мягкими крылами
 Поднялся, воспарив,
 от век его похожих на цветы,
 И с шелестом умчался прочь.
 А он, проснувшись, встретился
 С её глазами, ждущими его,
 и ощутил её ладони,
 Увидел землю, свой родимый дом,
 ему ещё раз возвращённый,
 Её, вновь ставшую его
 и всем в его любви.
 Его руками,

A living knot to make possession close,	что вокруг неё обвилисьь, Замкнулся узел жизни,
He murmured with hesitating lips her name,	сделав обладание теснее, Он имя прошептал её,
And vaguely recollecting wonder cried,	слегка запнувшись, И смутно собираясь с мыслями
"Whence hast thou brought me captive back, love-chained,	и поражаясь, он вскричал — "Откуда же вернула ты меня,
To thee and sunlight's walls, O golden beam	назад, как пленника, Любовью, как цепями
And casket of all sweetness, Savitri,	приковав к себе и к стенам солнечного света, О золотистый луч,
Godhead and woman, moonlight of my soul?	шкатулка всех на свете сладостей, Савитри,
For surely I have travelled in strange worlds	И женщина, и божество, и лунный свет моей души?
By thee companioned, a pursuing spirit,	Ведь, несомненно, я блуждал в неведомых мирах
Together we have disdained the gates of night.	С тобой, как спутницей, и нас преследовавшим духом,
I have turned away from the celestials' joy	И вместе мы пренебрегли вратами ночи.
And heaven's insufficient without thee.	Я отвернулся прочь от радостей небес,
Where now has passed that formidable Shape	Те небеса меня не привлекали без тебя.
Which rose against us, the Spirit of the Void,	Куда сейчас ушла та грозная Фигура
Claiming the world for Death and Nothingness,	Которая поднялась против нас, Дух Пустоты,
Denying God and soul? Or was all a dream	Что требовал весь мир для Смерти и Небытия,
Or a vision seen in a spiritual sleep,	Что отрицал и душу, и Всевышнего?
A symbol of the oppositions of Time	Иль это было только грёзой, видением в духовном сне,
Or a mind-lit beacon of significance	Лишь символом сопротивленья Времени,
In some stress of darkness lighting on the Way	Иль важным маячком, что освещается умом
	В неведомом напоре тьмы, зажжённым на Пути,

Or guiding a swimmer through the straits of Death,	Иль лоцманом пловца через проливы Смерти,
Or finding with the succour of its ray	Иль поиском при помощи того луча
In a gully mid the crowded streets of Chance	В канаве нечистот, среди улиц Случая, что переполнены людьми,
The soul that into the world-adventure came,	Души, которая пришла из Вечности
A scout and voyager from Eternity?"	В мир-приключение, как мореплаватель и как разведчик?"
But she replied, "Our parting was the dream;	На это всё Савитри отвечала, "Всё наше расставанье было сном;
We are together, we live, O Satyavan.	О Сатьяван, мы живы, и мы вместе.
Look round thee and behold, glad and unchanged	Ты оглянись вокруг, взгляни на радостный наш дом,
Our home, this forest with its thousand cries	Не изменившийся ничуть, на этот лес, с его бесчисленными криками,
And the whisper of the wind among the leaves	На шёпот ветра среди зелёных листьев,
And, through rifts in emerald scene, the evening sky,	На вечеряющее небо, видимое сквозь просветы в изумрудной сцене,
God's canopy of blue sheltering our lives,	На синий купол Бога, приютивший наши жизни,
And the birds crying for heart's happiness,	На птиц, поющих ради счастья сердца,
Winged poets of our solitary reign,	Крылатых маленьких поэтов нашего уединённого чертога,
Our friends on earth where we are king and queen.	На наших всех друзей, живущих на земле, Где мы с тобою — царь с царицей.
Only our souls have left Death's night behind,	Да, наши души только что оставили ночь Смерти позади,
Changed by a mighty dream's reality,	И изменились от реальности могучего видения,
Illumined by the light of symbol worlds	И озарились светом символических миров,
And the stupendous summit self of things,	И изумительной вершины

<p>And stood at Godhead's gates limitless, free."</p> <p>Then filled with the glory of their happiness They rose and with safe clinging fingers locked</p> <p>Hung on each other in a silent look. But he with a new wonder in his heart And a new flame of worship in his eyes: "What high change is in thee, O Savitri? Bright Ever thou wast, a goddess still and pure, Yet dearer to me by thy sweet human parts Earth gave thee making thee yet more divine.</p> <p>My adoration mastered, my desire Bent down to make its subject, my daring clasped, Claiming by body and soul my life's estate, Rapture's possession, love's sweet property, A statue of silence in my templed spirit, A yearning godhead and a golden bride. But now thou seemst almost too high and great For mortal worship; Time lies below thy feet</p>	<p>внутреннего "я" всего на свете, И мы, свободные, стояли рядом с беспредельными вратами Бога."</p> <p>Затем, наполненные славой собственного счастья, Они поднялись, целыми и невредимыми, Прильнули пальцами друг к другу И крепко обнялись в безмолвном взгляде. Но с новым удивленьем в сердце, с новым обожаньем, И с новым пламенем в глазах, спросил он: "Что за высокая, неведомая перемена в тебе произошла, Савитри? Ты стала даже ярче, чем была, о тихая и чистая богиня, И мне ещё дороже нежной человеческою частью, Которую тебе дала земля, хотя и сделал ещё более божественной. Я полон восхищения, мне хочется Склониться, покориться ей, схватить сейчас же в дерзкие мои объятия, Потребовать, чтоб ты душой и телом стала бы моим поместьем в жизни, Владением восторга, сладким достоянием любви, И статуей безмолвия в моей часовне духа, Прекрасною невестой, устремлённым божеством. Но в данную минуту ты кажешься почти что чересчур высокой и великой Для поклоненья смертного;</p>
--	---

And the whole world seems only a
 part of thee,
 Thy presence the hushed heaven I
 inhabit,
 And thou lookst on me in the gaze
 of the stars,
 Yet art the earthly keeper of my
 soul,
 My life a whisper of thy dreaming
 thoughts,
 My morns a gleaming of thy
 spirit's wings,

 And day and night are of thy
 beauty part.
 Hast thou not taken my heart to
 treasure it
 In the secure environment of thy
 breast?
 Awakened from the silence and
 the sleep,
 I have consented for thy sake to
 be.
 By thee I have greatedened my
 mortal arc of life,
 But now far heavens, unmapped
 infinitudes

 Thou hast brought me, thy
 illimitable gift!

 If to fill these thou lift thy sacred
 flight,

 My human earth will still demand
 thy bliss.
 Make still my life through thee a
 song of joy

 And all my silence wide and deep
 with thee."

ложится Время под твоей стопой,
 Весь мир мне кажется
 твоею малой частью,
 Твоим присутствием
 умолкнувшие небеса я заселяю,
 И ты зриаешь на меня
 во взгляде звёзд,
 И всё же, ты — земной хранитель
 для моей души,
 А жизнь моя — журчание
 твоих мечтаний,
 Мои рассветы поутру —
 блеск крыльев твоего
 возвышенного духа,
 А день и ночь —
 лишь части красоты твоей.
 Возьмёшь ли сердце ты моё,
 чтобы сберечь
 В надёжном окружении
 твоей груди?
 Я пробудился
 от безмолвия и сна,
 Я согласился быть —
 лишь для тебя.
 Благодаря тебе возвысил я
 свой смертный купол жизни,
 Но ныне — небеса, далёкие,
 не нанесённые
 на картах бесконечности,
 Ты принесла мне,
 твой бесценный,
 безграничный дар!
 И чтоб наполниться всем тем,
 что поднимает
 твой божественный полёт,
 Моя природа человека
 продолжает звать твоё блаженство.
 И пусть и дальше
 жизнь моя, через тебя
 звучит как песня радости,
 Пусть всё моё безмолвие
 останется с тобой,
 широким и глубоким."

<p>A heavenly queen consenting to his will, She clasped his feet, by her enshrining hair Enveloped in a velvet cloak of love, And answered softly like a murmuring lute: "All now is changed, yet all is still the same. Lo, we have looked upon the face of God, Our life has opened with divinity.</p> <p>We have borne identity with the Supreme And known his meaning in our mortal lives. Our love has grown greater by that mighty touch And learned its heavenly significance, Yet nothing is lost of mortal love's delight. Heaven's touch fulfils but cancels not our earth: Our bodies need each other in the same last; Still in our breasts repeat heavenly secret rhythm</p> <p>Our human heart-beats passionately close. Still am I she who came to thee mid the murmur Of sunlit leaves upon this forest verge; I am the Madran, I am Savitri.</p> <p>All that I was before, I am to thee still, Close comrade of thy thoughts and hopes and toils,</p>	<p>Небесная царица, соглашаясь с этим пожеланием, К стопам его прильнула и святилищем своих волос Его укутав в бархатную мантию любви, Негромко отвечала, как мурлыкавшая лютня: "Сейчас всё изменяется, хотя пока ещё идёт как прежде. Послушай, мы с тобою видели лик Бога, Отныне наша жизнь открыта для божественного. И мы перенесли отождествленье со Всевышним, Его значение узнали в наших смертных жизнях. Любовь в нас стала выше от того могучего касания, Она познала свой небесный смысл, Но мы не потеряли ничего из наслажденья смертною любовью. Небесное прикосновенье наполняет, но не отменяет нашу землю: И нам по-прежнему нужны тела друг друга; Пока в груди у нас всё время повторяется божественный небесный ритм, Биенья наших человеческих сердец останутся и страстными, и близкими. И я ещё всё та, пришедшая к тебе среди шелеста листвы, Залитой солнцем, на опушке леса; Я всё ещё принцесса Мадры, я — Савитри. Всё, чем была я прежде, я останусь для тебя, Всё тем же близким другом для твоих трудов,</p>
--	---

All happy contraries I would join
 for thee.
 All sweet relations marry in our
 life;
 I am thy kingdom even as thou art
 mine,

 The sovereign and the slave of thy
 desire,
 Thy prone possessor, sister of thy
 soul
 And mother of thy wants; thou art
 my world,
 The earth I need, the heaven my
 thoughts desire,
 The world I inhabit and the god I
 adore.
 Thy body is my body's counterpart

 Whose every limb my answering
 limb desires,
 Whose heart is key to all my
 heart-beats, — this
 I am and thou to me, O Satyavan.

 Our wedded walk through life
 begins anew,
 No gladness lost, no depth of
 mortal joy.
 Let us go through this new world
 that is the same,

 For it is given back, but it is
 known,
 A playing-ground and
 dwelling-house of God
 Who hides himself in bird and
 beast and man
 Sweetly to find himself again by
 love,
 By oneness. His presence leads
 the rhythms of life

надежд и мыслей,
 И все счастливые противоречия
 во мне сольются воедино.
 Вся сладость отношений
 будет сочетаться в нашей жизни;
 Ты — царь мой,
 я твои владения,
 и точно так же ты — мои,
 Я и владыка, и рабыня
 твоего желания,
 Твой распростёртый обладатель,
 и сестра твоей души,
 И мать твоих стремлений;
 ты — мой мир,
 Земля, которая нужна мне,
 небеса, которых так желают мысли,
 Тот мир, в котором я живу
 и бог, которым восхищаюсь,
 И тело у тебя —
 вторая половинка моего,
 В нём каждая частица отвечает
 на желания моих частиц,
 И сердце в нём — ключ к всем
 биениям сердца моего, —
 Вот что есть я, и что ты для меня,
 о Сатьяван.
 И вновь начнётся наше
 свадебное путешествие по жизни,
 Не потеряв, ни глубины,
 ни счастья смертной радости.
 Давай же мы пойдём
 по обновившемуся миру,
 который остаётся прежним,
 Что отдан нам назад,
 но мы теперь в нём видим
 Площадку для игры,
 и дом для обитанья Бога,
 Который прячет сам себя
 и в птицах, и в зверях, и в человеке,
 Чтоб сладостно
 вновь обнаружить самого себя
 Через единство и любовь.
 Его присутствие здесь

That seek for mutual joy in spite of pain.	направляет ритмы жизни, Что, не смотря на боль, стремятся к обоюдной радости.
We have each other found, O Satyavan,	О Сатьяван, друг друга мы нашли
In the great light of the discovered soul.	В великом свете обнаруженной души.
Let us go back, for eve is in the skies.	Пойдем назад, на небе вечереет.
Now grief is dead and serene bliss remains	Отныне горе умерло, а ясное блаженство остаётся
The heart of all our days for evermore.	Навеки, в самом сердце всех грядущих наших дней.
Lo, all these beings in this wonderful world!	Взгляни на этих всех существ в чудесном этом мире!
Let us give joy to all, for joy is ours.	Давай подарим радость всем, ведь радость — наша.
For not for ourselves alone our spirits came	Не для себя одних твой дух и мой пришли
Out of the veil of the Unmanifest, Out of the deep immense Unknowable	Из-под покровы Непроявленного, Из глубины безмерности Непознаваемого,
Upon the ignorant breast of dubious earth,	На грудь невежественной, двойственной земли,
Into the ways of labouring, seeking men,	Вошли в пути работающих, ищущих людей,
Two fires that burn towards that parent Sun,	Как два огня, горящие навстречу породившему нас Солнцу,
Two rays that travel to the original Light.	Как два луча, которые идут в далёкий изначальный Свет.
To lead man's soul towards truth and God we are born,	Мы были рождены вести людские души к истине и Богу,
To draw the chequered scheme of mortal life	Вписать изменчивую схему смертной жизни
Into some semblance of the Immortal's plan,	В одно из очертаний замысла Бессмертного,
To shape it closer to an image of God,	И дать ей форму, лучше подходящую под образ Бога,
A little nearer to the Idea divine."	Чуть ближе для божественной Идеи."
She closed her arms about his breast and head	Она руками крепко обняла его

As if to keep him on her bosom
worn
For ever through the journeying of
the years.
So for a while they stood
entwined, their kiss
And passion-tranced embrace a
meeting-point
In their commingling spirits one
for ever,
Two-souled, two-bodied for the
joys of Time.
Then hand in hand they left that
solemn place
Full now of mute unusual
memories,
To the green distance of their
sylvan home
Returning slowly through the
forest's heart.
Round them the afternoon to
evening changed;
Light slipped down to the brightly
sleeping verge,
And the birds came back winging
to their nests,
And day and night leaned to each
other's arms.

Now the dusk shadowy trees
stood close around
Like dreaming spirits and,
delaying night,
The grey-eyed pensive evening
heard their steps,
And from all points the cries and
movements came
Of the four-footed wanderers of
the night
Approaching. Then a human
rumour rose

за голову и плечи,
Как будто бы желая
сохранить его,
Закутав на своей груди
на долгие года их путешествия.
Итак они, переплетаясь, стояли;
их поцелуй, и погружающее в транс
Объятие страсти
было точкой встречи,
В которой дух его
и дух её слились в одно навеки,
С двумя телами и с двойной душой,
для радостей во Времени.
Затем, рука в руке, они покинули
торжественное это место,
Отныне полное безмолвных
и особенных воспоминаний,
Шагнув к зелёным далям
их лесного дома,
Неторопливо возвращаясь
через сердцевину джунглей.
Вокруг же утро
вечером сменилось;
Свет заскользил вниз
к светлой засыпающей опушке,
Летели плавно птицы,
возвращаясь к гнёздам,
А день и ночь склонились,
пав в объятия друг друга.

Сейчас тенистые от сумерек деревья
тесно окружили их,
Как грезящие духи
и, задерживая ночь,
Печальный сероглазый вечер
вслушивался в их шаги;
Со всех сторон к ним
подступали крики и движения
Четвероногих странников,
гуляющих в ночи,
Всё ближе подходящих к ним.
Но вот возникли человеческие звуки,

Long alien to their solitary days,	Давно уже чужие
Invading the charmed wilderness of leaves	для их дней отшельников, Вторгаясь в очарованную дикость листьев,
Once sacred to secluded loneliness	Когда-то бывшую священной для укромного уединения,
With violent breaking of its virgin sleep.	Неистовым прорывом в девственную дремоту.
Through the screened dusk it deepened still and there neared	Сквозь укрывающие сумерки, всё более сгущалась, приближалась
Floating of many voices and the sound	Речь многих голосов и громкий топот многих ног,
Of many feet, till on their sight broke in	Пока в их взоры не ворвались,
As if a coloured wave upon the eye	Цветными волнами, заполонив их взгляд
The brilliant strenuous crowded days of man.	Сверкающие, напряжённые и переполненные дни людей.
Topped by a flaring multitude of lights	Увенчанная ослепляющим обилием огней,
A great resplendent company arrived.	Большая и сверкавшая компания возникла здесь.
Life in its ordered tumult wavering came	Явилась жизнь в своей волнующейся суматохе,
Bringing its stream of unknown faces, thronged	Неся потоки незнакомых лиц, вокруг всё заполняя
With gold-fringed headdresses, gold-broidered robes,	Одеждой с золотой вышивкой и шляпами с богатою каймой,
Glittering of ornaments, fluttering of hems,	Сверканием орнаментов и трепетаньем бахромы,
Hundreds of hands parted the forest-boughs,	И сотней рук, что раздвигали в стороны лесные ветви,
Hundreds of eyes searched the entangled glades.	И сотней глаз, что их искали по опутанным листвой полянам.
Calm white-clad priests their grave-eyed sweetness brought,	Спокойные жрецы, с суровым взором, В их белых одеяниях, держали благовония,
Strong warriors in their glorious armour shone,	Могучие бойцы сверкали славными доспехами,
The proud-hooved steeds came trampling through the wood.	И гордые подкованные кони,

In front King Dyumatsena walked, no more	тяжело ступая, проходили через лес. Царь Дьюматсена, больше не слепой, шёл первым,
Blind, faltering-limbed, but his far-questing eyes	И несмотря на дрожь, его смотрящие вдаль очи,
Restored to all their confidence in light	Восстановив своё доверие к земному свету,
Took seemingly this imaged outer world;	В себя вбирали внешний мир, наполненный богатством образов;
Firmly he trod with monarch step the soil.	Уверенно ступал он по земле походкою монарха.
By him that queen and mother's anxious face	С ним рядом было беспокойное лицо царицы-матери,
Came changed from its habitual burdened look	Что шла, на время изменив привычному, заботливому взгляду,
Which in its drooping strength of tired toil	Который в затупившейся когда-то силе, утомившись от труда,
Had borne the fallen life of those she loved.	Поддерживал собою всё больше приходящую в упадок жизнь кого она любила.
Her patient paleness wore a pensive glow	Её болезненная бледность обрела задумчивый румянец,
Like evening's subdued gaze of gathered light	Похожий на смиренный взгляд заката, собирающего свет,
Departing, which foresees sunrise her child.	Который, уходя, предвидит новые восходы солнца, своего дитя.
Sinking in quiet splendours of her sky,	Поникнув в тихой роскоши своих небес,
She lives awhile to muse upon that hope,	Она жила всё это время в мыслях о надежде,
The brilliance of her rich receding gleam	Сверканием её богатого, но отдалявшегося блеска,
A thoughtful prophecy of lyric dawn.	Задумчивым предвиденьем лирической зари.
Her eyes were first to find her children's forms.	Её взгляд первым увидел фигуру своего дитя.
But at the vision of the beautiful twain	И тотчас же, при виде той прекрасной пары
The air awoke perturbed with scaling cries,	Всё взорвалось вокруг

And the swift parents hurrying to
their child, —

Their cause of life now who had
given him breath, —

Possessed him with their arms.

Then tenderly

Cried Dyumatsena chiding
Satyavan:

"The fortunate gods have looked
on me today,

A kingdom seeking came and
heaven's rays.

But where wast thou? Thou hast
tormented gladness

With fear's dull shadow, O my
child, my life.

What danger kept thee for the
darkening woods?

Or how could pleasure in her ways
forget

That useless orbs without thee are
my eyes

Which only for thy sake rejoice at
light?

Not like thyself was this done,
Savitri,

Who ledst not back thy husband to
our arms,

Knowing with him beside me only
is taste

In food and for his touch evening
and morn

I live content with my remaining
days."

But Satyavan replied with smiling
lips,

"Lay all on her; she is the cause of
all.

от нарастающего крика

И быстрые родители
поторопились к сыну, —

Кто был источником их жизни,
кто дарил им новое дыхание, —

Они его схватили,
заклучив в объятия.

Затем, любя,
вскричал царь Дьюматсена,
упрекая Сатьявана:

"Сегодня боги счастья и удачи
посмотрели на меня,

Пришло к нам царство поиска
и светлые лучи небес.

Но где ж ты был?
Ты мучал радость

Тупую тенью страха,
о мой сын, о жизнь моя.

Что за опасность
в тех темнеющих лесах
тебя держала?

И что за наслажденье на её путях
заставило тебя забыть

Что станут без тебя пустыми,
бесполезными глазницами
мои глаза,

Что только для тебя
я радуюсь, живу на свете?

Была ты не похожа на себя,
Савитри,

Что мужа не вела назад,
в объятия родителей,

Прекрасно зная,
что лишь рядом с ним
есть вкус у пищи,

Что только для его касаний
по утрам и вечерам

Я продолжаю жить
в согласии с оставшимися днями."

Но Сатьяван ответил им,
с улыбкой на устах:

"Лежало всё на ней,
она всему причина,

With her enchantments she has
 twined me round.
 Behold, at noon leaving this house
 of clay
 I wandered in far-off eternities,

 Yet still, a captive in her golden
 hands,
 I tread your little hillock called
 green earth
 And in the moments of your
 transient sun
 Live glad among the busy works
 of men."
 Then all eyes turned their
 wondering looks where stood,

 A deepening redder gold upon her
 cheeks,
 With lowered lids the noble lovely
 child,
 And one consenting thought
 moved every breast.
 "What gleaming marvel of the
 earth or skies
 Stands silently by human
 Satyavan
 To mark a brilliance in the dusk of
 eve?
 If this is she of whom the world
 has heard,
 Wonder no more at any happy
 change.
 Each easy miracle of felicity

 Of her transmuting heart the
 alchemy is."
 Then one spoke there who seemed
 a priest and sage:
 "O woman soul, what light, what
 power revealed,

 Working the rapid marvels of this
 day,

Своею магией
 она меня кругом обвила,
 И знай же, в полдень,
 я оставил этот дом из плоти,
 И стал скитаться
 в отдалённых вечностях,
 Но всё же продолжал быть пленником
 её прекрасных рук,
 Я обошёл ваш невысокий холмик,
 называемый зелёною землёй,
 И в эти краткие мгновенья
 вашего недолговечного светила,
 Я рад жить среди вас,
 средь беспокойных дел людей."
 Тогда все взоры
 удивлённо повернулись
 на место, где стояла,
 Сгущая золотой румянец
 на своих щеках,
 Потупив очи,
 гордое, прекрасное дитя,
 И пронеслась у каждого в душе
 одна единственная мысль.
 "Что за сверкающее
 чудо неба и земли
 Стоит безмолвно
 с человеком Сатьяваном
 И выделяется своим сиянием
 в вечернем сумраке?
 И та ли это женщина,
 о ком мир был наслышан,
 И более не удивляется
 счастливым переменам.
 Ведь каждое
 естественное чудо счастья
 Алхимия её
 преображающего сердца."
 Затем сказал тот, кто казался
 мудрецом или жрецом:
 "О женщина, могучая душа,
 так что за свет,
 и что за сила появилась,
 Творя стремительные чудеса

Opens for us by thee a happier
age?"

Her lashes fluttering upwards
gathered in

To a vision which had scanned
immortal things,

Rejoicing, human forms for their
delight.

They claimed for their deep
childlike motherhood

The life of all these souls to be her
life,

Then falling veiled the light. Low
she replied,

"Awakened to the meaning of my
heart

That to feel love and oneness is to
live

And this the magic of our golden
change,

Is all the truth I know or seek, O
sage."

Wondering at her and her too
luminous words

Westward they turned in the
fast-gathering night.

From the entangling verges
freed they came

Into a dimness of the sleeping
earth

And travelled through her faint
and slumbering plains.

Murmur and movement and the
tread of men

Broke the night's solitude; the
neigh of steeds

Rose from that indistinct and
voiceful sea

сегодняшнего дня,

Открыв для нас, благодаря тебе,
счастливую эпоху?"

Её ресницы вздрогнули
и трепетно поднялись,

И устремились к видению,
что раскрывало перед ней
бессмертное,

И наслаждаясь, открывало
человеческие формы
ради их восторга.

Они желали от неё
в своих глубинах, словно дети,
отношения матери

И чтоб её жизнь стала
жизнью этих душ,

Затем ресницы опустились вниз,
скрывая этот свет.

Она негромко отвечала —

"Я поняла предназначенье
собственного сердца —

Жить нужно, чтобы ощущать
единство и любовь,

И эта магия
прекрасной нашей перемены

Есть вся та истина,
что я узнала и искала, о мудрец."

Дивясь и на неё,

и на её столь светлые слова,

Они направились на запад
в быстро наступающей ночи.

Из спутанных чащоб,
они, освободившись, вышли

В туманную неясность
засыпающей земли,

И шли по неотчётливым
и дремлющим равнинам.

Лишь шорохи, движения,
шаги людей

Рассеивали одиночество ночи;
храп лошадей

Шёл вверх от этого неразличимого

Of life and all along its marchings
swelled

The rhyme of hooves, the chariot's
homeward voice.

Drawn by white manes upon a
high-roofed car

In flare of the unsteady torches
went

With linked hands Satyavan and
Savitri,

Hearing a marriage march and
nuptial hymn,

Where waited them the
many-voiced human world.

Numberless the stars swam on
their shadowy field

Describing in the gloom the ways
of light.

Then while they skirted yet the
southward verge,

Lost in the halo of her musing
brows

Night, splendid with the moon
dreaming in heaven

In silver peace, possessed her
luminous reign.

She brooded through her stillness
on a thought

Deep-guarded by her mystic folds
of light,

And in her bosom nursed a greater
dawn.

The End

гуденья моря жизни,

И всем их строим

правил ритм копыт,

И звук повозок,

направлявшихся домой.

В карете с открывающимся верхом,

ехали, заметные на фоне

лошадиных белых грив,

В неровном свете

движущихся факелов,

Держа друг друга за руки

Савитри с Сатьяваном,

И вслушивались в брачный гимн

и свадебные марши,

Что ожидали их

в многоголосом мире человека.

Бесчисленные звёзды

плыли медленно

по призрачным своим полям,

Высвечивая в темноте

дороги света.

Потом, когда они свернули

к югу от опушки,

Затерянная в облаке

своих задумчивых бровей,

Ночь, полная великолепия,

с луной, мечтающей на небесах

В своём серебряном покое,

завладела этим светлым царством.

Она вынашивала в том безмолвии

свою особенную мысль,

Что охранялась в глубине

её мистическими впадинами света,

И грудь вскармливала

новую, великую зарю.

Конец

Appendix.
Unused Passages
for Savitri

SA Archives and Research,
Vol 10, No1 and 2, pp 150-159

[Book II, Canto 6]
The Kingdoms and Godheads of
the Greater Life

*Cf. Centenary edition, pp. 189-91.
This is Sri Aurobindo's last
handwritten version of the passage
following the line
"And wordless mouths
unrecognisable."
An earlier manuscript was used for
the final dictated revision of the end
of this canto and the beginning of the
next.*

Immortal secrecies, seer-wisdoms
lost
In the descent towards our mortal
fate
Spoke from the figures of her
masquerade
In a familiar and forgotten tongue,
Or peered from the recondite
magnificence
And subtle splendour of her
draperies.
In sudden scintillations of the
Unknown,
Glints from the opaque and
strange translucencies,
Appearances and objects changed
their powers;
Things without value heavenly
values took,

Приложение.
Неиспользованные фрагменты
Савитри

Архивы и Исследования.
Том 10. номер 1 и 2, стр. 150-159

[Книга II, Песня 6]
Царства и Боги
более Высокой Жизни

*См. Юбилейное издание, стр. 189-191.
Это последняя рукописная версия фрагмента,
который идёт после строки
"И бессловесными неузнаваемыми ртами."
Эта ранняя рукопись была использована для
окончательного надиктованного пересмотра
конца этой песни и начала следующей.*

Утерянные некогда
бессмертные секреты и
провидческая мудрость,
Спускаясь к смертной
человеческой судьбе
С ним говорили,
словно персонажи маскарада
На близком и понятном,
но забытом языке,
Или выглядывали из
богатой сложности её великолепия
И тонкой роскоши
её прекрасных драпировок.
Среди внезапного
сверканья Неизвестного,
В мерцаньях из
полупрозрачных странных сфер
и тёмных областей,
Предметы и явления изменялись
в силе и энергиях;
Что не имело никакой цены,
приобретало там небесное значение,

Inexpressive sounds became veridical,	Невыразимое звучанье начинало отражать реальность,
Ideas without meaning flashed apocalypse:	Идеи, не имеющие смысла, сверкали словно апокалипсис:
Wise tokens spelled out gibberish to the untaught;	Там знаки мудрости вставляли тарабарщиной для неофита;
And phrases which meant nothing and meant all	И фразы, не имеющие смысла, и фразы, означающие всё на свете
Wrapped in defensive armoured visored sight,	Одеты были в прочные доспехи, глядели из закрытого забрала,
And oracles and sibylline prophecies	А предсказания и пророчества Сибиллы
Offered themselves by the roadside for a price	Себя навязывали за гроши, как попрошайки на обочине
Increased at each rejection by the mind;	И разрастались с каждым новым отрицанием ума;
Voices that seemed to come from unseen worlds	Те голоса, которые, казалось, приходили из невидимых миров,
Uttered the syllables of the Unmanifest	Произносили слоги Непроявленного,
And clothed the body of the mystic Word;	Стремясь облечь мистическое Слово;
The wizard diagrams of an occult Force	Там колдовские чертежи окультной Силы
Fixed for the world's magic processes the law	Магическим процессам мира навязывали свой закон
Of their precise unaccountable miracle,	Их точного, бесчисленного чуда,
And hue and figure brought their unsounded deeps	А образы и цвет несли неизмеримые глубины смысла
Of mindless context to reconstitute	Не связанного с мыслями, стремясь восстановить
In the brooding hush of intuitive stillnesses	В вынашивавшей что-то тишине интуитивного безмолвия
The herald blazon of Time's secret things[.]	Глашатая, что выдаёт секреты Времени.
Amid her symbols of reality (For such they seemed to a vision too remote	Средь этих символов её реальности (Которые так представлялись взгляду слишком отдалённому,
As we to a greater being symbols are,)	Как видимся мы сами неким символом для более великих и возвышенных существ,)
His life-walk was and new spiritual home:	И шла его дорога жизни,

He moved and lived with them as real forms,	ожидал его духовный новый дом: Он двигался и жил средь них,
Their lives were as concrete as the lives of men[.]	как посреди реальных форм, Их жизни были более реальными,
Their touch as vivid as our fellows touch;	конкретными, чем жизнь людей, Касания их были так же ощутимы,
Their divine bodies make our fancies true	как прикосновенья наших близких; Божественные их тела могли любую нашу прихоть воплотить в реальность
And bring to us breathing and animate	И приносили нам стремление и воодушевление,
What in ourselves we only think and feel.	Которые внутри себя мы только чувствуем и о которых только помышляем.
A grace of scenes quivered around him there	Вокруг него происходили сцены полные таким изяществом,
That were almost embodied [sympathies]; ¹	Что были чуть не воплощением понимания;
Their breath of dreams and language without speech	Дыхание их грёз, язык без слов
Answered to the thought and passion of the soul.	В них отвечали каждой мысли, каждому волнению души.
There form and feeling were identical,	Там форма с чувством обретали полное единство,
And shape and thought a single harmony;	А мысль и облик жили как одна гармония;
Nothing was there brute and inanimate.	Там грубого и неживого не было совсем.
These scenes were signs in life's long miracle-play.	Все эти сцены становились знаками в чудесной, долгой пьесе жизни.
In her green wildernesses and lurking depths,	И в изумрудной дикости её, и в затаившихся глубинах,
In her thickets of joy where danger clasps delight,	И в дебрях радости её, когда опасность обнимает наслаждение,
He glimpsed the hidden wings of her songster hopes[.]	Он видел мельком скрытые крыла её певцов надежд,
A glimmer of blue and gold and scarlet fire.	Мерцанья голубого, золотого, алого огня.
Along her wandering lanes and chance by-paths	Гуляя по её блуждающим тропинкам,

¹ MS scenes; the previous draft has "sympathies"

And by her galloping rivulets and
 calm lakes
 He plucked the glossy fruits of her
 self-ease
 Or shared her rich content in
 browsing herds,

 The light wayward flitting of her
 butterfly hours

 And her love-callings in the voice
 of birds,
 And felt her embodied sweetness
 in her vales,
 Her wide hill-breasts glowing in
 the greatness of morn
 And the lounging hips of her
 grasslands' large sun-sleep

 And her covert raptures in her
 forest haunts
 And the beauty of her flowers of
 dream and muse.
 Often in the radiant slumber of her
 noons
 He saw incarnate in a swarm of
 gleams
 On a glamour and gladness of
 bright surfaces,
 A smile of depths, a cry of
 secrecies,
 Thought's dance of dragonflies on
 mystery's stream
 That skim but dare not dip in the
 murmur and race;

 Or the levity of her immortal mind

 He heard in¹ the laughter of her
 rose desires,
 Running to lure the bliss of the
 heart's surprise

и случайным ответвлениям,
 Вблизи несущихся ручьёв
 и полных безмятежности озёр
 Он мог срывать блестящие плоды
 её непринуждённости
 Иль наполнять себя
 богатством удовольствий
 Её неспешно размышлявших стад,
 Иль чувствовал капризное
 и лёгкое порхание
 Её часов, подобных мотылькам,
 И зов её любви
 среди щебета и пеня птиц,
 Как воплощенье сладости
 он ощущал её долины,
 Её холмы, широкие, как груди,
 полыхавшие среди величья утра
 И беззаботные, изнеженные бедра
 её широких пастбищ,
 дремлющих на солнце,
 И скрытые восторги
 в глубине её лесных убежищ,
 И красоту её цветов
 мечты и размышлений.
 И часто, среди лучащейся
 дремоты полдня
 Он видел, воплощённый
 в рое отражений,
 В очаровании и радости
 её живых обличий
 Улыбку из её глубин
 и зов её секретов,
 Стрекозий танец мыслей
 по потоку тайны,
 Что пролетает,
 но не смеет погрузиться
 в этот шум и гонку;
 Иль слышал он за смехом
 розы многочисленных желаний
 Весёлый нрав и легкомыслие
 её бессмертного ума,
 Бегущего увлечь

¹ Or and

Into a world of bloom and song and light	блаженство удивленья сердца В мир полный песен, солнечных лучей, цветения,
And through the scented ways to guide pursuit	И направляющий его стремление по благоухающим дорожкам,
Jangling sweet anklet-bells of fantasy.	Позванивая мелодичными ножными колокольцами фантазии.
A comrade of the silence of her heights	Как близкий друг безмолвия её высот
Accepted by her mighty loneliness,	И принятый её могучим одиночеством,
He sat with her on meditation's peaks	Он с ней сидел на пиках медитации,
Where life and being are a sacrament	Где жизнь и бытие есть таинство
Offered to a Reality beyond	И предлагаются Реальности лежащей за пределами,
And stood with her upon the edge of Time	Он с ней стоял на острой кромке Времени
Looking into ineffable formlessness,	И пристально смотрел в невыразимую бесформенность,
Or climbed a perilous stair in silent Mind	Иль поднимался по опасной лестнице безмолвного Ума
And from a watch-tower in self's solitudes	И из дозорной башни одиночеств внутреннего "я"
He saw her loose into infinity	Он видел, как она освобождает в бесконечное, снимая колпачки,
Her hooded eagles of significance, Messengers of Thought to the Unknownable.	Своих орлов значения и смысла, Посланников Мышления в Непознаваемое.
Thus close to her in body and in spirit[,]	Став ближе к ней, как в теле, так и в духе,
Identified by soul-vision and soul- sense	Отождествляясь виденьем души и ощущением души,
And made one with all she was and longed to be,	И становясь единым со всем тем, чем там она была, и чем хотела быть,
He thought with her thoughts, suited to her steps his steps,	Он думал мыслями её и вкладывал свои шаги в её шаги,
Lived by her breath and saw things with her eyes,	Он жил её дыханьем, видел всё её глазами,
Fainted with her weakness, was powerful with her strength,	Слабел от слабости её,

<p>That so he might learn the secret of her soul. He admired her splendid front of pomp and play And the marvels of her rich and delicate craft And her magic of order and her swift caprice, And her indomitable will to be, And thrilled with the insistence of her cry And bore like a Mother's ardent despot clutch</p> <p>Her force that admits no other way than its own,</p> <p>Her hands that knead Fate in their violent grasp, Her touch that moves, her powers that seize and drive[.]</p> <p>A will was in her to exceed her forms</p> <p>Impatient to transfigure the finite world, A huge desire to marry the Infinite; He felt in her her hope and her despair, The trouble and rapture of her heaving breasts, The passion that possessed her yearning limbs[.] Her mind that toiled dissatisfied with its fruits, Her heart that captured not the one Beloved.</p> <p>But all that he could see or she disclose</p>	<p>был сильным силами её, И только так он мог познать секрет её души. Он обмирал от роскоши её фасада блеска и игры, И от чудес её богатого и тонкого искусства, От магии её порядка, и от быстрого непостоянства, И от её неукротимой воли быть, И трепетал от требования её призыва, С трудом терпел как пылкое и деспотичное объятие Матери И силу в ней, которая не оставляет никаких других путей, кроме её, Её ладони, что в неистовом захвате, судьбу замешивают, словно тесто, Её касание, которое всё время изменяется, Её энергии, которые хватывают и ведут. Была в ней воля постоянно превышать свои же формы, И нетерпенье переделать наш конечный мир, И необъятное желанье обручиться с Бесконечным; Он ощущал в ней — и её надежду, и её отчаяние, Волнение и восторг её вздымающихся грудей И страсть, которая охватывала всё её тоскующее тело, И ум её, что тяжело трудился, недовольный результатом, И сердце у неё, что не смогло пленить Её единственного одного Любимого. Однако, всё, что мог он видеть</p>
--	---

Left still the ultimate secret
unrevealed;
Something she was unknown to
him or her.
Always he met a veiled and
seeking Force,

An exiled Goddess building
mimic heavens,

A Sphinx whose eyes looked up to
an unseen Sun.

или же она ему являла,
По-прежнему лежало
запредельной, нераскрытой тайной,
И что-то оставалось непонятым
для него, иль для неё.
Всё время он встречал
какую-то замаскированную,
ищущую Силу,
Неведомую, изгнанную из небес
Богиню,
Что строит подражанье небесам,
И Сфинкса, чьи глаза
смотрели вверх
И видели невидимое Солнце.

[Book II, Canto 7]
The Descent Into Night

[Книга II, Песня 7]
Спуск в Ночь

*Cf. Centenary edition, pp. 212-13.
This is Sri Aurobindo's last
handwritten version of this passage.*

*См. Юбилейное издание, стр. 212-213
Это последняя версия этого фрагмента,
написанная от руки Шри Ауробиндо*

There Life displayed to the
spectator soul
The shadow depths of her strange
miracle.
As might a harlot empress in a
bouge,
Nude, unashamed, exulting she
upraised
Her evil face of perilous beauty
and charm
And drawing panic to a
shuddering kiss
Twixt the magnificence of her
fatal breasts,
Allured to their abyss the spirit's
fall.
Once it had plunged, it asked not
for release,
It took fierce joy in the ecstasy of
its pains[,]
It found freedom's taste in a
choice of delicate bonds
And reigned, sovereign of its own
decadence.
A plethora of scenes besieged the
gaze,
Thought-webs that reproduced
themselves in life
And taught the nature to be what it

Там Жизнь показывала
зрителю-душе
Лежащие в тени глубины
своего чужого чуда
Как проститутка,
как царица низкого притона,
Бесстыжая и голая,
она, ликуя, поднимала
Своё зловещее лицо
опасного очарования и красоты
И, погружая в панику
от заставляющего вздрогнуть
поцелуя
Меж роскошью
своих губительных грудей,
Заманивала в пропасти
падения духа.
Нырнув туда когда-то раз,
Жизнь больше
не просила избавления
И соглашалась
на неистовое наслаждение
в экстазе боли,
И находила вкус свободы
в выборе изысканных
и изощрённых уз,
И правила всем этим,
как императрица
собственного разложения.
Там было множество
различных сцен,
что окружали взгляд,
И паутина мыслей,
что стремились воспроизвести себя
в потоке жизни,
Природу приучая быть такой,

saw;
 For it is mind that makes the form
 of the days
 With the colours it absorbs from
 the world's hues
 And thought decides the destiny
 of the soul.
 Across the field of sight she
 multiplied,
 As on a scenic film or moving
 plate,
 The implacable splendour of its
 nightmare pomps
 And her rapture vision of infernal
 joys:
 A glory of abominable things.

 On the dark background of a
 soulless world
 She staged between a lurid light
 and shade
 Her dramas of the sorrow of the
 depths
 Written on the anguished nerves
 of living things:
 Her epics of horror and grim
 ruthless deeds
 Paralysed pity in the hardened
 breast,
 And the spectacle of the degraded
 soul
 Dried up the founts of natural
 sympathy.
 In her booths of sin and night-
 repairs of vice
 Her sordid imaginations etched in
 flesh,
 Signed photogravures of her
 infamy,
 Published the covered dirt of
 Natures guilt,
 And foul scenarios hideous and
 macabre

какую видела она;
 Для этого был ум,
 выстраивавший облик дней
 В тех красках, что он впитывал
 из всех оттенков мира
 И мыслями решал
 судьбу души.
 Закрыв собою поле зрения его,
 она приумножала,
 Как в киноленте
 иль на движущейся фотоплёнке,
 Безжалостную роскошь
 своего раздутого кошмара
 И свой восторг от созерцания
 бесчеловечных радостей:
 Триумф всех этих
 омерзительных вещей.
 На тёмном фоне
 мира без души,
 Среди мрачной, грозовой игры
 теней и света
 Она всё время инсценировала
 драмы горя из глубин
 И ставила их на агонизирующих нервах
 у живых существ;
 И эти эпопеи ужаса,
 безжалостных жестоких дел
 Парализовывали состраданье
 в сдавленной груди,
 А сцены падшей,
 опустившейся души
 Высушивали родники
 естественной симпатии.
 В её публичных заведениях греха,
 ночных пристанищах порока
 Её убогие фантазии
 врезались в плоть,
 Подписывая фотоотпечатки
 низостей её,
 Распространяя скрытую нечистоту
 мучения Природы,
 А непристойные сценарии,
 отталкивавшие и жуткие,

And gargoyle masques obscene
and terrible
Came televisioned from the gulfs
of Night:

And twisted caricatures of reality

And art chef-d'oeuvres of weird
distorted lines

Trampled the torn sense into
tormented shapes[.]

A craft of ingenious monstrosities

Made vileness great and
sublimated filth

И рыльца театральных масок,
похабные и страшные,

К ней приходили,
как по телевизору,
из бездн Ночи:

А искажённые карикатуры
на реальность,

Искусные шедевры
странных искривлённых черт

Измученное чувство втоптывали
в эти раздражающие формы.

Так мастерство
искусного уродства

Из отвратительного
делало великое
и возвышало грязь.

[Book IV, Canto 2]
The Growth of the Flame

[Книга IV, Песня 2]
Рост Пламени

*Cf. Centenary edition, pp. 359-60.
The top and carbon copies of a
typescript of this canto were
differently revised on separate
occasions.
This is the most significantly revised
portion of the lop copy, which was not
directly used for the final text.*

*См. Юбилейное издание, стр. 359-360.
Чистовая и копия под копирку печатного
варианта этой песни были по-разному
отредактированы при разных
обстоятельствах.
Это наиболее значительно переделанная часть
чистовой копии, из тех, что не были прямо
использованы для окончательного текста.*

A land of mountains and wide
sun-beat plains
And giant rivers pacing to vast
seas,
A marvellous land of reverie and
trance,
Silence swallowing life's act into
its sea
And action springing from
spiritual hush,
Of thought's transcendent climb or
heavenward leap,
Home of the mightiest works of
God and man
Where Nature seemed a dream of
the Divine
And beauty and grace and grandeur
flowered from its dream,
Harboured the childhood of the
incarnate Flame.
Over her watched millennial
influences
And the deep godheads of a
grandiose past
Looked out and saw the future's
godheads come.
Earth's brooding wisdom spoke to
her still breast;
Mounting from mind's last peaks

Страна высоких гор,
широких, солнцем выжженных,
равнин,
Гигантских рек,
текущих медленно
к безбрежности морей,
Чудесная страна
мечтаний и экстаза,
Молчания, что поглощает жизнь,
с её заботами, в свой океан,
И действий, возникающих спонтанно
из духовной тишины,
Мир трансцендентного
подъёма мысли,
Иль мысли, что прыжком
уходит в небеса,
Родной дом для могучих дел, творений
Бога или человека,
Там, где Природа кажется
мечтою о Божественном,
А красота, изящество, величье
расцветают из своей мечты,
Стал гаванью для
детства воплощенья Пламени.
Над нею наблюдали мир
тысячелетние влияния,
А боги грандиозных
прошлых лет
Смотрели из глубин
и видели приход богов грядущего.
Земли задумчивая мудрость
говорила с тихой её душой;
Поднявшись над

<p>to mate with gods, Making earth's brilliant thoughts a springing board To dive into the cosmic vastnesses The knowledge of the thinker and the seer Saw the unseen and thought the unthinkable, Opened large doors upon infinity And gave a shoreless sweep to mortal acts. Art and the vision of beauty called to the eyes Figure and hues native to higher worlds Till this world's images took that greater stamp. Nature and soul vied in nobility. Ethics keyed earthly lives to imitate heaven's; The harmony of a rich culture's tones Exhausted and exceeded earth's full store, Refined the sense and magnified its reach To hear the unheard and glimpse the invisible In subtle fields that escape our narrow ken And taught the soul to soar beyond the known And steal entry into the Immortals' worlds. Inspiring life to greaten beyond its bounds</p>	<p>последними вершинами ума, чтоб вместе быть с богами, И делая трамплин из ослепительных земных идей, Чтобы нырнуть в космический простор, В ней знание провидца и мыслителя Смотрело на незримое и размышляло о немислимом, Открыв широкие врата на бесконечность Оно дарило смертным действиям безбрежность. Искусство, видение красоты в ней зазывали взгляд К оттенкам и обличиям, естественным для более возвышенных миров, Пока и в нашем мире эти образы не примут более великую печать. Душа с природой состязались в благородстве. Системы этики выстраивали жизни на земле как подражанье небесам; Гармония тонов разнообразия культуры Превосходя все мерки земной богатой памяти Стремилась сделать тоньше ощущение, расширить сферу чувств, Улавливать на слух неслышимое и воспринимать мельком незримое Среди тонких сфер, что за пределом узких наших взглядов, И душу научить парить за рамками известного И скрытно проникать в миры Бессмертных. Жизнь вдохновляя превзойти свои границы,</p>
---	---

Leaving earth's safety daring
 wings of Mind
 Bore her above the trodden roads
 of thought
 To live on eagle heights nearer the
 Sun
 Where wisdom sits on her eternal
 throne.
 All her life's turns led her to
 symbol doors
 Admitting to secret Powers who
 were her kin;
 Initiate of bliss and child of Light,

 A mystic acolyte trained in
 Nature's school
 Aware of the marvel of created
 things
 Her soul's gifts she gave, earth-
 magic's miracles
 Laid on the altar of the
 Wonderful;
 Her hours were a ritual in a
 timeless fane;
 Her acts she made gestures of
 sacrifice.
 Invested with the rhythm of higher
 spheres
 The word became a hieratic means

 For the release of the imprisoned
 spirit
 Into communion with its comrade
 gods:

 Helping to new expression and
 new form
 Some immemorial Soul in men
 and things,
 Seeker of the Unknown and the
 Unborn,
 It drew the veil from Nature's
 secrecies.

Забыв земную безопасность,
 дерзкие крыла Ума
 Несли её над проторёнными
 путями мысли,
 Чтобы на орлиной высоте
 жить ближе к Солнцу,
 Где мудрость восседает
 на своём небесном вечном троне.
 Вся жизнь её, все повороты
 подводили к символическим дверям
 И пропускали к тайным Силам,
 для неё родным;
 Дитя божественного Света,
 посвященная в блаженство,
 Мистический служка,
 она училась в школе Природы,
 И постоянно восхищаясь
 чудом сотворённого,
 Дары своей души
 и чудо магии земли
 Она дарила,
 возлагая на алтарь Чудесного;
 Её часы, моменты жизни
 были ритуалом в вечном храме;
 Её поступки становились
 жестом жертвоприношения.
 И слово, наполняясь
 ритмом высших сфер,
 Использовалось как
 священный способ
 Освобожденья духа
 из его темницы,
 Открыв ему возможность
 говорить с богами,
 как с друзьями:
 И помогая новым выражениям
 и новой форме,
 Какой-то древней, незапамятной Душе
 в вещах и в людях,
 Искателю Неведомого,
 Нерождённого,
 Оно срывало все покровы
 с тайн Природы.

[Book V, Canto 3]
Satyavan and Savitri

[Книга V, Песня 3]
Сатьяван и Савитри

These lines are found, written in the scribe's hand, at the end of a typed copy of this canto.

Эти найденные строчки были записаны рукой переписчика в конце печатной копии данной песни.

Now she travelled through many
changing lands,

Сейчас, когда она неслась
по многим изменившимся
за это время странам,

Earth round her was illumined by
her joy;

Земля вокруг неё как будто
озарялась радостью её;

Its hours were long supports for
rapture's face;

И долгие идущие часы
лишь укрепляли тот восторг,
что был в её лице;

Life was an outbreak of the All-
Wonderful.

Жизнь стала всполохами
Все-Чудесного.

All hope and chance took on a
brighter shape:

И всякий случай, всякая надежда
обретали яркий облик:

This ordinary life of man could
change;

И даже эта, повседневная,
обычная жизнь человека,
сумела измениться;

The seal was there of the
Ineffable.

На всём была
печать Невыразимого.

This meeting cut across old
Nature-lines

Все эти возникающие встречи
охватывали старые
черты Природы

To pen upon its bold decisive page
The foreword of her soul's
biography.

И вписывали в биографию её души
Свою решительную смелую
страницу предисловия.

Two powers had come down from
the unknown Beyond

Две силы вниз спустились
из неведомого Запредельного

To play their part upon the cosmic
ground.

Сыграть им предназначенные роли
на космической арене.

These spirits linked two lines of
eternity,

Два этих духа были связаны
с двумя чертами вечности,

These bodies joined two points of
the infinite.

Два этих тела связывали
две различных точки
в бесконечности.

These lives must serve the
Timeless and Unseen

Их жизням здесь
предназначалось послужить
Вневременному и Незримому

For writing out in symbol human

Чтоб символическими

acts
The meaning of God's mystery
play in Time.

действиями человека
Они бы описали смысл
загадочной игры
Всевышнего во Времени.

[Book VI, Canto 2]

The Way of Fate and the Problem
of Pain

*Cf. Centenary edition, pp. 457-59.
This is another version, written by Sri
Aurobindo in a chit-pad, of the
passage following the line
"It keeps for her her privilege of
pain."*

But hard it is for human mind to
feel
Heaven's good in life's crash and
the iron grasp of Doom
Or tolerate the dreadful mystery
Of pain and grief and evil masking
God.
How can it seize the thousand-
sided drive,
The single act pointing a million
acts,
The mystic total of the magical
sum
Or swept by the world-ocean's
rushing waves
Sense mid the wash and spume
and loud multitude
The one all-discerning Will, the
[touch, the]¹ tread
Of God's indivisible reality?
Man's thought is like a diamond
cutting gems[.]
Man's will is like a labourer
hewing stones:
He cuts into sky-strips the

[Книга VI, Песня 2]

Путь Судьбы и
Проблема Боли

*См. Юбилейное издание, стр. 457-459.
Это написанная Шри Ауробиндо на карточке
другая версия отрывка, который идет после
строчки
"И сохраняет для неё
её особые права на боль."*

Но трудно человеческим умам
бывает ощутить
Добро небес
среди крушенья жизни
и железной хватки Рока
Иль вытерпеть
ужасную мистерию
Из боли, горя, зла,
которые скрывают Бога.
Как охватить ему
движенье в тысячи сторон,
Иль целостное действие,
которое нацелено
на миллионы действий,
Мистическую сумму
из магических итогов,
Окинуть взглядом
все стремительные волны
океана мира,
И ощутить среди прибоя,
пены, грохота вокруг
Единую, всё-различающую Волю,
поступь и касание
Неразделяемой реальности
Всевышнего?
Мысль человека —
украшенье с вынутыми
драгоценными камнями,
А человеческая воля —
как чернорабочий,
что обтёсывает камни:
Из безграничной Истины

¹ Two words doubtful.

<p>boundless Truth And takes each strip as if it were all the heavens. His knowledge chained to thought and led by words</p> <p>Is gaoled in the divisions it has made.</p> <p>He looks at infinite possibility</p> <p>And gives to its plastic Vast the name of Chance; He sees the long result of the all- wise Force And feels the cold rigid limbs of lifeless Law. The will of the Timeless working out in Time In the free absolute steps of cosmic Truth He thinks a dead machine, an unconscious fate. It is decreed and Satyavan must die; Her hour is known, foreseen the fatal stroke. What else shall be is written in her soul, But till the hour reveals the fateful script,</p> <p>The writing waits illegible and mute. Her mortal breast hides her immortal Fate. O King, thy fate is a transaction fixed In long advance but altered and renewed At every hour between Nature and thy soul[.]</p>	<p>он вырезает лоскутки небес И принимает каждый лоскуток за небо. Всё знание его приковано цепями к мысли, направляется словами, Он заключён в тюрьму той разделённостью, что сам же создает.</p> <p>Он смотрит в бесконечности возможностей И называет Случаем податливый Простор; Он видит отдалённый результат всемудрой Силы И чувствует холодную и жёсткую ладонь бездушного Закона. Намеренье Вневременного, что работает во Времени И совершенные свободные шаги вселенской Истины Он видит мертвою машиной или бессознательной судьбой. Так решено, и Сатьяван умрёт; Известен час её¹, заранее предвиден роковой удар. Что будет дальше — то записано в её душе, Но до тех пор, пока час этот не проявит роковой сценарий, Записанное ждёт неясным и немым. В груди у смертной прячется её бессмертная Судьба. О Царь, твоя судьба — лишь сделка, Что в долгом продвижении, хотя и изменяемом, и обновляемом Всё время, ежечасно заключается между Природой</p>
---	--

¹ Савитри, прим. пер.

Its items ever grow and ever
 change;
 It is a balance drawn in Destiny's
 book.
 Thou canst open with thy fate a
 new account
 Begun upon a stainless virgin
 page.
 Thou canst dispute her formidable
 claim
 With God as the foreseeing
 arbiter,
 Thou canst accept thy fate, thou
 canst refuse[.]
 Even if the Judge maintains the
 unseen decree
 Yet thy refusal is in thy credit
 written:
 Death is no end, Fate moves, it
 stands not still.

 Its will unshaken by the bronze
 blare of Doom,
 The spirit soars up stronger by
 defeat,
 Its godlike wings grow wider with
 each fall.

 Its growth within is watered by its
 wounds[,]
 Its splendid failures' sum is
 victory.
 Thy fate touches the abyss to leap
 at heaven.
 Thy fate is like an army's
 marching ranks;
 It has many fronts and stands on
 many lines.
 Thy future's map is kept in planes
 unseen,

 Thy soul has planned its strategy
 with God.

и твоей душой.
 И ставки там всегда растут,
 и постоянно изменяются;
 И это тот баланс,
 что вписан в книгу Неизбежного.
 Ты можешь вместе со своей судьбой
 открыть какой-то новый счёт
 И с незапятнанного чистого листа
 начать всё заново.
 Ты можешь спорить
 с грозным требованием её
 И апеллировать к Всевышнему,
 как к знающему всё заранее арбитру,
 Ты можешь и принять свою судьбу,
 и можешь отказаться.
 Но даже если тот Судья
 и сохранит своё незримое решение
 Отказ твой будет помещён
 в твою кредитную страницу:
 Смерть не конец,
 Судьба идёт вперёд,
 и не стоит на месте.
 От звуков бронзовой трубы,
 что возвещает Приговор.
 Дух воспаряет,
 став сильнее от поражения,
 Его богоподобные крыла
 от каждого падения
 становятся всё шире.
 Его раненья
 орошают рост его внутри,
 Его блистательные неудачи
 в сумме сводятся к победе.
 Твоя судьба касается пучины,
 чтобы прыгнуть в небеса.
 Твоя судьба подобна
 марширующим фалангам армии;
 В ней множество фронтов,
 она стоит на разных диспозициях.
 И карта твоего грядущего
 уже хранится где-то там,
 в незримых планах бытия,
 Твоя душа уже спланировала

Thy body's fate comes first, a column pushed	вместе с Богом направление своей стратегии. Судьба для тела твоего приходит первой и она толкает строй
Through the forts of the present to a city unknown;	Сквозь крепости и укрепления настоящего Всё дальше, в город неизвестного;
Its march is marshalled by the wheeling stars That carry its cosmic consigns in their light. It sees not where it goes but walks by faith;	Её марш движется при помощи кружащих звёзд, Которые несут в своих лучах вселенские послания. Она не видит направление, куда идёт, но движется судьбой;
It smites its way through the world's opponent powers, Or, frustrate, longs and waits a happier birth.	Она то пробивается среди враждебных сил вселенной, А то, расстроенная, ждёт, в тоске желая более счастливого рождения.
A second front is in a greater plane;	Но есть второй фронт, он открыт на более высоком плане;
Thence thy life-forces drive like rolling waves Its small or large formations towards earth's days	И жизненные силы из него, твои, как перекаты волн Несут свои и малые, и крупные формации в земные дни
And swell the might of thy terrestrial fate Or as the wind-gods' squadrons jostle in heaven, Trumpeting with breath of storm and thunder's call And their arrows like gold lightnings fill the sky[.] Such is their coming, such their clamour and charge[.] In armour bright the shining riders come[.] Leaders hurrying Destiny's tardy race,	И наполняют мощь твоей земной судьбы, Иль словно эскадрон ветров-богов толкаются среди небес, Трубя дыханьем шторма и призывом грома Их стрелы, словно золотые молнии, исчерчивают небо, Так выглядит их появление, их требование и шумный крик. В сияющей броне приходят эти ослепительные всадники, Как предводители неторопливого движенья

Victors preparing grander shocks
to come.

If the soul could rise into that
greater plane
And with its motions quicken
man's petty life,
Erasing the firm consigns of the
stars
Thy will could then give orders to
thy fate[.]
On the radiant skyline of a greater
Mind
The Ideas that Fate fulfils not yet
are seen[.]

The secret Will has its
headquarters there
That planned the tactics of the
things that are
And behind them plans for greater
things to be[.]
Thence gleam the reconnaissances
divine[.]

Thence come the prophet scouts,
the [observer]¹ seers,
The godlike dreams, the vast and
wide-winged thoughts
That cannot yet take shape in
earthly life,

But here and there small part-
fulfilments dawned

And of their fragments is our
present made.
But if the soul could live upon
those heights,

подгоняющей Судьбы,
Как победители,
которые готовят нас
К приходу более великих потрясений.
И если бы душа смогла подняться
в этот более высокий план,
Своим движением ускорить
ограниченную человеческую жизнь,
Сметая напрочь
жёсткие предназначения звёзд,
Тогда бы воля у тебя
могла бы приказать твоей судьбе.
На лучезарных горизонтах
более великого Ума
Идеи, что должны
осуществлять Судьбу,
пока что не заметны.
Там штаб-квартира
тайной Воли,
Где составляются тактические планы
для всего, что существует,
А далее, за ними, планы
более возвышенных вещей.
Оттуда, к нам,
неясно светит зарево
божественной разведки,
Оттуда к нам приходят
и лазутчики-пророки,
Богopodobные мечты,
и необъятные, ширококрылые идеи,
Которые пока ещё
не могут воплотиться здесь,
в земной привычной жизни,
Но озаряют всё —
то там, то здесь,
Частичными своими,
маленькими воплощеньями,
И из своих фрагментов
выстраивают наше настоящее.
Но если бы душа
смогла бы жить
на тех высотах,

¹ Doubtful reading.

Then would his life be the
plaything of his thoughts,

His mind could be the shaper of
his fate.

Above all glows a supramental
range.

There is God's staff; there is his
High Command[.]

The Truth lives there which
oversees the world[.]

Of which all things are the
disfiguring robe[.]

O mortal, even now couldst thou
receive

Only some influence from that
marvellous plane,

All then would change, divinity be
thy fate.

То жизнь его²
была бы маленькой игрушкой
для его идей,

И ум его тогда бы
направлял его судьбу.

А выше этого всего
сверкает план супраментального.

Там ставка Бога;
там — его Верховное Командование.

Там — Истина,
что наблюдает за вселенной,

И для которой всё на свете —
лишь уродливое одеяние.

О смертный, ты сейчас
способен воспринять

Лишь некое влияние
того чудесного
и изумительного плана,

Но день придёт,
всё переменится,
Божественное станет для тебя судьбой.

² человека, прим. пер.

